

Л. С. МЕРЗОН

Проблемы научного факта

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Л. С. МЕРЗОН

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ФАКТА

Курс лекций

ЛЕНИНГРАД
1972

Лекция 1. Значение философского анализа факта и основные его аспекты

Значение проблемы. XX век — век науки. С распространением ее влияния на жизнь общества расширилась и сфера научного факта. Наука, которая активно используется обществом, должна быть наукой объясняющей и предсказывающей, а осуществить это можно лишь при условии точного описания изучаемых объектов действительности, а также конкретизации, эмпирической интерпретации теории. Богатство и разнообразие фактического материала становится одной из важнейших характеристик наук о природе и наук об обществе и человеке, наук описательных и теоретических, прикладных и фундаментальных. Благодаря расширению сферы и способов наблюдения и эксперимента, осуществлению измерения, использованию статистических методов при обработке эмпирических данных, фактуальное знание стало не только более широким, но и несравненно более точным. Характеристики не только природных, но и социальных объектов не принимаются как достоверные, если не обнаружены и не сопоставлены в тех или иных формах их конкретные фактические проявления.

При этом апелляция к факту не является самоцелью. Факт выступает как обоснование и подтверждение теории. Важность не простого собирания фактов, а именно разработки теории, организующей и направляющей их поиск и отбор, вынуждены признать даже и наиболее эмпирически мыслящие исследователи за рубежом и, в частности, представители эмпирической социологии. Но и здесь, рядом с признанием роли теории стоит требование строгого ее фактического обоснования. «Социолог-теоретик, — пишет Р. Кениг в "Словаре эмпирического социального исследования", — должен знать факты даже лучше, чем эмпирический социолог»¹.

Расширение сферы распространения и влияния факта характеризует не только науку, но и философию. Совершенствование теоретического аппарата философского знания предполагает и более широкое использование фактов науки. Соответственно этим задачам философия осуществляет строгий отбор фактов из материала различных наук. В то же время она опирается и на факты обывденного знания, в которых фиксируется непосредственный опыт человека. Но при этом, «если специальные научные дисциплины в ходе своего развития все более удаляются от непосредственного (обывденного) опыта, то философия всегда тесно связана с ним, а значит и с теми вопросами, которые им порождаются»².

Громадную роль играет факт в развитии марксистской социологии. Напомним, что В. И. Ленин сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции предложил Академии наук развернуть широкую программу социальных исследований. Эта задача и сейчас стоит перед социологами: «Социологические исследования, основанные на материалистическом понимании истории и обобщающие конкретные факты жизни социалистического общества, с каждым днем играют все большую роль в решении практических вопросов — политических, производственных, воспитательных»³.

Философия и социология широко опираются и на факты общественно-исторической практики, которая чрезвычайно сложна, конкретна, многообразна, богата бесчисленными, подчас весьма противоречивыми, сложно переплетающимися явлениями. Они требуют быстрого учета, систематизации фактов и определения линии деятельности и обобщаются прежде всего в политической идеологии, в силу чего связь философии с жизнью опосредуется системой политических идей.

Все более насыщенная политическая жизнь и активное отношение к ней направляют активное внимание к фактам в обосновании политической идеологии и в развертывании политической пропаганды. О настойчивом обращении к факту свидетельствуют рубрики «Факты и цифры»,

¹ R. König. Handbuch der empirischen Socialforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1967, p. 5.

² Т. И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки. М., «Мысль», 1969, стр. 193.

³ А. Н. Косыгин. Доклад о директивах XXIII съезда по пятилетнему плану. — XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II. М., Политиздат, 1966, стр. 56.

(С. 5) «Только факты», «Факты и события», «Факты о фактах», «Размышления над фактом» и др. в наших газетах и общественно-политических журналах. Они показывают, насколько живее и богаче стала реальная жизнь факта. Но при этом дело, разумеется, не столько в рубриках и информации об отдельных фактах, сколько в широком фактическом обосновании и подтверждении политических идей, которое выдвигается в качестве важного условия развертывания практической деятельности партии, а также развертывания широкой политической пропаганды, дальнейшее совершенствование которой и в указанном направлении продолжает оставаться важной задачей.

И характерно, что с первых же дней утверждения Советской власти В. И. Ленин требовал, чтобы идеи, пропагандируемые нашей печатью, были широко раскрыты, подтверждены, подкреплены фактами общественной жизни.

В статье «О характере наших газет» (газ. «Правда», 20 сентября 1918 г.) Ленин говорит о необходимости отмечать «каждый новый факт», требует, чтобы в газете уделялось больше места «... строительству новой жизни, — фактам и фактам на этот счет».¹ Здесь же Ленин говорит о значении факта в формировании нравственных идей: воспитание масс «... на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни... — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму»².

Столь же широко и очевидно проникновение реального факта и документа в искусство. Мы говорим даже не об использовании конкретных фактов действительности в качестве основы и материала для создания типизированного художественного образа, не говорим и о публицистике, влияние которой несомненно усиливается, а документальность не подлежит сомнению. Речь идет о том, что реальный факт и документ непосредственно включаются в ткань произведения искусства, создавая специфический документальный жанр. Документальный жанр в современном искусстве распространился необычайно широко. Его произведения пользуются все более широким спросом и влиянием. При этом наряду с развертыванием и дальнейшим развитием тех форм, которые существовали на разных этапах развития искусства (публицистика, очерк, мемуары, путевые заметки, дневники), возникли такие новые его формы, как документальная биография, документальная повесть, документальная драматургия, документальные кино- и телеповести и т.д.

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 89. (Выделено нами. — Л. М.)

² Там же, стр. 91.

(С. 6) Итак, сфера распространения фактуального знания как основы построения знания о мире чрезвычайно широка. Уже это само по себе важно и интересно отметить. Но дело не только в этом. Необходимо помнить, что следование фактам выступает как условие объективности не только науки, но и любой формы общественного сознания. Вот почему прогрессивная идеология всегда отличалась обращенностью к объективным реальным фактам, и сами понятия «факт» и «объективность» звучат как синонимы¹.

При этом факт — условие не только построения, но и условие воспроизведения действительности и отражающих ее идей в сознании личности. Яркость, конкретность, эмоциональная насыщенность факта, усиленные убежденностью в его достоверности, создают основу для его психологического воздействия. Без опоры на факты не может формироваться убежденность личности в правомочности тех или иных общественных идей, и тем более ее активное восприятие действительности, деятельное отношение к ней, ее оценка.

Итак, мы стоим перед рядом интересных явлений. Развитие практики, ее богатство и сложность создали необходимость развития науки, а с нею и фактуального знания как ее

базиса. Мощный рост науки обусловил не только развитие ее теоретического аппарата, но и возросшую силу ее непосредственного влияния, и ее обращение к реальной, конкретной действительности и её материалу. Он наложил отпечаток на формы и стиль современного мышления, одной из черт которого является стремление к строгой фактической достоверности. Расширение базиса и способов использования факта в других формах сознания, широкая апелляция к факту, несомненно, связаны с этим процессом, но в то же время, — и это вообще характеризует особенности развития идеологических форм, — имеет основу прежде всего в самих

¹ В 1965-1967 гг. в США выходил умеренно левый журнал «Факт», освещавший события, касающиеся различных сторон американской жизни. Но показательно, что рядом с названием на некоторых его номерах стояла надпись: «Противоядие против робости и коррупции американской прессы». Все это достаточно определенно говорит об отношении к факту и о том смысле, который вкладывается в этот термин. Любопытна и судьба журнала. В конце 1967 г. издателя обратились к читателям с просьбой поддержать журнал, подписываясь на него более активно, так как в связи с тем, что здесь были преданы гласности некоторые факты (например, о присвоении государственных средств католической церковью; о том, как мультимиллионеры избегают налогов; о нарушении технических норм при производстве автомобилей в Детройте и связанных с этим массовых авариях и жертвах и др.), журналу стали оказывать противодействие и отказываться от подписки. По-видимому, это обращение не дало ощутимых результатов, так как после 1967 г. «Факт» не выходил.

(С. 7) особенностях общественной жизни, из которой они вырастают, в особенностях практики и тех задач, которые ставит перед ними жизнь.

Все это делает проблему факта еще более социально значимой, насыщенной, многогранной. Это и объясняет широкую апелляцию к фактам в современном знании, обусловленную широтой действительности и активностью личности в отношении к ней.

«Данность» и широкое использование факта никак не предполагает, что эти факты сразу, непосредственно даны. Их нужно не только искать, — их нужно выбирать, отбирать, исследовать, оценивать, сопоставлять, просеивать, их нужно исследовать, оценивать, сопоставлять. Успех факта не может не сопровождаться и определёнными «издержками»: следуя факту, можно отойти от него, видимость достоверного факта может обмануть, ввести в заблуждение. Существуют и так называемые «артефакты» — искусственные факты-заблуждения, создающие ложную картину при видимости ее очевидности. Поэтому доверие к факту не исключает большой и серьезной работы, сложность которой возрастает по мере возрастания сложности действительности, с одной стороны, и частоты использования фактов — с другой.

Итак, обращение к факту связано и с громадными приобретениями, но и с неминуемыми «издержками». И при этом самой большой «издержкой», связанной с распространением факта, является его использование в реакционной идеологии.

В силу несомненного роста авторитета факта различные идеи, составляющие основной фонд реакционной буржуазной идеологии, также облачаются в форму факта, даже тогда, когда вместо факта подается мифическое измышление. Стремясь сохранить и усилить влияние на массы, скрыть действительную сущность империализма и его политики, распространяя идеи антикоммунизма, идеологи буржуазии разработали в своей пропаганде целую систему принципов, методов, форм использования факта, соответствующим образом препарированного. При этом использование фактов рассматривается не как условие объективности пропаганды, а как средство достижения ее цели, способ внушения идеи. Американский социолог Р. Мертон прямо называет современную пропаганду пропагандой факта и в то же время технологической пропагандой.

Все отмеченное выше говорит о важности разных сторон проблематики факта — от его понятия до условий достоверности, от настаивания на необходимости фактического обоснования каждой общественной идеи до предостережения от

(С. 8) чрезмерной или ложной фактичности или даже от «культы» факта.

Указанные моменты настоятельно требуют всестороннего философского категориаль-

ного анализа факта, и прежде всего факта науки. В самом деле, наука, в силу ее особенностей, наиболее тесно сближается с философией; анализ должен начинаться с фактов научного знания как наиболее строгих, точных, упорядоченных, развернутых и «организованных» системой научного знания в целом. Кроме того, именно наука опирается на наиболее глубокую и разработанную систему средств и методов поиска, установления, накопления фактов. Несомненно также, что при всех различиях форм сознания постановка проблемы научного факта, предполагающая обращение к его реальной основе — факту действительности, означает обращение к реальному базису и всех других форм сознания. Столь же очевидно, что эти различия в фактах, которые выступают в многообразных формах сознания, носят не абсолютный, а относительный характер.

И, наконец, не абсолютными, а относительными являются различия между фактами науки и фактами донаучного знания, фиксируемыми на уровне обыденного опыта, ибо с расширением этого опыта и особенностей общественно-производственной деятельности человека в современном обществе не может не стираться абсолютная грань между обыденным и систематизированным знанием.

Показав возросшую значимость знания о фактах, подчеркнув, что объектом исследования должен стать прежде всего факт науки, мы сказали далеко не все о самой науке. Анализ факта науки необходим не только в силу значимости последней, но и потому, что вместе с изменением и развитием науки чрезвычайно и з м е н и л с я и с а м ф а к т.

О том, что наука стала неизмеримо сложнее, пишут часто. При этом очень часто говорят о сложности экспериментальных средств науки, представляющих чудеса современной техники, о сложности их использования громадными коллективами, заменившими исследователя-одиночку. Не менее часто отмечается возрастание сложности теории, ее «дикувинности», не укладывающихся в рамки «здорового смысла». Факт существования «сумасшедших» теорий психологически уже принят. Но при этом не говорят о том, что странными, порою невероятными, и во всяком случае необычайно сложными, «дикувинными» стали и сами факты.

Особенностью фактов в науке прошлого была их наглядность, сопоставимость с практическими результатами повседневной деятельности человека, причём эта последняя нередко прямо и непосредственно включалась в опыт науки

(С. 9) (биология, сельское хозяйство, химия и т. д.). Теоретические опосредствования в факте как бы скрывались за цепью непосредственно данного и были почти неощутимы, хотя, разумеется, существовали всегда. Все это необычайно усложнилось сейчас. Белые полосы — треки α -частиц, пролетающих через камеру Вильсона, — это то единственное, что может быть «непосредственно данным» в эксперименте. А если говорить о фиксации мегаобъектов, свет от которых идет миллионы лет, а с другой стороны, виртуальных частиц, живущих исчезающе-малые доли секунды, то пример α -частицы кажется уже чем-то устойчиво-наглядным. Тем более что грани между возможностью и действительностью, размытые в названных выше случаях, здесь достаточно определены. Между тем для науки в прошлом эти грани были особенно жесткими.

Применение аппарата математики, необычайно революционизирующее науку, осуществление математического моделирования пронизывают не только теорию, когда она обобщает факты, но опять-таки и эмпирический базис науки.

Существенные изменения претерпел также и эмпирический базис социального знания, наук о сознании. Эксперимент, измерения, математическое моделирование осуществляются и здесь. И здесь установлению факта стала предшествовать огромная работа исследователя, выдвижение множества теоретических установок и предположений, использование сложной системы понятий.

Итак, факт науки становится неизмеримо более сложным и «объемным» и в своем непосредственном содержании, и в форме его констатации, и в способах установления и обработки. А это означает, что прежних интуитивных представлений о нем совершенно недостаточно. Необходим строгий и последовательный анализ сущности и характеристик

факта. При этом вопрос о том, что такое факт науки, нельзя отнести ни только к чисто риторическим вопросам, ни к числу проблем, продиктованных одним лишь стремлением к логическому упорядочению категориального анализа элементов научного знания. Вопрос о характеристиках факта — основа для определения путей и способов его установления, критериев достоверности. И ведь и то и другое также становится более сложным и противоречивым по мере возрастания сложности факта. Необходимость выделения факта науки как объекта философского исследования связана и с тем, что более сложным в современном знании становится и взаимоотношение теории с фактом. Рост обобщенности знания, углубление теории, ее относительная самостоятельность создают видимость независимости теории от фактов и более сложное их опосредование друг другом. И хотя факт в ко-

(С. 10) нечном счете сохраняет роль исходной основы знания, ряд моментов, касающихся специфических особенностей их связи, не может не претерпеть существенных изменений. Это касается не только влияния факта на формирование теории, но и воздействия теории на факт.

Анализ факта как гносеологическая проблема. Как мы могли убедиться, факт выступает в качестве широко распространенной категории, возможность анализа которой не подлежит сомнению, а ключом к этому анализу является исследование факта науки. Поэтому далее мы должны ответить на вопрос о том, каковы главные теоретические задачи и аспекты его исследования, каков уровень разработки проблемы, перед какими вопросами встает исследование факта, учитывая специфические особенности развития современного знания.

Очевидно, что исследование факта, раскрытие его природы, специфики, закономерностей развертывания есть прежде всего анализ г н о с е о л о г и ч е с к и й .

И, в самом деле, вопрос об особенностях и содержании фактуального знания есть вопрос об объекте, который в нем фиксируется, и о средствах, с помощью которых эта фиксация осуществляется, а это — проблема гносеологическая. Факты фиксирует субъект. Особенности его деятельности, его взаимодействия с объектом — тоже коренная гносеологическая проблема. Специальными гносеологическими являются и вопросы, касающиеся включения фактов в систему знания, и взаимодействие элементов этой системы, отношение факта к его обобщению.

Разумеется, это гносеологическое ядро проблемы факта не только не исключает, но и предполагает дополнение гносеологических аспектов проблемы онтологическими (реальная действительность, отраженная в факте), социологическими (социальная обусловленность развития науки, констатации и обоснования ее фактов, их обобщения, влияние социальных условий на особенности познавательной деятельности субъекта), логическими (логические характеристики факта и его связь с другими элементами системы знания). Нельзя не учитывать также психологических особенностей процесса научного творчества и специфических социально-психологических закономерностей последнего. Все названные аспекты настолько необходимы, что без них анализ факта свелся бы к абстрактному перечислению общих принципов гносеологии вообще. Но вместе с тем именно гносеологический анализ составляет то ядро, вокруг которого группируются все остальные аспекты исследования знания о факте.

Несомненно, что кроме общих проблем, касающихся

(С. 11) фактуального знания в целом, необходимо исследовать и специфику его использования, «организации» и развертывания в различных формах сознания, специфические особенности в соотношении здесь факта и его обобщения.

Более того, нельзя не видеть, что особенности развертывания и распространения науки ставят нас перед задачей исследования факта современного знания, особенностей эмпирического базиса современной науки, особенностей взаимоотношения факта и закона, факта и теории, влияния мировоззрения общества и его социального климата на развитие фактуального знания, на отношение к факту, ибо оно не может быть однозначным в условиях социализма и капитализма, как не может быть однозначным и теоретическое осмысление

факта.

Общая характеристика современной литературы по проблеме факта. Суть проблемы факта, ее важность и основные направления в ее решении очевидны. И между тем уровень теоретико-философской разработки проблемы факта удивительно не соответствует его месту в познании мира, его использованию в науке и других формах сознания.

Факт разделяет судьбу тех понятий, пользуясь которыми мы, по словам М. Коэна, рискуем очутиться в достаточно затруднительном положении. «Когда к слову начинают относиться с почтением, всегда есть опасность, что оно скоро потеряет свою наглядность и, будучи применимым ко всему и всякому, что мы одобряем, утратит и свою специфику»¹. Коэн относит это к понятию науки. То же можно сказать и о факте. Действительно, хотя термин «факт» достаточно широко известен и часто применяется, он редко подвергается анализу с целью выявить его основное содержание, строгий и точный смысл

В нашей советской философской литературе проблема факта стала разрабатываться лишь в течение последнего десятилетия. Так как в современной философии Запада и особенно в философии неопозитивизма, который, как и позитивизм вообще, считает себя монополистом в ее постановке, понятие факта выделяется в качестве одного из центральных, мы прежде всего скажем о нем.

Несмотря на значительный «возраст» понятия «факт», его анализ в позитивистской философии не удовлетворяет ни самих позитивистских авторов, ни других, кто так или иначе с ним соприкасается.

Так, Куайн относит понятие факта к числу наименее разработанных в современной философии науки и одновременно самых сложных философских понятий (факт, по мнению

¹ М. Коэн. Американская мысль. М., ИЛ, 1958, стр. 82.

(С. 12) Куайна, третье по сложности понятие; два других — «объект» и «высказывание»), отмечая, что его анализ в литературе отличается крайней нечеткостью и расплывчатостью¹.

Но наиболее интересна в этом отношении статья Р. Мартина, специально посвященная факту и как бы подводящая итог более чем полувековому развитию проблемы в философии неопозитивизма. Мартин начинает ее следующими словами, которые мы приведем полностью, ибо они весьма знаменательны:

«"Факт" представляется весьма безобидным понятием в нашем философском словаре. Мы довольно свободно пользуемся им, не предпринимая попыток его анализировать. Предполагается, что не существует особых затруднений в его понимании и потому вообще от него сразу следует идти к гораздо более серьезным вещам... Факты — это то, что мы высказываем с уверенностью. Факты — то, что подлежит объяснению в эмпирических науках и т. д... Между тем все эти утверждения еще должны быть разъяснены и нуждаются в серьезном анализе»².

О том обстоятельстве, что привычное, но не ставшее философски осмысленным понятие факта включает в себе множество вопросов, которые подлежат решению, но пока по существу еще даже не сформулированы, говорит автор книги «Факт и теория» австралийский ученый О'Нейл, занимающийся проблемами науковедения и философии науки. Подчеркивая, что эти проблемы должны интересовать и самих ученых и философов, О'Нейл замечает, что больше и чаще их ставят философы, занимающиеся проблемами философии науки, но и они сделали в этом отношении очень мало. Что же касается самих ученых, то они считают, что достаточно того, что они эти факты фиксируют, но между тем, если учесть трудности современного факта в его отношении к теории, нужно изучать эти проблемы, чтобы двигаться в науке быстрее и точнее³.

На неразработанность понятия «факт» указывает известный прогрессивный американский философ Эрроуз Данэм. Вопрос о фактах и отношении к ним поднимается Данэмом в его книге «Герои и еретики» в связи с анализом прогрессивной философии нового вре-

мени, обращенной, в отличие от религиозной схоластики, к анализу реальной действительности, к ее фактам. Говоря о философии Декарта, Данэм

¹ See: W. O. Quine. *Word and Object*. N. Y., Lond., 1960, p. 246.

² R. Martin. *Facts: what they are and what they are not*. «American Philosophical Quarterly», vol. 4, № 4, Oct. 1967, p. 265.

³ See: W. M. O'Neil. *Fact and Theory. An Aspect of the Philosophy of Science*. Sydney, 1969, p. 1.

(С. 13) пишет: «Главный недочет метода Декарта... заключается, пожалуй, в отсутствии стандарта для определения факта, для установления различия между реально существующими предметами и просто предполагаемыми или воображаемыми». «Это серьезный недочет, но следует сказать, — продолжает Данэм, — что его пока никто не восполнил»¹.

Неудовлетворенность уровнем анализа факта в литературе Запада не случайна. Господствующая позитивистская тенденция в подходе к нему (а монополизирует проблему факта именно позитивизм) заключается в рассмотрении факта как данного сознанию исходного его элемента, природа которого далее не изучается, поэтому даже те исследования, которые и обращаются непосредственно к факту, затрагивают его логико-синтаксические аспекты, не касаясь природы знания и отраженного в нем мира². И если для Б. Данэма и О'Нейла задача состоит в раскрытии реального содержания фактуального знания, и именно потому они высказывают неудовлетворенность решением проблемы, то Р. Мартин и У. Куайн считают, что основным недостатком его исследования является выход за пределы чистого логико-лингвистического анализа, недостаточное ограничение его рамок, в силу которого возникают непреодолимые противоречия в его обосновании.

Основные недостатки и трудности развертывания проблемы в нашей философской литературе связаны с тем, что обратились к ней наши философы недавно, и при этом в большинстве случаев в ходе исследования других проблем, в силу чего понятие факта недостаточно развернуто, раскрыто, проанализировано в разных его сложных и противоречивых проявлениях. Кроме того, поскольку в нашей литературе постановка вопроса о факте поднята многими авторами в ходе критики неопозитивизма, они, противопоставляя субъективизму в понимании факта признание его объективности, ограничивались в основном этими положениями. Специфична, исходя из особенностей самой ее проблематики, и постановка этого вопроса в ходе разработки логики науки, представляющая одно из наиболее преобладающих направлений в исследовании факта. В силу всего сказанного в нашей советской литературе пока еще недостаточно развернуты проблемы диалектики факта знания в сложном отношении последнего к действительности, к разным уровням познания,

¹ Б. Данэм. *Герои и еретики. Политическая история западной мысли*. М., «Прогресс», 1967, стр. 360. (Курсив наш. — Л. М.).

Критикуя подобные решения, американский исследователь проблем философии науки М. Вартофский пишет: «... Но ведь мы наблюдаем объекты, а не "данное"». (M. Wartofsky. *Conceptual Foundations of Scientific Thought*. N. Y. — L., 1968, p. 102).

(С. 14) в специфичности различных его характеристик, в развитии этих характеристик¹. А без этого подхода задача гносеологического анализа факта остается пока еще почти не реализованной, и даже самые основные и наиболее распространенные определения факта, выделяя характеристики логические, не раскрывают именно гносеологических характеристик факта.

Существенными недостатками в развертывании проблемы факта в нашей литературе являются абстрактность в ее постановке, а также то, что она не обращается к анализу истории ее становления. Более того, неразработанность категории «факт» привела к тому, что в нашей литературе пока еще мало изучено и освоено марксистско-ленинское наследие по данной проблеме. А между тем идеи эти очень глубоки и многгранны. Маркс, Эн-

гельс, Ленин рассматривают факт в разнообразных аспектах, и изучение и систематизация последних составляет важную задачу постановки проблематики факта и условие его последовательного диалектико-материалистического анализа. Поэтому, для того чтобы подойти к исследованию факта, мы обратимся к рассмотрению основных тенденций в развертывании проблемы факта в истории философии и в то же время попытаемся объяснить, почему по сравнению с другими категориями, давно уже выступающими в философии в качестве традиционных, факт включается в ее состав значительно позднее, встречая на своем пути немало трудностей различного порядка.

Лекция 2. Условия и основные тенденции в развертывании анализа факта в истории философии. Марксистско-ленинская философия — основа научной разработки проблематики факта.

Гносеологические трудности анализа факта. Сложность понятия «факт». Недостаточная разработанность проблемы факта связана с рядом серьезных причин — и психологических, и гносеологических: Попытаемся назвать их. Психологической причиной недостаточного обращения к анализу факта является его внешняя простота, незыблемость, очевидность. Напомним, что это обстоятельство подчеркнуто в статье Р. Мартина, на которую мы ссылались выше.

И в самом деле, факт представляется весьма простым, самоочевидным и наглядным. Его содержание и способы установления, которые первоначально были достаточно про-

¹ См. термин «факт» в «Философской энциклопедии», т. 5. См. также сб. «Логика научного исследования», гл. 2. М., «Наука», 1965.

(С. 15) стыми, подтверждали это представление. Оно является основой определённого психологического отношения к факту, достаточно распространенного и в наши дни.

Факты — то, что нам дано, с чего мы начинаем. Данное, непосредственное, очевидное, вытекающее из жизни, из хода-практики, из исследования, не нуждается в сопроводительных разъяснениях насчет того, что это такое: факт — «упрямая вещь».

В вышедшем в 1965 г. монографическом исследовании «Противоречия в развитии естествознания» ставится сообразно его названию вопрос о самых различных проявлениях, уровнях, сторонах противоречий в развитии научного знания и разных его элементов. Здесь затрагивается и вопрос о факте, дается его определение. Но о противоречиях факта здесь, тем не менее, никакой речи нет. Противоречия обнаруживаются в соотношении факта с теорией и дальше нарастают в виде противоречий между старой и новой теорией, между двумя сосуществующими теориями и т. д. Факт же рассматривается как нечто крайне элементарное и простое, а знание о нем — как абсолютное и незыблемое.

А между тем при всей кажущейся простоте факт чрезвычайно сложен и противоречив в его особенностях, характеристиках, специфичности. Сложен, противоречив и необычайно антиномичен. Это касается любой его черты, любой особенности.

В самом деле. С фактом связывается представление об объективном знании и, более того, о знании абсолютном. Но факт в то же время и наиболее субъективен, поскольку в нем фиксируется непосредственный опыт субъекта, который (опыт) и наиболее индивидуален. Богатство конкретного, данного в факте, очевидно. «Богаче всего самое конкретное и самое субъективное»¹, — отмечает В. И. Ленин, но здесь же, в «Философских тетрадах», он говорит о том, что хотя это знание богаче, — оно наименее глубоко и точно: абстракция материи, закона отражает природу «глубже, вернее, полнее». Относительна и непосредственность факта: любой факт знания всегда так или иначе опосредствован предшествующим опытом субъекта и, кроме того, рациональным в познании, всегда выступающим в единстве с чувственно-непосредственным в нем.

Антиномичен не только факт, зафиксированный в ходе индивидуального опыта, но и факт науки, представляющий суммированное и систематизированное отражение общест-

венно-производственной практики. В факте науки в большей степени выделяются связи устойчиво повторяющиеся, единичное

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 212.

(С. 16) здесь ближе к общему, но и факт науки так или иначе остается знанием об индивидуализированных объектах, и в то же время и через него, вернее, через совокупность фактов выражается общее.

Столь же диалектично непосредственное и опосредствованное в факте, тем более, что формулируется факт науки в терминах ее языка. Объективное в факте науки переплетается с субъективным; эти последние моменты усиливаются тем обстоятельством, что поиск, установление, обработка факта связаны с творческой активностью субъекта. Идет ли речь о деятельности естествоиспытателя или историка, социолога или психолога, — везде установление научного факта, особенно нового факта, решающим образом направляющего исследование или подтверждающего принципы теории, является научным подвигом ученого и несет на себе печать его индивидуальности.

И, наконец, в системе научного знания факт тесно связан с теорией. Она влияет на его констатацию, а не только истолкование, она направляет научный поиск, установки исследователя. Как их отделить, если факт таким образом уже в своей констатации содержит и теоретическое, а между тем он и обуславливает это последнее.

В одной из работ, посвященных анализу факта, последний определяется как нечто «твердо установленное, сохраняющееся в знании, отделенное от субъективного мнения, от материала изменяющихся теорий»¹.

Не трудно дать подобное определение факта, но крайне трудно реализовать это определение, т.е. отделить то, что автор называет фактом, от теории, от субъективного мнения, от понятийного аппарата, привнесенного теорией в описание факта.

«Одна из важнейших задач естественных наук есть описание его фактического материала во всей его чистоте и оголенности, — говорит историк науки П. Фолькман. — Но трудно представить себе, сколь трудна эта задача: до того человек среднего калибра не в состоянии точно различать между фактами и собственными своими представлениями»².

И ведь в самом деле, как бы это парадоксально ни звучало, легче отделить теорию от факта, чем факт от теории, легче выделить субъективное в содержании теории, чем в факте. Каждый человек, убежденный в том, что излагает факты, и только факты, обязательно вводит в изложение каждого факта что-то от самого себя. Недаром говорят:

¹ L. Fleck. Entstehung und Entwicklung der wissenschaftlichen Tatsache. Basel, 1934, S. 5.

² П. Фолькман. Теория познания естественных наук. СПб., 1911, стр. 77.

(С. 17) «врет, как очевидец», и не случайно, что изложение одного и того же факта разными людьми не совпадает¹.

Сложность факта выражается не только в противоречивости основных его характеристик, но и в необходимости связать эти последние со всей системой философских понятий и принципов, в которых раскрываются объективная реальность и процесс ее познания.

Анализ факта предполагает развернутое исследование диалектического взаимоотношения единичного и общего, случайного и необходимого, явления и сущности в проявлениях материи и их познании.

Обосновать природу, место, значение факта можно только при условии выявления его связи с законом, теорией, поскольку познание лишь тогда становится им, когда оно понимается до обобщения единичного, данного нам в непосредственном опыте. Вместе с тем и в силу этого необходимо исследовать не отдельные моменты, а именно процесс познания.

Анализ факта предполагает также раскрытие его характеристик в связи с проблемами чувственного и логического, эмпирического и теоретического, с проблемой истины и ее

диалектики. Столь же существенным моментом исследования факта является анализ связи познания с практической деятельностью, на основе и в ходе которой становится возможным установление фактов и их обобщение.

Таким образом, разработка проблемы факта, раскрытие его природы и существенных характеристик могут выступать, лишь как определенный итог развития философии в ходе обобщения ею опыта науки.

Проблемы факта в домарксистской философии. Все сказанное нами выше отнюдь не означает, что вопрос о факте не ставился вообще и что это понятие так или иначе не выделялось. Обращение к истории философии показывает нам, что по мере становления и развертывания науки и ее превращения в активный фактор общественного производства, философия нового времени все более активно обращалась к вопросу о факте, подчеркивая важность его использования, намечая пути, по которым должен осуществляться отбор фактов, выделяя задачу накопления фактов как условие развертывания научного исследования. Анализ путей разработки, конкретизации этих проблем и в то же время тех трудностей, которые при этом возникали, весьма интересен и

¹ А. Ф. Кони проделал следующий «эксперимент». Его студенты-юристы одновременно побывали на спектакле «Юлий Цезарь» Шекспира, а затем должны были выступить «свидетелями», рассказывающими об обстоятельствах убийства Цезаря. Показания свидетелей оказались очень разными.

(С. 18) помогает увидеть не только противоречия проблемы, но и ее позитивный смысл.

Вопрос о факте как исходной категории научного знания ставили эмпирики-материалисты Бэкон, Гоббс, Локк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Фейербах. Характерно также, что общей линией, объединяющей всех названных мыслителей, было признание того, что именно знание о факте является исходным звеном в познании реального мира и что потому без опоры на факт объективное научное знание невозможно. Факты являются и основой разоблачения ложных, антинаучных идей. Так и французские материалисты, и Фейербах в качестве одного из основных пунктов критики религии выделяли невозможность подтверждения последней фактами науки и всей совокупностью фактов повседневной реальной жизни.

Однако неразработанность общих гносеологических проблем вела к тому, что понятие факта было по существу интуитивным. Оно не определялось и не развертывалось. Знание о факте не связывалось с активной практически преобразующей деятельностью субъекта, и потому нераскрытым оставался и вопрос об его источнике и путях воспроизведения объекта, реального мира в знании. Более того, метафизичность воззрений названных философов приводила к тому, что рассмотрение факта в рамках категорий, ставших к тому времени традиционными, было крайне односторонним и закрывало путь к анализу движения науки от фактов к их обобщению, от единичного к общему, от явления к внутренней сущности. Так, Ф. Бэкон провозглашает индуктивный метод единственно возможным на пути к истине. Локк, выделяя единичность факта как основную его характеристику («факт всегда относится к существованию чего-то единичного»)¹, противопоставляет его знанию общего, сущности, которые, по его мнению, недостижимы. Локк говорит о факте как вероятном знании, но противопоставляет его знанию достоверному. И Гоббс и Локк знание опытное противопоставляют знанию математическому, демонстративному, не видя связи между ними. Французские мыслители отождествляют факт с ощущением и не видят сложного переплетения в нем чувственного и логического, отрывают эмпирическое от теоретического («философ шествует, опираясь на посох опыта. Он продвигается вперед, но всегда от наблюдения к наблюдению»)².

Ограниченность материалистического эмпиризма становилась базой для его критики идеализмом. Так, идеи Локка по-

¹ Дж. Локк. Опыт о человеческом разуме. Избр. филос. соч., т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 640.,

² К. Гельвеций. Об уме. М., ОГИЗ, 1938, стр. 4.

(С. 19) служили отправным пунктом для их критики Юмом, который выступил против материализма с позиций идеалистического эмпиризма и скептицизма. Характерно, что итогом этой критики был отрыв фактов от реального мира, ибо установить связи и соответствия между тем и другим мы не можем, а также отрыв фактов от закона и теории. Истинность или неистинность положений, относящихся к фактам, недоказуема посредством понятий: факт падения на землю камня, брошенного вверх, не означает невозможности утверждения, что тело, брошенное вверх, не падает обратно. Источником нашей повседневной убежденности в достоверности факта, в существовании предметов, зафиксированных в факте, Юм считает веру. В то же время в связи фактуального знания с верой Юм видит основу абсолютной его вероятности, опять-таки противопоставляемой достоверности математического знания. Итак, метафизические крайности предшествующих решений оказываются не преодоленными, а, напротив, усиленными, и в то же время полностью рушится та убежденность в возможности познания мира на основе фактов, которая характерна для воззрений философов-материалистов.

Диалектическая линия в постановке гносеологических проблем в немецкой классической философии и особенно в философии Гегеля стала основой глубокого и интересного раскрытия диалектики факта. Поиски рационального решения проблемы движения познания от чувственного к логическому, от непосредственного — к опосредствованному, общему, от эмпирического — к теоретическому, осуществляемого познающим субъектом, создавали возможность выделить ряд важных моментов в подходе к проблеме достоверного знания, обоснованного материалом отраженной в нем действительности.

Гегель считает эмпирическую основу знания достаточно прочным его фундаментом: «сознание обладает в лице восприятия своей собственной непосредственной данностью и достоверностью». Правда, здесь нельзя забывать и того, что и предметность сознания и чувственное знание как его основа выступают как ступени познания идеалистического тождества объекта и субъекта. Но несмотря на этот идеализм, а нередко и помимо него и даже вопреки ему прорывается то, за что гегелевскую философию классики марксизма называли «на голову поставленным материализмом».

Гегель критикует Канта за его агностицизм, критикует Юма не только за скептицизм, но и за то, «что он оспаривает всеобщие определения и законы»: на самом же деле движение познания приводит нас от суждений наличного бытия, от фактов — к закону, к необходимости, к всеобщим определениям. Гегель критикует Юма и за отрыв наблюдаемых фактов от самого реального мира. В то же время Гегель, крити-

(С. 20) кующий ограниченность материалистического эмпиризма, сумел увидеть и силу, а не только, подобно Юму, слабость этой философии. «От эмпиризма исходит клич: перестаньте вращаться в пустых абстракциях, смотрите с открытыми глазами, постигайте человека и природу, как она предстает перед вами здесь ... — и нельзя отрицать, что в этом призыве заключается существенный, правомерный момент»¹. Или, когда Гегель говорит о том, что первоначальной основой науки является о п и с а н и е, но что в то же время оно не может исчерпать задачи познания, поскольку представляет собой «поверхностное извлечение из единичности» и столь же «поверхностную форму всеобщности», поскольку «описание вещей еще не имеет движения в своем предмете»², он глубоко диалектичен, с особой силой чувствует динамику движения познания.

Однако, отмечая новые, глубоко содержательные моменты в постановке немецким классическим идеализмом вопроса о движении знания в целом и о диалектике эмпирического его уровня, мы вряд ли должны во всех подробностях доказывать, что эта точка зрения не могла быть цельной и последовательной.

Гегель, высоко оценивающий роль факта и принцип эмпиризма, мог выдвинуть и утверждение о том, что непосредственно-чувственное лишь засоряет и скрывает истинное. Идеализм гегелевской философии, довлевший над всем ее содержанием, не мог не привести и к определенному отходу от диалектики: достижение общего как бы отделяет его

от единичного, создает независимость последнего.

Диалектическое единство общего и отдельного в факте, в законе, обобщающем факт, в конечном счете завершается тезисом: «Человек не останавливается и не может остановиться на единичном. Он ищет всеобщего. Но последнее представляет собой мысли»³.

Соответственно идеалистической направленности своих воззрений Гегель не сохранил верности факту как знанию, пронизывающему содержание и науки и философии и сохраняющему свое значение, когда здание науки построено.

Натурфилософский подход Гегеля к принципам связи философии и науки определил отношение Гегеля к науке и к использованию фактов науки в построении системы его философии. Гегель сумел прекрасно проиллюстрировать свои идеи фактами, отчего даже самая абстрактная часть его философии — логика — оказалась достаточно яркой и конкретной.

¹ Гегель. Соч., т. I. М. — Л., Госиздат, 1930, стр. 80.

² Гегель. Соч., т. IV. М., Соцэкгиз, 1959, стр. 131.

³ Гегель. Соч., т. XI. М. — Л., Соцэкгиз, 1935, стр. 244.

(С. 21) Но Гегеля не интересовала логика фактов, он следовая не ей, а своей абстрактно-логической схеме. И поэтому, хотя Гегель сумел увидеть и подчеркнуть силу исходных позиций эмпиризма, идущего от опыта, его философия сохранила дух метафизического, абстрактного, спекулятивного исследования, оторванного от фактов и отказывающегося от них тогда, когда они вступали в противоречие с идеалистической схемой, уже по самой своей природе враждебной миру в его живой и полнокровной реальности.

Дух абстрактного теоретизирования и соответствующее отношение к фактическому материалу науки, свойственные философии Гегеля, были одним из моментов, определивших особенности реакции против нее в позитивистской философии. Развитие и основные особенности последней для нас весьма интересны и потому, что в противовес предшествующей философии факт был выделен в качестве одной из основных категорий, и потому, что позитивизм претендовал при этом на создание принципиально новой философии, и потому, что представление о позитивистской философии необходимо для понимания сегодняшнего «положения дел» в разработке проблем факта. Смогли ли позитивисты создать новую философию и новое решение, означающее переворот и в решении проблематики факта?

Проблема факта в развитии позитивистской философии. Движение науки, накопление ее опыта и задачи его обобщения, необходимость разработки ее проблем и оценки фиксируемого ею материала, теснота натурфилософских рамок, ограничивающих возможности обращения к этому материалу, а с другой стороны, реальные опасности, подстерегающие буржуазное мировоззрение в том случае, если сделать из данных науки последовательные и далеко идущие выводы, — все это и вызвало к жизни позитивизм.

В противовес натурфилософии Гегеля позитивизм выдвинул требование исходить из фактов, не ограниченных никакой навязанной им извне абстрактно-логической схемой. В этом заключалось бесспорно рациональное требование, которое привлекло внимание к позитивизму и создало ему авторитет среди ученых, особенно среди ученых-естественников. Однако позитивизм это требование абсолютизировал, придя к отрицанию роли и возможностей научной теории, к отрицанию роли философской теории вообще. Позитивизм (О. Конт) объявил «метафизикой» все теоретико-познавательные проблемы, всякое обоснование как природы действительности, так и отражающего ее знания. Но освобождения от метафизики в философии Конта не произошло. Осуществлялся процесс освобождения науки от материализма и от положительных завоеваний идеалистической диалектики. Зато были сохра-

(С. 22) нены юмистская и кантианская традиции, соединенные с метафизическим (антидиалектическим) подходом ко всем основным моментам и характеристикам познания. Понятие факта, хотя оно и было центральным, осталось нераскрытым и не-развернутым:

факт — «данное», с которого начинается и из которого исходит наука. Позитивизм не ставит задачи выйти за пределы констатации фактов и говорит лишь о систематизации их.

«Мы познаем одни только феномены, да и знание наше о феноменах относительно, а не абсолютно. Мы не знаем ни сущности, ни даже действительного способа возникновения ни одного факта: мы знаем только отношения последовательности и сходства фактов друг к другу». И далее: «Сущность их природы и их первичные, деятельные или конечные причины остаются нам неизвестными и для нас недоступными»¹.

Явления, феномены, описываемые в фактах, реальны. Однако природа факта неизвестна. Большого, чем описание явления, наука дать не может. Так, например, Конт пишет, что, открывая и описывая факт тяготения, мы не можем пойти дальше его признания. «Что касается того, — поясняет Конт, — что такое притяжение и тяжесть сами по себе и каковы их причины, то все эти вопросы мы считаем неразрешимыми, выходящими за пределы ведения положительной философии....»².

Задачи, которые позитивизм ставил перед наукой, были тесно связаны с его рассмотрением возможностей и границ познания. Наука может отвечать на вопрос «как?», но она не может ответить на вопрос «почему?» Подход к науке остается чисто феноменологическим. Это принцип, а не временное ее состояние, продиктованное недостаточностью материала знания.

Конт оказался не впереди, а позади Гегеля: агностицизм, отрицание возможности раскрытия внутренних законов, сведение задач науки к описанию означали возрождение метафизики эмпиризма, но не материалистического эмпиризма Бэкона и Локка, а идеалистического эмпиризма Юма. Теоретические причины этого возвращения к эмпиризму — в отрыве проблем науки, и в частности проблем факта, от общетеоретических, общеполитических проблем, в отказе от философского анализа познания, от анализа объективной реальности, Отраженной в знании. И здесь Конт оказался позади Гегеля. Теория познания, включавшая логику и диалектику, уступила место весьма ограниченному построению, которые именно

¹ Д. Ст. Милль. Огюст Конт и позитивизм. — В одноименном сборнике. М, 1897, стр. 8.

² О. Конт. Курс положительной философии, т. 1. СПб., 1899, стр. 8.

(С. 23) в силу крайней обедненности философским содержанием не могли претендовать на роль методологической основы развивающегося научного знания.

Итак, уже даже этот весьма общий анализ идей позитивизма показывает, что уход от гносеологических проблем не только не преодолевает идеализма, не только не создает возможности продвинуть вперед постановку вопроса о факте, но, напротив, становится возвращением к метафизике самого худшего толка — метафизике, соединенной с агностицизмом и субъективизмом.

Все установки позитивизма были продолжены махизмом (вторая форма позитивизма), но при этом субъективно-идеалистическая линия была усилена. Здесь уже не было постановки вопроса о реальных явлениях, отражаемых в факте: факт связывается лишь с ощущениями субъекта. Областью фактов науки, по словам Пирсона, являются «все содержания духа»¹ или: «Психический характер всех фактов — вот факт, которым нам приходится прежде всего заняться... Он настолько самоочевиден, что не нуждается даже в особой формулировке»².

В философии махизма продолжена и феноменологическая трактовка науки. Подчеркивается та же задача науки — описание, но отнюдь не объяснение. Можно пользоваться словом «объяснять», говорит К. Пирсон. Но «под словом "объяснять" нужно понимать описание в краткой формуле»³. Или: «Нельзя ничего возразить против употребления слова "объяснять" и "объяснение", если только им пользуются в смысле описательного "как", а не определительного "почему"»⁴.

Трудности махистской философии, которая, несмотря на претензии быть философией

новейшего естествознания, вступала с ним в прямое противоречие, трудности самой науки, связанные с задачами ее логического обоснования, с процессами математизации науки, — вызвали к жизни неопозитивизм, или, как его часто называют, «третий» позитивизм.

Неопозитивизм поставил в центр своего рассмотрения структуру научного знания. Обращение к идеям математической логики, стремление с ее помощью исследовать пути организации, упорядочения и построения знания и тем самым разработка различных аспектов анализа языка науки — все это создавало своеобразное и специфическое отличие неопозитивизма.

Несомненна и большая строгость теоретических построе-

¹ К. Пирсон. Грамматика науки. СПб., «Шиповник», стр. 98.

² Г. Клейнпетер. Теория познания современного естествознания. СПб., 1910, стр. 61.

³ К. Пирсон. Грамматика науки, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 140.

(С. 24) ний неопозитивизма, анализирующего в качестве основы знания не ощущения субъекта, а обобщенное в факты знание, исследующего и структуру этих фактов (протокольных предложений, эмпирических высказываний) и их отношение к теоретическому уровню знания, способы проверки и подтверждения теории через посредство эмпирических высказываний и т. д. Исследование в ходе этого анализа самих логических средств науки было вкладом в изучение ее аппарата. Все эти моменты говорят не только о специфических чертах, но и о вкладе неопозитивистов в разработку проблем современной логики науки. Однако «не неопозитивизм как философская концепция имеет положительные результаты в анализе структуры, методов и языка науки, а отдельные позитивисты, разработавшие формально-логический подход, к ним»¹.

Неопозитивизм не развил и теории факта. Продолжая традиции юмизма и сняв проблему отношения знания к субъекту и к объекту, он лишил факт той основы, в связи с которой он мог его рассматривать. Факт остался «данным», элементом логической системы, о котором нельзя ничего сказать за пределами этой системы, и нечего сказать и в ее пределах, ибо он является исходным ее атомом. Мы еще будем ниже говорить об этом всем значительно подробнее, но не можем и сейчас не привести слова Рассела: «Факт является логической субстанцией мира и неопределим»². Факт был в то же время метафизически отделен от других (атомарный «факт», ««протокольное предложение»). Не был решен вопрос о критериях истинности, достоверности факта. Остался нерешенным и вопрос о природе и содержании знания вообще. Для Рассела существование вещей оказалось объектом веры, для Карнапа — результатом принятия вещного языка, широко распространенной оказалась конвенционалистская трактовка знания.

Внутренние противоречия позитивизма, несоответствие его принципов внутренней логике и содержанию развивающейся науки, опровергавшей субъективизм всем своим содержанием и практическими результатами, привели к неудовлетворенности этими идеями. Их обнаружили естествоиспытатели (М. Борн, Н. Бор, Л. де Бройль и другие). Позитивизм подвергался критике со стороны других философских течений и, что самое интересное, — он подвергся критике изнутри.

О судьбах и перспективах современного позитивизма су-

¹ П. В. Копнин. Философские проблемы языка. — В сб. «Философия и современность». М., «Наука», 1971, стр. 189.

² Введение к книге: Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., ИЛ, 1959, стр. 15.

(С. 25) дить пока трудно. Очевидно несомненное снижение его влияния и авторитета. Совершенно очевидно, что перспективы неопозитивизма в качестве «философии науки» определяются тем, в какой мере он сможет провести реалистические идеи, выросшие рядом

с ее традиционными принципами, вопреки последним. Это же относится и к понятию факта. Последний может быть осмыслен и обоснован лишь в том случае, если система знания, элементом которой он выступает, окажется не просто логической системой, а будет рассматриваться как «отражение системы объективной реальности в ходе познавательной деятельности субъекта».

Возвращаясь к истории становления проблематики факта, мы убеждаемся в том, что гносеологические трудности в обосновании факта были связаны с ограниченностью возможностей его анализа в рамках метафизического материализма, диалектического и идеализма, эмпиризма позитивистов, который был и метафизическим и идеалистическим и к тому же означал отказ от постановки гносеологических проблем вообще.

Особенности постановки и анализа проблематики факта связаны не только с встающими на их пути гносеологическими трудностями. За ними стоят и моменты социальные. Нет необходимости напоминать об обстоятельствах, вызвавших к жизни науку и материализм нового времени, видевший свою цель в обосновании ее метода; столь же хорошо известны и социальные причины, обусловившие противоречивость немецкого классического идеализма. Неслучайно, разумеется, и обращение к положительному знанию в буржуазной философии XIX в., также не случайны и отказ от его теоретического осмысления, теоретических выводов из него и крайнее сужение философской проблематики науки, которая в 20-х годах нашего века вообще была объявлена псевдопроблемой. И хотя нет нужды более подробно останавливаться на этих проблемах, ибо они очевидны, тем более что существует достаточно большая литература по этому вопросу, отметим лишь одно обстоятельство: тенденция ко все более широкому распространению научного знания, а с ним и к утверждению научного факта сопровождается в буржуазной философии сужением тех философских (именно философских!) рамок, в которых он рассматривается.

Проблемы факта, постановка которых подсказывалась и развитием самой философии и всем ходом развития науки, еще ждали своего решения, свободного от метафизической и идеалистической ограниченности, свободного от боязни поставить вопрос о науке во всей ее широте и объеме. Этот поворот не мог быть произведен в рамках буржуазной философии. Он был осуществлен марксизмом.

(С. 26) Марксистско-ленинская философия — основа научной разработки проблематики факта. Следствием слабой развернутости проблематики факта является отсутствие анализа, оценки того неоспоримого вклада, который внесен в его исследование основоположниками марксистско-ленинской философии. А между тем вклад этот несомненен и, более того, его трудно охватить — столь он широк и многогранен. То, что мы говорим о качественном скачке, о революции в философии, полностью, без всяких ограничений, относится и к постановке и разработке проблемы факта.

Этот вклад Маркса, Энгельса, Ленина заключается прежде всего в разработке последовательно-научной философской теории, являющейся обоснованием теории факта. Мы видели, что трудности, с которыми столкнулась домарксовская философия, заключались в ее неспособности последовательно связать объект и субъект в познании мира, связать чувственное с логическим, эмпирическое с теоретическим, знание случайного, единичного и знание необходимого, индукцию и дедукцию и т. д. Все эти моменты марксизм диалектически объединил, включив в теорию познания практику, рассматривая познание как ее отражение и цель. Практика как основа накопления данных эмпирического знания является основой и условием, позволяющим увидеть за их единичностью и случайностью общее и необходимое. Марксизм поставил вопрос об эмпирическом источнике всякого знания, не только опытного, но и знания логико-математического, в котором «...практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»¹.

При этом итог эмпирической деятельности содержит нечто большее, чем простая сумма ее результатов: марксизм ставит вопрос о скачке, который здесь происходит, и об относительной самостоятельности теоретического, которое далее получает условия для своего внутреннего самостоятельного развития. Получение научного знания не только итог,

но и деятельность, вне которой невозможен был бы и ее результат — система фактов и законов науки. Практика как единство объекта и субъекта, как активное воздействие субъекта на объект, позволяющее выявить его свойства и характеристики, — вот основа накопления фактов, их богатства, их многообразия.

Эти моменты, соединившие материалистический взгляд на мир и его познание с диалектикой, были основой нового подхода к материалу и опытному, и выводного знания, позволяли понять его природу, сущность, закономерности движения, условия истинности. И уже этого самого по себе было бы до-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 198.

(С. 27) статочно много, чтобы говорить о новом уровне постановки вопроса о факте, об эмпирическом знании в целом.

Однако основоположники марксизма-ленинизма не только разработали систему идей, которые позволили поставить вопрос о сущности и месте факта, о его роли в познании. Они сформулировали те основные положения, которые составляют ядро теории факта.

Мы не можем развертывать здесь всех этих положений, более целесообразно сделать это в ходе позитивного изложения материала в последующих лекциях, раскрыв указанные положения более подробно и развернуто. Отметим лишь основное.

Именно основоположникам марксизма-ленинизма принадлежат одни из крайне немногих выдвинутых в философии определений факта. «... В любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам *фактов*, стало быть, в естествознании — из различных предметных форм и различных форм движения материи...», — писал Ф. Энгельс в Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»¹. К указанным положениям Энгельса прямо примыкают слова В. И. Ленина о социальных фактах как общественных действиях личностей².

В этих определениях заключено чрезвычайно большое и глубокое содержание. В них «запрограммированы» и суть факта и его специфика (предметные формы материи, общественные действия личностей, непосредственно фиксируемые нами и позволяющие судить о появляющихся в них — материи, движении, социальных процессах, а также о помыслах людей и т. д.), в них подчеркивается объективность факта и его место — исходной основы познания, основы построения науки. При этом факты — не просто составная часть знания, и тем более не самостоятельная его часть. На их основе развертывается сущность зафиксированных в факте явлений, объединяющий их закон.

В трудах Маркса, Энгельса, Ленина поднимаются и вопросы о значении разных типов факта. Основоположники марксизма ставят вопрос не только о разных типах факта, связи факта и закона, факта и теории, они поднимают проблемы связи фактов с философской теорией, мировоззрением.

Мы должны были хотя бы перечислить основные моменты, затрагивающие различные аспекты проблемы факта, пусть даже к большинству из них мы так или иначе вернемся. Это нужно было сделать для того, чтобы убедиться в главном: вопросы факта в марксистской теории встают по-новому, не-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 370.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч. т. 1, стр. 423-424.

(С. 28) обычно ярко, в разных связях и чрезвычайно многогранно. Здесь не нужно их отыскивать и выделять. Они выделяются сами, они очевидны, они напоминают о себе не только тогда, когда речь идет об абстрактных проблемах познания, а всегда, когда речь идет и о действительности, о реальных процессах, идущих в природе и обществе, и, разумеется, тогда, когда речь идет об их познании, о революционном преобразовании дейст-

вительности. И всегда выделяется эта проблема, когда речь идет о науке. При этом она ставится конкретно, в зависимости от особенностей материала науки и ее задач.

Что сделало возможным столь очевидный и в то же время столь серьезный поворот к проблеме? Почему факт занял такое прочное место в марксизме, хотя последний и не занимался им специально как особой категорией? Почему, хотя позитивизм и сделал последнее, факт остался в нем категорией, недостаточно определенной?

Ответ на этот вопрос предполагает не только учет наших исходных положений о роли диалектико-материалистической теории как методологии науки, обосновывающей ее принципы и пути движения. Следует учесть то чрезвычайно важное обстоятельство, что основоположники марксизма-ленинизма были блестящими учеными-исследователями и борцами, «прочувствовавшими» факт не только в его отвлеченной гносеологической форме, но в его реальности, конкретности, в его непосредственной данности, в богатстве его оттенков. Вся система выводов, касающихся и развития научного знания в целом, и разных его уровней, и разных отраслей науки, учитывая специфические особенности их объектов и способов их фиксирования, обоснована и подтверждена колоссальным материалом самой науки и практики.

При этом основоположники марксизма-ленинизма в соответствии с задачей, которую они ставили перед собою, исходили из фактов разного типа: конкретных данных реальной действительности, которую они фиксировали; из всей совокупности материала науки, из статистических материалов, подвергаемых тщательной проверке, сопоставлению, обработке и переработке; из фактов, давно уже зафиксированных и описанных в науке, но по-новому оцененных, включенных в систему, коренным образом отличную от той, которая их объединяла раньше; из новых фактов науки, которые нужна было осмыслить, оценить, определив их место и значение.

Уже сам характер подхода к факту, и его использование, и его обоснование говорит об особенностях взаимоотношения науки и марксистско-ленинской философии. Они достаточно определенно свидетельствуют об особенностях диалектико-материалистического решения этой проблемы в противовес

(С. 29) и натурфилософии, и позитивизму, причем нельзя забывать и о том, что эти принципы марксизма в его отношении к фактам развивались и развертывались в ходе активного преодоления обеих названных тенденций.

Итак, марксистско-ленинские принципы гносеологии, которые лежат в основе методологии науки, представляют образец наиболее цельного, последовательного решения и разработки коренных ее проблем и, в частности, проблемы факта. Марксизм требует дальнейшего распространения, конкретизации, развертывания теории на основе нового фактического материала науки, требует учета тех специфических моментов, которые характеризуют изменившийся ее уровень.

Все это должно быть учтено и должно преломиться и в теоретическом материале философии и в постановке вопроса о методах познания действительности в различных науках. Но это обобщение материала может быть только дальнейшим диалектико-материалистическим обобщением и обоснованием науки, другой основы она иметь не может.

Разумеется, это не означает, что при этом следует отказаться от учета всех других решений. Их нужно знать не только ради того, чтобы убедиться в трудности проблемы, но и для того, чтобы исходить из накопленных положительных результатов. Так, в частности, важно учитывать те специфические признаки факта, которые выделялись философами: связь факта с действительностью, в противовес возможности, единичность, случайность, конкретность, непосредственность, отнесенность знаний о факте к эмпирическому знанию и т. д. Тезис о значении учета теоретических результатов развития философии относится не только к материалистической философии XVII-XIX ее. или диалектическому идеализму, но и к позитивистскому решению проблемы. Так, нельзя забывать, что логические характеристики фактуального знания, логические формы и способы обработки данных и

систематизации фактов, учитывая особенности современного знания и задачи его формализации, довольно широко разработаны представителями современного позитивизма. Отвергая идеалистическую абсолютизацию логических характеристик факта, противопоставленных гносеологическим и снимающих последние, следует учесть их важность в качестве способа логического описания этих гносеологических характеристик. Но и сами критическое освоение и анализ того философского материала, о котором мы говорили, могут быть осуществлены лишь на базе диалектического материализма.

С учетом всего сказанного, опираясь на марксистско-ленинское обоснование проблем фактуального знания, мы и перейдем к их специальному рассмотрению.

(С. 30) ТЕМА 2. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА ФАКТА. ФАКТ — НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Лекция 3. Понятие факта и его основные характеристики. Факты науки и факты действительности

Понятие факта. Термин «факт» в его обычном словоупотреблении означает нечто совершившееся, происшедшее, имевшее или имеющее место. В этом смысле оно точно соответствует латинскому *factum, facere* (делать, совершать). В этом его значении термин и перешел в европейские языки, сохранив свои звучание и смысл. *Fact* в английском языке означает нечто совершившееся, *fait* во французском — сделанный, законченный; им соответствует и немецкое *Tatsache*.

В соответствии с этим за фактом закрепляется значение реального явления, события, действительно имевших место, которое выделяется в обычном и самом широком словоупотреблении.

Вместе с тем существует и более расширенное понимание факта как синонима понятий «действительность», «истина», «достоверность».

Оба этих значения выделяются и в нашей философской литературе. В значении, совпадающем с первым из названных выше, факты рассматриваются большинством наших авторов как конкретные события, явления действительности, реальные процессы, зафиксированные субъектом в его познавательной деятельности. При этом одни авторы считают фактом и сами эти события и предложения, в которых они фиксируются (В. А. Штофф, И. С. Нарский, В. А. Ядов, Г. М. Андреева), другие — относят понятие факта только к последнему (И. А. Ракитов, И. Г. Рубинов). Определенное различие между этими точками зрения несомненно. Однако поскольку в основном и главное решение вопроса о содержании фактуального знания здесь совпадает, этих различий мы пока не будем касаться.

(С. 31) Другое решение, соответствующее второму из выделенных определений факта (В. В. Косолапов)¹, тоже достаточно распространено. Поэтому наша задача прежде всего состоит в том, чтобы, сопоставив их, выделить то, которое соответствует категориальному значению факта.

Обратимся прежде к расширенному, «глобальному» определению факта, в ходе которого он отождествляется с понятиями истины, достоверного знания и т. д. Против расширенного определения факта возникает ряд возражений, вытекающих из анализа категорий, с которыми отождествляется факт. Понятие действительности охватывает весь реальный мир, его явления и сущность, истина — и фактическую и логическую формы истинности. То же относится и к достоверности, которая может быть и эмпирической и логической, и непосредственной и опосредствованной. Очевидно, что факт составляет лишь какой-то их «срез», уровень.

В то же время очевидно, что сами понятия «действительность», «истина» и др. в философии сложились, «работают», являются традиционными и коренными. Они должны раз-

рабатываться, уточняться, но это их углубление означает углубление самих названных категорий, а не замену их другими. Поэтому, если пойти по линии расширения факта до его совпадения с указанными понятиями, категория «факт» оказывается излишней. То же относится к понятиям закона, теории, и аксиомы, если назвать фактом и их.

Частое отождествление высказываний о законе с высказыванием о факте отмечает Р. Карнап. Любопытно его отношение к этому: «Ученые часто обращаются с универсальными утверждениями, или скорее с тем, что выражают такие утверждения, — как с "фактами". Если ученого спросят о законе теплового расширения, он может сказать: "О, тепловое расширение! Это один из известных основных фактов физики"». Отношение Карнапа к этому достаточно определено: «Это несчастье, что наш язык несет в себе эту двусмысленность, — пишет он, — потому что она является источником многих недоразумений»².

Но, может быть, следует снять эти противоречия отказом от понятия «факт» в его строго определенном, фиксированном значении? Может быть, факт вообще следует рассматривать как общеупотребительное понятие, подчеркивающее некоторые характеристики знания, но не имеющее категориального значения?

¹Факт в этом значении совпадает и с законом, теорией, аксиомой и т. д., если они выступают в качестве достоверной основы знания.

² Р. Карнап. *Философские основания физики*. М., «Прогресс», 1971, стр. 40, 41.

(С. 32) Однако этому решению категорически противоречит весь опыт и философии, и других форм сознания, о которых мы уже говорили. И особенно категорически — опыт науки.

В науке конкретный фактический материал отличается от его теоретического обобщения даже тогда, когда последнее создано и факты включены в систему теории. Столь же определенно отличаются факты и теория, когда речь идет о подтверждении последней. Теорию и факты всегда достаточно хорошо различали и различают сами ученые. Так, сопоставляя специальную и общую теорию относительности (в период, когда последняя была создана), А. Эйнштейн писал, что первая «опирается на большое число экспериментальных данных и воспринимается ... как простейшее теоретическое выражение экспериментальных фактов. Вторая ... пока еще не обоснована физическим экспериментом»¹.

Несомненно и соответствующее уровням знания разделение труда в науке. Блестящий вклад в физику, сделанный Майкельсоном, был не менее важным, как писал Эйнштейн, чем вклад выдающихся физиков-теоретиков. Но различия в характере деятельности, различие задач, а также и особенностей творческого склада физика-экспериментатора и физика-теоретика от этого никоим образом не снимаются. «Экспериментальная физика должна собирать кирпичи, а уж строить из них здание — дело теоретической физики»².

Не менее определенно разделяются и различаются и разные этапы развития науки — ее становление как науки описывающей, и ее превращение в науку объясняющую.

Наконец, совершенно определенным является и различие наук, непосредственно основанных на опытном материале, и наук логико-математических (дедуктивных). Ни в какой мере не отрицая эмпирического источника происхождения знания, мы тем не менее исходим из несомненных различий в характере объекта и методах построения этих наук, называя первые эмпирическими, а вторые — точными³. Интересно, что в зарубежной литературе очень часто можно встретить другое их обозначение: науки фактуальные и науки формальные (Р. Карнап, М. Бунге и др.).

Итак, все говорит о том, что постановка вопроса о выделении особого материала научного знания, отличного от теории, вывода, от научного объяснения изучаемых явлений отнюдь не является «псевдопроблемой».

Из обобщения опыта науки вырастают основные подходы к факту. Последний рас-

смаатривается самими учеными как

¹ А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. 1. М., «Наука» 1965, стр. 385.

² Л. Больцман. Очерки методологии физики. М., 1929, стр. 11.

³ А. А. Зиновьев. Логика науки. М., «Наука», 1970, стр. 215.

(С. 33) фиксация результатов наблюдения и эксперимента, осуществляемых в ходе научного исследования. Г. Б. Жданов говорит о фактах физики как «результатах строго определенных физических экспериментов»¹. Или: «Факт независимости скорости света от движения источника, — пишет С. И. Вавилов, — один из наиболее точно установленных результатов астрономических и физических наблюдений»². Или, в лекции, прочитанной в связи с вручением ему Нобелевской премии, Е. Вигнер выделяет в физике следующие уровни познания: 1) установление отдельных фактов, которые рассматриваются им как исходные частные данные науки, 2) раскрытие общих физических законов; 3) установление общих принципов инвариантности (этими принципами связываются уже сами законы)³.

Та же линия в понимании факта проводится не только применительно к другим отраслям естествознания, но и к познанию социальному.

Эмпирически наблюдаемый факт, пишет В. А. Ядов о фактах в социологии, можно определить как некоторое независимое от наблюдателя состояние объекта или его изменения (при этом под объектом можно понимать любые социальные явления или события, включая и явления сознания)

И здесь же, об особенностях статистических фактов в социологии, автор говорит, что они представляют «итог качественно-количественного, статистического обобщения свойств индивидуальных социальных явлений»⁴. (Подчеркнуто нами. — Л. М.). Или: исторический факт рассматривается как «зафиксированное на основе исторических событий явление прошлого», как «зафиксированное социальное явление»⁵.

В исследовании социальном, идет ли речь о социологии или об истории, политической экономии, материал фактов и выводов и их различие всегда выделяются и подчеркиваются совершенно определенно. Любопытно, что даже историки, стоящие на позициях идеализма, объявляющие в силу этого факт продуктом сознания историка («исторический факт находится в сознании историка и больше нигде», — говорил К. Беккер в речи на конгрессе историков и ставшей в извест-

¹ Г. Б. Жданов. Эксперимент и теория в современном естествознании. — В сб. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968, стр. 111.

² С. И. Вавилов. Экспериментальные основания теории относительности. — Соч., т. 4. М., АН СССР, 1956, стр. 14.

³ Е. Вигнер. События, законы природы, принципы инвариантности. — «Успехи физических наук», т. 85, 1965.

⁴ В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5, стр. 30, 31.

⁵ Г. М. Иванов. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. — «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 79.

(С. 34) ной мере программной речью)¹, не смешивают факта и его оценки, факта и выводов из него. Факт рассматривается как констатация «положения дел», как фиксация отдельного события.

Итак, идя за материалом науки и практики, за их осмыслением, а также за подходом к факту с позиций «здравого смысла», мы видим одну и ту же достаточно определенную линию: факты — констатация того, «что есть», в отличие от выводов о предполагаемых объектах, об их сущности. Факты — это то, что непосредственно фиксирует субъект, что он видит, наблюдает, выделяет в сфере своей деятельности. Нельзя не видеть и другого.

Философская традиция в подходе к факту при всей сложности и противоречивости ее развития в основном, в главном совпадает с этим подходом.

В самом деле. Мы видели, что в различных философских учениях факт рассматривается как особый элемент знания, отличный от знания теоретического. По-разному истолковано это различие, по-разному решается вопрос о переходе от одного к другому и о возможностях такого перехода, но признание их различия несомненно. Несомненно и рассмотрение факта как знания о единичном, случайном, как знания непосредственного, стремление связать факт с конкретной действительностью, как бы последняя ни понималась. Мы говорили и о том, сколь сузил постановку вопроса о факте позитивизм, о развитии субъективистской линии в его трактовке. Но если не обращаться к проблемам «онтологии» факта и особенностям гносеологии позитивизма, а обратиться к логическим характеристикам «данного», то мы увидим и здесь достаточно определенную сумму этих характеристик: факт рассматривается как суждение существования, как конкретное, единичное высказывание, как предложение наблюдения и т. д.²

Рассмотрение факта как знания о единичном, конкретном, случайном характерно для всей линии зарубежной социологии, истории, в подходе к социальному факту вообще. Эту линию проводили в «Философии истории» и Вольтер, и Гегель.

В недавно изданной у нас книге Р. Карнапа «Философские основания физики» приводится ряд определений факта. Утверждение о факте, отмечает Карнап, «говорит о специфически определенном времени и месте; оно устанавливает, что нечто случилось в такое-то время и в таком-то месте ... Такие утверждения называются утверждениями об отдельных фактах, они называются "единичными" утверждениями. Ко-

¹ C. Bekker. What Are Historical Facts? — «Western Political Quarterly», Vol. VIII, № 3, 1955, p. 331.

² See: K. Popper. The Logic of Scientific Discovery. N. Y., 1959.

(С. 35) нечно, все наше познание возникает из единичных утверждений — частных наблюдений отдельных индивидов»¹.

Характерно, что именно так, как фиксация единичного, конкретного, рассматриваются и факты в политической жизни и факты в искусстве. Первое не требует ссылок и разъяснений. Чтобы показать, как понимается факт в искусстве, и, в частности, в литературе, приведем высказывания самих писателей, причем писателей разных поколений.

«В каждом номере газет, — писал Ф. Достоевский Н. Страхову, — вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны ..., а между тем они действительность, потому что они факты».

В. Маяковский начинает поэму «Хорошо!» со слов о необходимости обращения поэзии к факту: «Воспаленной губой припади и попей из реки по имени — факт». И дальше: «Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бойцами или страной или в сердце было моем».

Широко распространенная документальная литература называется иногда «фактографической». «Факт является констатацией действительности, объекта», — говорит Ю. Бондарев².

Рассмотрение фактов как специфических, индивидуальных проявлений реального мира, как констатации существования и свойств различных его объектов, конкретных его событий со всей очевидностью проводится классиками марксизма-ленинизма.

Этот подход достаточно отчетливо выявляется уже в тех определениях факта, которые мы приводили: естественнонаучные факты — предметные формы материи, социальные факты — общественные действия личностей. Не анализируя далее этих определений, тем более, что мы их цитировали и вместе с тем еще вернемся к ним, обратимся к другим высказываниям, крайне важным для нас в рассматриваемой связи.

Факты — отражение явлений, и раскрытие сущности может идти лишь на их основе: «... Маркс заботится ..., чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие

ему исходными пунктами и опорой.... Не идея, а *внешнее явление* одно только может ей служить (теории Маркса. — Л. М.) исход-

¹ Р. Карнап. *Философские основания физики*, стр. 40. (Выделено нами. — Л. М.)

² Права и обязанности документалиста. — «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 133.

(С. 36) ным пунктом»¹. Так писал И. И. Кауфман о методе Маркса. Известно, что Маркс цитирует страницы его рецензии о «Капитале», считая, что здесь дано наиболее удачное изложение принципов его метода. Здесь четко подмечены не только пути построения теории Маркса, твердо базирующейся на фактах, но и своеобразие самих фактов.

Факт, являясь основой теории, противопоставляется абстрактным рассуждениям и представлениям. Так, например, буржуазные историки дают лишь «историю представлений, оторванную от фактов и практических процессов»². Между тем историческое исследование «...нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»³.

Крайне важно для нас здесь не только выделение факта как определенного и притом исходного элемента знания, как внешнего проявления действительности, а и подчеркивание того, что через посредство факта осуществляется соприкосновение с действительностью.

Выделяя специфику факта, основоположники марксизма-ленинизма отчетливо проводят линию различения их гносеологической функции в познании: факты констатируют наличие определенных явлений, «положение дел», теория же должна объяснить процесс, вскрыть его закономерности. Так, говоря об открытии теории прибавочной стоимости, Энгельс пишет, что «... здесь речь шла не о простом констатировании экономического факта», а об объяснении, которое давало «ключ к пониманию всего капиталистического производства»⁴. Об этом же говорит В. И. Ленин. Он подчеркивает, что «Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах... истории и действительности», и что «Марксизм видит свой критерий в *формулировке* и в теоретическом *объяснении* идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов»⁵.

Итак, необходимость подхода к факту как определенному элементу знания, обладающему рядом гносеологических характеристик, отличающих и выделяющих факт, представляется нам несомненной. Факты знания — отражение многообразных проявлений действительности и результат соприкосновения с нею. Сумма тех положений, которые мы привели в обоснование этого тезиса, их анализ, завершенный анализом высказываний о факте в марксистской литературе, представ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 20. (Выделено нами. — Л. М.)

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 40. ³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 499.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 20.

⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 411.

(С. 37) ляется нам достаточно серьезным и, более того, несомненным" доказательством необходимости именно такого подхода к нему.

Гносеологическая природа факта, признаки факта. Чтобы характеристики факта были в подлинном смысле слова его гносеологическими характеристиками, важно обосновать необходимость именно такой структуры знания, связать структуру знания со структурой материального мира, который оно отражает, и именно таким образом подойти к признакам факта, тем самым обосновав их и последовательно развернув. Решение этой задачи, его характер, его уровень зависят от коренных особенностей, исходных принципов, определяющих различие философских течений и школ.

Мы видели, что в силу непоследовательности и ограниченности принципов гносеологии в домарксистской философии все основные характеристики факта были недостаточно

обоснованы, либо определены весьма противоречиво, а главный вопрос о взаимодействии факта и теории в построении знания оказался практически неразрешимым, не мог решить эти проблемы и позитивизм. Его идеализм, феноменологизм в подходе к факту, отказ от гносеологического аспекта философии вообще привели к неспособности обосновать сущность фактуального знания, к прямому отказу неопозитивизма ответить на этот вопрос.

Л. Витгенштейн свой «Логико-философский трактат» начинает апелляцией к факту: «Мир есть совокупность фактов»¹. Но что же такое эти факты? Витгенштейн не отвечает на этот вопрос. А Б. Рассел во введении к «Логико-философскому трактату» объясняет это следующим образом: «Факт является логической субстанцией мира и неопределим»².

Э. Нагель и М. Коэн называют фактами вещи или их отношения, но само понятие вещи, а также ее природа ими при этом не раскрываются³.

Сошлемся еще на один вариант решения проблемы. В статье «Факты, события, истинные высказывания» Ф. Тиллмен пишет: «факт живет самостоятельной жизнью в нашем языке», но эта «самостоятельная жизнь» факта оказывается скорее самостоятельностью психологической: «Фактом мы называем такое высказывание, которое носит характер утверждения с высокой степенью авторитетности и уверенности»⁴. Ра-

¹Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., ИЛ, 1958, стр. 32.

²Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, стр. 16.

³See: M. Cohen, E. Nagel. An Introduction to Logic and Scientific Method. N. Y., 1934, p. 217-219.

⁴F. Tillman. Facts, Events and True Statements. «Theoria», 1966, XXXII, p. 139.

(С. 38) циональный момент в этом безусловно есть, и выше мы уже об этом говорили. Однако почему высказывание о факте обладает высокой степенью достоверности? Ничего о том, что факт отражает отношения реальной действительности, Тиллмен не говорит, «авторитетность» оказывается связанной с субъектом, и решение вопроса о специфике факта остается субъективистским, а сама природа факта так и не раскрывается.

Итак, если не выходить за пределы формальной структуры самого знания, факт действительно становится неопределимой субстанцией знания (а вместе с ним и мира). Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать о мире, являющемся основой, из которой факт вырастает, о процессе познания, в котором осуществляется это отражение реальных фактов. Такой подход к факту, к раскрытию и определению его природы осуществлен, сформулирован в марксистской философии. Положения о факте обосновываются здесь с чрезвычайной простотой, строгостью и очевидностью.

Мир материален. Материя — объективная реальность — существует в виде различных материальных образований, через них она проявляется.

«"Материя" и "движение", — говорит Ф. Энгельс, — суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»¹. Познать материю мы можем в тех формах и через те формы, в которых она реально существует. Вот почему там же Энгельс продолжает: «Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения».

Ту же мысль проводит В. И. Ленин: «Если мир есть движущаяся материя, — ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи...»².

И ведь определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущении, говорит о том же: изучать материю, сделать ее объектом познания можно лишь на основе непосредственного взаимодействия с её конкретными объектами.

Все эти положения и приводят нас к пониманию сущности факта. Факты и есть эта фиксация конкретных объектов, многообразных проявлений материи. Напомним определение факта, данное Энгельсом: «... надо исходить из данных нам *фактов*, стало быть, в естествознании — из различных предметных форм и различных форм движения мате-

рии...»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 550.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 365.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 370.

(С. 39) Итак, мы идем от фактов именно потому, что только через их посредство материя, движение — вся объективная реальность во всей сумме ее свойств может быть дана человеку. Вот почему В. И. Ленин говорит: «Для материалиста "фактически дан" внешний мир...»¹.

Очевидно, что интуитивно-простое для естествознания, правда очень сильно усложняющееся с переходом науки к изучению объектов на уровне микро- и мегамира, понимание факта оказывается более сложным, когда мы говорим об объектах социального знания. Трудность заключается в том, что в обществе действуют люди, наделенные волей и сознанием, направляющим и побуждающим их к деятельности. Значит, здесь уже трудно ограничиться столь простой предельной констатацией; выделение объекта исследования и различных составляющих его компонентов значительно сложнее. Но тем не менее и здесь эта задача решается в том же направлении.

Мы должны исходить из действий реальных личностей, фактами и являются общественные действия этих личностей, на основе этих общественных действий и через них мы судим о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей². Так определяет В. И. Ленин сущность, природу и основу социальных фактов.

Попытку решить вопрос о сущности и природе социального факта мы встречаем у Э. Дюркгейма. Редкое исследование по зарубежной социологии обходится без ссылок на его «Метод в социологии», на его определение социального факта. В противовес линии субъективизма, связывающего факты с сознанием отдельного субъекта, Дюркгейм пытается подойти к факту как к чему-то объективному. Эту объективность Дюркгейм видит в подчинении фактов закону причинности и в том, что факты существуют вне и помимо сознания отдельного человека. Это «образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он принуждается к ним»³.

Сам поиск основы социальных фактов за пределами сознания субъекта, безусловно, означает шаг вперед. Но для того, чтобы он оказался поворотом к принципиально новому решению, нужно было увидеть: а) объективную основу самих этих «образов мыслей и чувствований»; б) что сами эти чувствования должны изучаться через деятельность людей и не могут быть отделены от нее; в) что факт должен обладать

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 112. (Выделено нами. — Л. М.)

² См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 423-424.

³ Э. Дюркгейм. Метод в социологии. Киев — Харьков, 1899, стр. 148.

(С. 40) и бóльшей степенью конкретности, ибо «образы мыслей и чувствований» не могут изучаться вне деятельности реальных личностей.

Объективизация «образа мыслей и чувствований» без обращения к их основе — общественному бытию, отражением которого являются, приводит и к другой опасности: исчезает тот критерий, который позволяет показать, в какой мере это отражение является объективным, научным. Так, существование религиозной идеи — несомненный факт, фактом является и наличие в нем определенного содержания, но содержание это не соответствует реальным фактам природы и общественной жизни, дает их в фантастической, извращенной форме. Объективизация идей без анализа их базиса опасна возможностью именно такого их отождествления. Иными словами, стремление к конкретному изучению социаль-

ных явлений при таком решении проблемы оказывалось неминуемо связанным с абстрактным социологизмом, а объективность не смогла стать подлинной объективностью.

Анализ сущности факта и пути движения знания от факта к его обобщению позволяет выявить диалектический характер этого процесса, неразрывную связь, единство материализма и диалектики в ходе этого анализа. Так, уже подход к проблеме факта, когда его сущность раскрывается в связи с объективными отношениями, которые отражаются в ходе познания, предполагает, что логическому анализу факта должно предшествовать или, точнее, его должно пронизывать гносеологическое обоснование факта, а сама гносеология, как обоснование сущности, природы, специфики и роли факта не может быть оторвана от онтологии. Точно так же выступают в единстве материализм и диалектика: признание реального мира основой содержания познания вообще и фактуального знания в частности должно быть связано с диалектическим рассмотрением движения познания от явления к сущности, от внешнего к внутреннему, от единичного к общему, с учетом диалектики самого факта. Все эти положения — реализация и в то же время конкретизация тезиса о единстве диалектики, логики и теории познания.

Раскрытие гносеологической специфики Фактов как непосредственных проявлений материи и ее движения является основой выделения их основных характеристик.

Материя, природа не могут предстать перед познающим субъектом иначе, как через бесконечное многообразие отдельных материальных образований, в этом смысле Энгельс и говорит о фактах как предметных формах материи. При этом, отражая отдельные проявления действительности, субъект фиксирует определенные моменты их существования, взаимодействия. Каждый факт фиксирует не весь процесс,

(С. 41) а какой-то его момент. Представления об изменении явления, о ходе его и направлении создается на основе сопоставления множества фактов. Каждый из них фиксирует данное явление в данный момент, в данных условиях. Это обстоятельство и обуславливает дискретность факта¹.

При этом факт есть не сам объект или его отражение, а выражение отношений между объектами, их связей. Вне связей и отношений объект не может обнаружить себя как действительность. Ф. Энгельс называет «голым» фактом констатацию существования данной вещи².

Являясь выражением связей и отношений действительности в строго фиксированных условиях места и времени, факт выражает единичное, индивидуальное, конкретное. Тем самым факт является и выражением случайных связей. Ведь те конкретные характеристики, в которых проявился объект, индивидуальная окраска событий могли бы: быть иными, отношения объектов — проявиться иначе или несколько иначе и т. д. В этом смысле фактуальное знание является знанием о случайных связях, в отличие от теоретического, которое раскрывает необходимость, лежащую в их основе.

Выделив все эти характеристики факта, необходимо сразу же подчеркнуть их относительность.

Факт как выражение непосредственной действительности в то же время опосредствован и в своей внутренней основе как проявление материи, и практической деятельностью человека, в ходе которой он фиксируется, опосредствован понятийной формой, через которую он становится фактом знания.

Относительна и дискретность факта, ибо он не может не быть связанным с другими фактами и в действительности и в знании. Относительна и единичность факта: единичное есть проявление общего. Относительность единичности и в том, что факт знания всегда так или иначе — обобщение. Относительность единичного в факте заключается и в том, что единичное и индивидуальное фиксируется по-разному в зависимости от характера и особенностей общего, изучаемого в данной системе знания. Так, историка интересует и общее, и те индивидуальные моменты, в которых оно проявляется. Биолог, и тем более физик, описывает, как правило, массовидные объекты.

Но и здесь противопоставление индивидуального массовидному не абсолютно. Инди-

видуальное, специфическое включает и какие-то массовидные моменты, черты повторяемости, иначе оно не интересовало бы науку. Так, например, сколь бы

¹ См.: Б. М. Кедров. Единство диалектики, логики и теории познания. М., Госполитиздат, 1963, стр. 247.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 91.

(С. 42) индивидуальными ни были черты Гитлера, его истеричность, психическая неуравновешенность, демагогичность, ханжество и т. д., они были в то же время достаточно массовидными и соответствовали выдвинувшей его социальной среде.

В зависимости от разного уровня единичного, от степени его конкретности развертывается и случайное в фактах. Но и оно не может быть противопоставлено необходимости и выступает как форма ее проявления и дополнение к ней. Очевидно, что различна и мера случайного в характеристиках фактов различных наук (достаточно сравнить историю и социологию).

Мы видели, что многие из названных характерных признаков факта были выделены еще в домарксистской философии. Однако они не были здесь ни систематизированы, ни, тем более, обоснованы. В то же время эти признаки факта были абсолютизированы. Абсолютизация непосредственного, единичного, случайного, конкретного, характеризующаяся при этом субъективно-идеалистической направленностью, отличает и неопозитивистскую трактовку факта.

Факты — непосредственная действительность практики. Достоверность факта. Гносеологическое обоснование факта теснейшим образом связано с марксистским решением вопроса о месте, сущности и роли практики. Анализ связи факта и практики является также дальнейшим развитием принципа единства диалектики, логики, теории познания.

Факты науки, являясь ее основой и исходным материалом, выступают как отражение конкретных объектов природы в их связях и отношениях. Но само это отражение становится возможным именно благодаря практической деятельности: явления действительности становятся объектами познания постольку, поскольку они так или иначе включаются в сферу деятельности субъекта. При этом предметность познания, которая, как уже отмечалось, является предварительным условием его обобщенности, соответствует предметности практики. Практика как активное воздействие на мир и его изменение есть предметно-орудийная деятельность человека. Ее непосредственное предметное воплощение и фиксируется познанием, с нее оно начинается.

Ленин писал: «*Практика выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹. Всеобщность практики создается ее всеохватывающим характером, затрагивающий всю совокупность предметной деятельности человека, тем, что она представляет собою бесконечный процесс. Эта всеобщность создается также повторяемостью явлений действитель-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 195.

(С. 43) ности, которые, многократно фиксируясь в сознании, приводят к убеждению в объективном их существовании, к обнаружению общих связей и отношений, знание которых кладется в основу последующей деятельности людей, а тем самым возникновения и накопления новых фактов.

«... Миллионы примеров, таких же простых, как открытие ализарина в каменноугольном дегте, миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение "вещей в себе" в "вещи для нас"...»¹, — подчеркивает В. И. Ленин и говорит далее: «Это превращение и есть по-

знание»². Наконец, всеобщность практики вытекает из того, что люди сознательно или бессознательно используют законы природы.

Непосредственная же действительность практики — в богатстве предметных ее проявлений, в бесконечном многообразии конкретных взаимодействий субъекта с объектом, в индивидуальных особенностях и проявлениях любого из называемых Лениным «примеров» и «наблюдений».

Если всеобщность практики закрепляется в теоретическом познании, являющемся итогом, выводом, обобщением «миллиарда раз повторяющихся» отношений действительности, то «непосредственная действительность» практики фиксируется в фактах, и эти последние предшествуют теоретическому познанию.

Подчеркивая тезис о связи теории и практики, мы отмечаем, что итоги практики отражаются в познании и что практикой проверяется теория. Но здесь мы обычно ставим точку и не конкретизируем этих положений. Между тем далее следует показать, что эта связь осуществляется через факты науки, факты знания вообще. В самом деле, отражение практики означает прежде всего оформление результатов последней в фактах науки. Это очевидно, когда речь идет, например, о научном эксперименте — виде практики как деятельности, осуществляемой с познавательными целями. Но не менее важно фиксировать, суммировать и систематизировать результаты практической деятельности в самом широком смысле слова (например, практику революционной борьбы масс, производственно-практический опыт людей и т. д.) в виде фактов как основы последующих обобщений научного описания как основы для научного объяснения. Этому учат нас все произведения классиков марксизма-ленинизма. В то же время проверить теорию на практике тоже значит сопоставить ее с непосредственной действительностью, т. е. с фактами последней.

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 102.

² Там же, стр. 120.

(С. 44) И обоснованность фактами как показатель связи теории с практикой, и проверку фактами как практическое подтверждение теории Ленин подчеркивает неоднократно. Говоря о том, что сила марксизма в его связи с практикой, Ленин пишет: «Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах... истории и действительности...».

В то же время, характеризуя метод Маркса, так блестяще примененный им в «Капитале», Ленин указывает: «Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»¹.

Эти слова В. И. Ленина необычайно важны. Они говорят о фактах как исходной основе познания и условии проверки различных идей и выводов, они говорят о том, что эта проверка фактами и есть *практическая* проверка теории, точно так же, как сопоставление с объективными фактами есть одновременно и *практическое* обоснование ее. Сопоставляя факты и практику, Ленин, разумеется, не ставит знака равенства между этими понятиями и говорит не об их тождестве, а именно о соответствии: уровень фактического обоснования теории и проверки ее фактами — важный показатель их соответствия практике, действительности, а следовательно, существенная характеристика уровня объективности, научности теории. Не случайно все эти моменты подчеркиваются Лениным, когда он говорит о марксизме.

Говоря «факты — respective практика», Ленин имел в виду вместе с тем и наличие сложной системы строгих и точных фактов. Известен, в частности, неопозитивистский принцип верификации, когда речь идет о подтверждении общего высказывания отдельными фактами индивидуального опыта субъекта или даже предполагаемыми фактами. При наличии возможности такого подтверждения положения считаются научно осмысленными. Марксизм-ленинизм говорит о точных, проверенных практикой фактах. Для доказательств всякого утверждения нужно требовать «... *точно*, ясного, допускающего проверку, факта»². И в то же время имеется в виду совокупность фактов, строго и после-

довательно соединенных. Так, чтобы раскрыть особенности капитализма XX в., необходима вся «совокупность данных об основах хозяйственной жизни... всего мира»³. Или: «...критерий практики, — т.е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще...»⁴.

Постановка вопроса о связи фактов с практикой — один

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 302.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 100.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 304.

⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 146.

(С. 45) из моментов, определяющий рассмотрение фактов как эмпирического знания (ниже мы будем говорить об этом специально), рассмотрение факта в связи с понятием опыта.

Различные философские течения связывают факт с опытом субъекта. Имеется в виду индивидуальный опыт, чувственный опыт, непосредственный опыт. Само по себе обращение к опыту не включает ни ошибки, ни противоречия. Напротив, оно дает возможность увидеть и выделить гносеологическую специфику факта, его связь с деятельностью субъекта. Все дело в том, как рассматривается опыт. Марксизм исходит из рассмотрения опыта как активного взаимодействия субъекта с материальным миром, т.е. связывает его с понятием практики, поэтому с его точки зрения понятие знания, основанного на опыте, должно включать отраженную в опыте, в практике реальную действительность.

Что же касается самого определения опыта, отметим, что В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» выписывает слова А. Рея «опыт есть объект перед субъектом», отмечая материалистичность этих высказываний.

Идеалистическое понимание опыта означает отождествление последнего с внутренним миром субъекта. Этот субъективизм очень часто прикрывается рассуждениями о «нейтральных» элементах опыта, якобы соединяющих материалистический и идеалистический подходы к нему и снимающих крайности обоих. Учение о нейтральных элементах опыта выдвинул Мах. Продолжение подобной линии в философии XX века мы находим у Рассела; и здесь нейтральные элементы опыта («нейтральный монизм») объявляются синтезом объективного и субъективного. Однако поиски общей основы, объединяющей «непосредственно данное» в общую систему науки, определили поворот логического позитивизма к конвенционализму. Карнап обращение к опыту рассматривает как психологизм, а определение системы языка, в рамках которой осуществляется подход к объектам науки, считает делом свободного выбора, соглашения¹.

Ленинская критика идеалистического понимания опыта направлена против положений о мнимой нейтральности, независимости опыта, которые лишь запутывают суть проблемы, ничего не меняя в ней по существу. И в то же время Ленин подчеркивает, что основной порок этого и подобных истолкований опыта и знания в том, что они отрицают «...объективное содержание в опыте, объективную истину в опытном познании»².

¹ Р. Карнап. Значение и необходимость. М., ИЛ, 1959, стр. 301-302. 302.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 129.

(С. 46) Таким образом, понятие практики, непосредственная действительность которой фиксируется и отражается в фактах, является основой диалектико-материалистического понимания факта, в противовес идеалистическому его истолкованию. Мы уже отмечали не раз, что дело не только в раскрытии факта через другие категории, но и в том, как раскрываются их сущность и смысл. Понимание действительности факта как действительно-

сти практики ставит со всей очевидностью вопрос о материальной реальности его объектов или субстрата фиксируемых в факте свойств, отношений. Факты — констатации существования реальных объектов, и потому фактическое противостоит возможному, потому реальное существование — необходимый признак факта.

Идеализм также связывает понятие факта с действительностью, но он расширяет понимание самой действительности, которая включает также и все «помысленное нами». К чему приводит отнесение к области действительного всего «помысленного», можно видеть из утверждения Маха о том, что и «несообразный сон есть факт не хуже всякого другого».

«Существует только данное», — говорит Шлик. И «только данное действительно».¹ При этом Шлик ставит вопрос о принципиальной недопустимости поисков того «внешнего» и «внутреннего», которые им соответствуют. Данное нейтрально, и Шлик прямо говорит о своей солидарности с Махом, поставившим вопрос о нейтральности элементов мира. Поэтому факт по существу ничем не ограничен: любое предложение, построение которого отвечает набору логических правил, может быть названо фактом. Между тем факт для материалиста — не любая непосредственная действительность, а действительность практики.

Рассмотрение факта как непосредственной действительности практики является теоретическим обоснованием достоверности факта.

Раскрывая характеристики факта, мы все время исходили из признания этой его достоверности. Мы уже отмечали выше, что это требование наиболее категорично именно при подходе к фактуальному знанию. Теория может быть ненаучной, искаженно отражающей действительность, но продолжает называться теорией, если удовлетворяет логическим условиям, правилам ее построения, факты же — тот элемент знания, который сохраняет право называться так только при условии соответствия фактам действительности. Мы видели, что важнейшей гарантией достоверности факта и ее основой является непосредственная связь фактов с практикой, их констатация в ходе практической деятельности и на

¹ M. Schlick. Positivismus und Realismus. — «Erkenntnis», Bd. 4, H. 1. S. 4. (С. 47) ее основе, их воспроизведение практикой, их сопоставление в многообразии проявлении практики и, наконец, практическая проверка.

Этот тезис, совершенно очевидный при рассмотрении развития знания с позиций материалистической философии, не может быть решен идеализмом, который связывает знание с субъектом и его миром. Так возникла в современном неопозитивизме проблема «интерсубъективности» знания и, в частности, «интерсубъективности» фактуального знания. «Интерсубъективность» означает общезначимость, согласованность знаний, возможность определенной общности предложений науки, высказываемых не одним субъектом, а многими, и его «независимость» от опыта отдельного субъекта. Идея интерсубъективности должна была спасти неопозитивизм от солипсизма, неизбежного в том случае, когда содержание знания выводится из опыта отдельного субъекта. Но почему все же при наличии соответствующей логической обработки данных или их выражения на языке наблюдения может иметь место общезначимость? Неопозитивисты для объяснения интерсубъективности вынуждены прибегать к понятию коллективного опыта или постановке вопроса о конвенции (условия об употреблении единой системы языка, единой логической системы, т.е. соглашения, достигнутого субъектами). Но исчезает ли от этого идеализм? Уходят ли от солипсизма при сведении всей действительности к опыту не отдельного субъекта, а многих, творцы неопозитивизма? Критикуя Богданова, Ленин писал: «Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией»¹.

Некоторые итоги. Факты действительности и факты науки.

Рассмотрев и проанализировав понятие факта, обратившись к анализу его сущности, места и роли в познавательном процессе, мы можем подвести некоторые предварительные итоги. Факты выступают как отдельные, индивидуализированные проявления объективной реальности, фрагменты реальности, как непосредственная действительность. Реальные факты в виде «констатации ситуаций, положений, событий»² отражаются в фактах знания. Материалистическое понимание факта предполагает, таким образом, признание существования объектов, их связей и отношений и их отражение в сознании, со-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 242.

² И. С. Нарский. Дialeктическое противоречие и логика познания. М., «Наука», 1969, стр. 188.

(С. 48) ответственное этим объективным процессам. Это отражение происходит в ходе практики. Именно в процессе активного взаимодействия субъекта с объектом материального мира непосредственная действительность последнего становится фактом сознания, и фрагменты реальности фиксируются им. Практика является основой многообразия фактов, направляет их выделение, отбор и систематизацию, она же становится основой выделения общих, устойчивых, существенных связей, направляет исследования по пути их теоретического объяснения.

За всеми этими положениями стоит теснейшая связь гносеологии факта с его онтологией. Везде в ходе познания и деятельности неразрывно связываются и переплетаются факты действительности и фиксирующие их факты знания, а в развертывании науки — факты действительности и факты науки. Отношение «факт действительности» — «факт науки» становится важнейшим гносеологическим отношением, без которого в рамках материалистического подхода к факту не могут рассматриваться его основа и сущность. По примеру обозначения М. Бунге законов природы и законов науки L_1 и соответственно L_2 , В. А. Штофф предлагает и обозначение (Φ_1) — факт действительности и (Φ_2) — факт науки, исходя при этом, разумеется, не только из их различия по форме, но и единства по содержанию.

При этом нам представляется, что, когда речь идет о движении познания в целом, а не только об исследовании аппарата самой науки, следует расширить понятие Φ_2 . Можно говорить здесь не только о факте науки, но и о факте знания вообще.

Лекция 4. Факты науки — эмпирическое знание

Развертывая обоснование факта, говоря о фактах действительности и отражающих их фактах сознания, мы подчеркивали прежде всего действительность факта, т.е. касались той сферы проявлений и отношений объективной реальности, которая воплощается и отражается в фактах. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы проследить структуру факта знания. Разумеется, «онтология» факта не исчезает, и здесь: структура познания соответствует структуре действительности. Но акценты проблемы не могут не претерпеть некоторого изменения, тем более, что у познания есть и свои внутренние специфические закономерности, свои аспекты, как есть свои внутренние противоречия и трудности.

Вопросы, касающиеся факта, затрагивают разные аспек-

(С. 49) ты познавательных проблем. Они непосредственно соприкасаются с традиционной проблемой диалектики чувственного и рационального в познании, и также органически сплавлены с менее разработанной в нашей литературе проблемой эмпирического и теоретического.

Мы будем здесь говорить и о фактах знания вообще, а не только о фактах науки, учитывая их диалектику, их переплетение и связь. Но в то же время мы всё более определенно будем говорить о последних.

Факт и процесс познания. Факт и чувственное познание. Развернутые выше положения о гносеологической специфике и природе факта с необходимостью включают тезис

о связи факта с чувственным познанием. Если материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, если «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем...»¹, — связь фактуального знания с чувственным познанием очевидна.

Выделение чувственно-данного как необходимой стороны, момента, особенности факта знания всегда отличало подход к нему в истории философии. Даже для Канта, искавшего характеристики знания в формальных, общих, априорных его структурах, необходимым условием знания является его чувственная данность, связь с созерцанием («мысли без созерцания пусты»). Гегель сумел увидеть, что в основе, истинного, знания лежат такие его элементы, которые «должны быть в действительности и наличествовать для восприятия».

Конспектируя Гегеля, Ленин выделяет из «Науки логики» следующий тезис, характеризуя его как «чистый материализм»: «...познание... находит перед собой истинное сущее, как независимо от субъективных мнений наличную действительность»².

«Наличная действительность» факта обнаруживается в ходе наблюдения. Сами типы наблюдения объектов различны. Наблюдатель может фиксировать объект в ходе прямого и непосредственного взаимодействия с ним, когда между ними нет никаких приборов, влияющих на это взаимодействие. Наблюдение может осуществляться с помощью прибора, который, делая доступными те объекты, которые без этого наблюдатель зафиксировать не может, не видоизменяет при этом объекта и его образа (наблюдение клетки в микроскоп, небесного тела — в телескоп). И, наконец, взаимодействие объекта с прибором, которое изменяет сам объект и должно учитываться наблюдателем.

Каким бы ни было наблюдение, в нем всегда есть момент

¹В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 320.

²В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 197.

(С. 50) взаимодействия с объектом, предметом (вещью), фиксация его проявлений, подтверждающая их реальное существование. И, таким образом, объект, не данный нам в ходе практики непосредственно, может быть обнаружен и зафиксирован с помощью прибора, с помощью другого материального предмета, который является посредником между субъектом и объектом. И поскольку, учитывая диалектическую взаимосвязь всех явлений, непосредственное или опосредованное взаимодействие принципиально возможно для любых реальных объектов, их следует считать принципиально наблюдаемыми. Принципиальную наблюдаемость не следует смешивать с наблюдаемостью актуальной. Объект может быть принципиально наблюдаемым даже тогда, когда у нас нет технических средств для его наблюдения. «Принципиальная наблюдаемость означает лишь то, что при соответствующих условиях непосредственное или опосредованное наблюдение не противоречит законам природы»¹. В то же время абстрактные объекты (например, математические конструкции) являются принципиально ненаблюдаемыми.

На этой основе мы и должны исходить из следующей крайне существенной характеристики факта. Если фактуальное знание фиксирует результаты непосредственного взаимодействия с объектами материальной действительности, можно достаточно определенно очертить его сферу. Возможности фактуального знания о реальной действительности безграничны, поскольку все ее объекты в конечном счете принципиально наблюдаемы. Но наблюдаемыми являются именно объективно-реальные предметы, процессы, проявления материального мира. Что же касается абстрактных предметов, то, будучи реальными, существующими, они не являются объектами наблюдения, связь с ними не означает непосредственного соприкосновения с действительностью. И потому в точном соответствии со всем сказанным относительно наблюдаемости и ненаблюдаемого нам представляется бесспорным, что именно поэтому в сферу объектов фактуального знания не могут быть включены абстрактные объекты типа математических мысленных конструкций. Существование в математике — иной тип существования, иными являются и

принципы построения и способы проверки математического знания.

Говоря об объектах научного знания и их соотношении с реальными объектами действительности, А. И. Ракилов, обозначая их соответственно O^{**} и O^* , указывает, что всяко-

¹ В. П. Бранский. Эвристическая роль некоторых философских принципов в построении общей теории относительности. — В сб. «Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук». Л., «Наука», 1970, стр. 122.

(С. 51) му O^* должна соответствовать абстракция в O^{**} , и что «обратное утверждение не имеет силы, так как не каждому объекту из O^{**} соответствуют объекты предметно-орудийной деятельности»¹ (т. е. практики. — Л. М.).

Нам представляется, что эти положения могут быть использованы и здесь. Факты знания есть такие O^{**} , т.е. такое содержание нашего знания, такой его образ, которому соответствуют O^* . Там, где нет такого соотношения между O^{**} и O^* , нельзя говорить о фактах.

Отмечая связь факта с чувственным познанием, роль наблюдения, мы распространяем этот тезис на всю область эмпирических наук. В отношении к естествознанию понятия «предмет», «вещь» — O^* и соответствующий им чувственный образ O^{**} приобретают достаточно определенный смысл, и потому все связанное с данной проблемой воспринимается с интуитивной очевидностью. Сложнее обстоит дело с изучением общественных явлений и явлений сознания. Но как бы ни отличались вещь и общественное отношение и как бы ни отличались от того и другого мыслительные процессы, их наблюдение также принципиально возможно и, более того, необходимо для научного исследования. Социальные наблюдения, социальные исследования характеризуются тем, что и здесь осуществляется непосредственное взаимодействие с объектом социального знания, а следовательно, и момент чувственной его фиксации. Наблюдение, эксперимент являются также базой исследования психологического.

Становление психологии как науки связано с разработкой в ней объективных методов. Но собственно даже и господствовавшая в ней ранее интроспекция была в значительной мере изучением фактов сознания, хотя, не подкрепленные методами объективными, они оказывались фактами, где объективное часто не отделялось от «субъективных мнений».

Наиболее далекими от непосредственного фиксирования действительности в наблюдении являются объекты исследования в исторической науке. Известно, что особенности констатации и воспроизведения исторических событий, особенности деятельности историка по реконструированию исторического прошлого служат до сих пор основой различных решений, противопоставляющих историческое исследование научному, либо объявляющих исторический факт продуктом сознания историка.

Между тем специфичность исторического исследования не снимает момента непосредственности. Она проявляется в использовании исторических источников, зафиксировавших дан-

¹ А. И. Ракилов. Курс лекций по логике науки. М., «Высшая школа», 1971, стр. 53-54.

(С. 52) ное явление в ходе определенного соприкосновения с ним. Если же используется не письменный источник, а материальный памятник (скульптура, здания, орудия, посуда, останки), то это взаимодействие еще более ощутимо.

Логические характеристики факта. В осознанном чувственном восприятии человек отражает не показания чувств, а объекты внешнего мира. Сами эти показания и механизм их составляют физиолого-психологическую основу процесса познания, которые нами не воспринимаются. Налицо сам результат. Аналогичная ситуация возникает и здесь. В факте выявляется не сам процесс, а итог этого фиксирования его результат. И воспринимается

он в единстве со словесно-понятийной формой, являющейся способом существования данного мыслительного содержания. И потому даже самые простые фиксации типа «это — белое», «это — голубое» уже содержат обобщение словом и, более того, системой их, ибо и в данном случае налицо суждение, высказывание, заключающее в себе и субъект и предикат.

Если говорить о фиксировании не столь простого отношения, а отношения более сложного, например результатов показаний прибора, с помощью которого мы изучаем определенное явление природы, то понятийная форма факта становится более сложной, ибо наряду с общераспространенными понятиями обыденного языка мы используем научные понятия и связанные с ними более или менее определенные теоретические представления.

«Констатация факта и рациональная опосредованность знания не только не исключают, но предполагают друг друга»¹.

Таким образом, диалектическое переплетение чувственного и логического есть с самого начала, от самого простого факта диалектическое единство единичного и общего. Констатация факта предполагает оперирование понятиями, и так как уже самый простой, «голый» факт есть констатация существования вещи, объекта, факт знания выражается суждением (суждение существования), высказыванием. Высказывания о факте могут быть простыми (атомарными) и сложными (молекулярными). В этом, последнем случае факт может быть конъюнкцией («Аристотель учился у Платона, а позднее создал собственную школу»), а также и дизъюнкцией, но только не разделительной. Так, фактом является предложение «Кутузов всегда находился в Ставке, располагавшейся вблизи войск или непосредственно на поле боя», но

¹ В. А. Лекторский. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. — В сб. «Проблемы научного метода». М., «Наука», 1964, стр. 91.

(С. 53) нельзя считать фактом высказывание типа: «Наполеон умер на острове святой Елены или где-либо в другом месте».

Факт фиксируется и утвердительным и отрицательным высказыванием. Его предикат может быть как одноместным, так и многоместным («Аристотель — ученик Платона», «Аристотель — ученик Платона, который выступил с критикой его теории идей». Пример факта, выражаемого отрицательным высказыванием с многоместным предикатом: «В СССР нет города, который был бы больше, чем Москва»).

Весьма существенной особенностью высказываний о факте является, по-видимому, то, что оно не содержит переменных¹. Наличие переменных, т.е. различных значений, одинаково удовлетворяющих данному высказыванию, — признак высказывания теоретического.

Учет этого признака факта чрезвычайно важен, когда мы имеем дело со сложным фактом, когда мы переходим от факта к формулировке эмпирической зависимости, эмпирического закона, сохраняющего в своем содержании целый ряд признаков, сближающих его с фактом. Так, в «Логике научного исследования» приводится в качестве примера факта следующее высказывание: «Лакмусовая бумажка, опущенная в кислоту, краснеет». Если следовать приведенному выше положению об отсутствии переменных, а с ним, безусловно, следует согласиться, данное высказывание уже не является высказыванием о факте, пусть даже и общем. Это — эмпирическая зависимость. Обоснование логических характеристик факта является проблемой весьма сложной и еще недостаточно разработанной. Интуитивно-очевидное разграничение между эмпирическим и теоретическим высказыванием в конкретном научном тексте гораздо труднее провести тогда, когда эти высказывания формализованы или даже просто отделены от контекста. Логической парадигмы факта логика науки в ходе разработки основных своих положений не выдвинула. Это, как и применительно к закону, связано прежде всего с действительными объективными трудностями проблемы, вытекающими из многообразия фактов действительности. Другая причина этого — слабая разработанность проблемы в целом. Причем

дело не только в уровне логического, но и в особенностях гносеологического исследования, создающего соответствующую основу и базу для создания логических систем и принципов.

Отвечая Я. Лукасевичу, который наличие противоречий в логических характеристиках фактуального и теоретического

¹ См.: Е. Д. Смирнова. К проблеме аналитического и синтетического. — В сб. «Философские вопросы современной формальной логики». М., «Наука», 1962, стр. 335.

(С. 54) знания считает достаточной основой для снятия проблемы вообще, Е. Д. Смирнова говорит: «Мы должны идти не от логической системы к окончательному выводу о правомерности или неправомерности деления знания на теоретическое и фактическое, а, наоборот, выяснив, имеется ли данное деление или нет, строить соответствующую логическую систему». И в самом деле. Можно ли ставить логические проблемы как самодовлеющие, если за каждым моментом, за каждой логической характеристикой факта стоит проблема его онтологии, проблема гносеологическая, а с ними и методологическая? Так например факт рассматривается как единичное высказывание, как суждение существования. Но за этой единичностью стоит существование и единичность отраженных в факте объектов. То же относится к таким характеристикам факта, как конкретность. Та же основа у рассмотрения факта как высказывания о случайном (в противовес необходимости в теоретическом высказывании). Реальные отношения стоят и за тем, что в логике называют отрицательным фактом — фактом несуществования. Поэтому нельзя отказаться от того или иного понятия, если оно сложно, противоречиво и недостаточно освоено. Точно так же за логическими проблемами стоят проблемы гносеологические, и возникающие в ходе их анализа логические трудности должны разрешаться в ходе не просто логического, а именно логико-гносеологического анализа. Таковы, в частности, проблемы аналитического и синтетического, контрфактических предложений, диспозиционных предикатов и ряд других, которые анализируются в современной логике науки и представляют несомненный интерес, поскольку затрагивают специфические черты, характеристики фактуального знания¹.

Итак, факт науки выступает как единство чувственного и логического знания, он никоим образом не может быть сведен к итогам одного лишь чувственного знания. Поэтому уже здесь, и, таким образом, всегда, а не только на теоретическом уровне, научное знание с необходимостью выступает как выражение рациональной ступени познания. Однако здесь мы, имеем дело с тем уровнем рационального, когда оно еще не оторвалось от своей чувственно наглядной основы, когда она не только и не просто предполагает ее и формируется ею, но включает ее фиксацию как необходимый момент в свое содержание. С другой стороны, чувственное настолько сплавлено с логическим, что без логического существовать не мо-

¹ Мы не можем здесь говорить о них, тем более, что все они требуют специального раздернутого анализа. Заметим лишь, что они являются и логическими и гносеологическими проблемами. Особенно важна проблема аналитического и синтетического (см. указанную статью Е. Д. Смирновой).

(С. 55) жет и не может быть зафиксировано; но при этом сплавлено лишь в такой степени, чтобы наличие чувственного содержания проявилось в данности, конкретности, индивидуальных характеристиках отражаемых объектов. Решающее же значение логического проявляется в том, что оно делает возможным их фиксацию как моментов знания.

Эта непосредственная данность факта снимается лишь <с переходом к закону, теории, отражающим движение познания от тех характеристик действительности, в которых она непосредственно выявляется, к раскрытию внутренних связей, сущности, необходимости,

требующих в связи с изменением гносеологических характеристик и иных логических структур.

В ходе разработки логики науки логический позитивизм поднял и продолжает разрабатывать ряд важных проблем фактического знания, в частности все названные выше проблемы, и это обстоятельство нельзя не учитывать и не ставить ему в заслугу. Но нельзя при этом согласиться с тезисом позитивизма, что факт и есть эта логическая структура, что его реальностью, как и реальностью жира, и является реальность этой логической формы («Факты в логическом пространстве суть мир»), что за пределами логического анализа языка мы не можем и не должны ставить никаких проблем о мире («Границы моего языка есть границы моего мира»). Так же мы относимся к утверждению, что реальность факта есть реальность предложения, его фиксирующего, и что постановка вопроса о реальности факта за пределами высказывания о нем, о соответствии внешнему референту есть проблема, лишенная смысла.

По поводу слов Шлика о том, что закон есть правило для построения соответствующих высказываний и перехода от одного факта к другому, М. Бунге замечает: правило определенного типа, конечно, существует, но разве существование правила отменяет или исключает наличие объективных законов? Эти слова можно отнести и к факту. От того, что существуют определенные логические формы и принципы построения исходного базисного знания, не меняется главное; независимо от этих форм существуют объективные отношения, отраженные и с помощью логических форм зафиксированные в научном познании.

Об этом же говорит М. Вартофский: «Само наблюдение не является предложением; но оно может быть выражено предложением,... и объектом этого предложения являются факты, фиксируемые наблюдением»¹.

¹ М. W a r t o f s k y . Conceptual Foundations of Scientific Thought, p. 104.

(С. 56) Эмпирический и теоретический уровни знания. Хотя, как мы видели, факт сохраняет свою данность и связь с процессом наблюдения, хотя он «наличествует для восприятия» а его констатация предполагает момент восприятия, логическое, рациональное оформление становится неотъемлемым способом его существования (правда, факт может быть зафиксирован в виде схемы, графика, снимка, кинокадров и т. д., но это — дополнительные средства констатации, которые не могут заменить главного — его понятийного оформления — и также предполагают его). Более того, факт может быть в значительной мере опосредован и тем, что этот процесс наблюдения присутствует в нем в «снятом виде» (фиксация различных событий общественной жизни, факт в виде резюме данных и т. д.), тогда как снять его рациональную форму невозможно.

С другой стороны, совершенно очевидно, что поскольку констатация фактов и даже их систематизация и генерализация выступают лишь как начало познания, поскольку факты (при всей сложности их рационального опосредования составляют лишь материал знания, а никак не его итог, — постольку необходимо определенное подразделение ступеней рационального опосредования действительности в знании.

Отсюда и вырастают понятия эмпирического и теоретического знания.

В нашей философской литературе вопрос о необходимости выделения данных понятий уже не является дискуссионным, Он, собственно, и не был им: материал, объединенный этим понятием, совершенно определенно «вписался» в рамки соотношения «эмпирическое — теоретическое», и понятия оказались совершенно необходимыми, так как традиционное подразделение на чувственное и логическое охватывало материал науки лишь очень приблизительно. Наконец, эти термины не были новыми. Мы непрерывно встречаем их в литературе специально научной и философской. Ими часто пользуются классики марксизма-ленинизма. Не ново оно и в истории философии: различие линий в подходе к теории познания и проблеме становления знания затрагивало, как мы видели, в качестве

одного из главных вопросов о том, как строится наше знание: идет ли оно от опыта или независимо от него, и как осуществляется переход от данных опыта к теории. Другое дело, что этот вопрос в домарксистской философии не был и не мог быть решен, но он поднимался как один из самых кардинальных.

Одним словом, необходимость выделения эмпирического и теоретического уровней знания сомнения не вызывает. К эмпирическому знанию относят материал опыта, практики субъекта, результаты наблюдения и эксперимента. К теоретическому (С. 57) — их обобщение и истолкование, раскрытие сущности фиксируемых явлений.

При этом очевидны и различия линий постановки проблемы «эмпирическое — теоретическое» и «чувственное — логическое».

Соотношение чувственной и логической ступеней познания охватывает более широкую общую постановку вопроса о путях и механизмах познания мира субъектом, независимо от объема, содержания, глубины отражения. Оно охватывает не только онтогенез, но и филогенез развития познания, выделяет в то же время каналы связи сознания с объективным миром, а так же последующие уровни переработки образа.

Соотношение эмпирического и теоретического уровней знания означает; во-первых, раскрытие различных этапов развития логического мышления. При этом оно касается не просто отражения мира субъектом, а накопления знания, развивающегося познания мира, функционирования этого знания. Здесь речь идет не только об отражении мира отдельным субъектом, а о совместном духовном продукте познавательной деятельности людей на разных его уровнях в разных формах, разными способами.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что если чувственная и логическая ступени познания могут быть отделены лишь в ходе их исследования, а в самом познании мира субъектом неотделимы, то диалектическое взаимопроникновение эмпирического и теоретического не исключает относительно самостоятельного существования каждой из ступеней. Это относится и к истории различных наук, и ходу научного творчества в отдельных исследованиях.

Можно сказать, что анализ связи чувственного и логического представляет психолого-гносеологический, в то время как взаимоотношение эмпирического и теоретического знания — логико-гносеологический или логико-методологический аспекты проблемы путей развития познания — центральной проблемы гносеологии.

Однако сам факт постановки этого вопроса в нашей литературе еще не означает, что его обсуждение и анализ перестали быть актуальными: а) понятия «эмпирическое — теоретическое» вошли достаточно прочно лишь в специальную литературу, прежде всего в литературу по проблемам логики и методологии науки; б) нельзя считать, что отнесение эмпирического материала науки, ее фактов к чувственному познанию полностью исчезло из нашей литературы; наконец, в) понятие эмпирического уровня знания в нашей литературе раскрывается и определяется очень по-разному. И при этом, почти как правило, каждый автор выделяет в качестве основной, а нередко даже единственной характеристики какой-то от-

(С. 58) дельный момент, составляющий специфику эмпирического знания в отличие от знания теоретического.

Так, Е. Д. Смирнова говорит о том, что эмпирическое знание обнаруживает, фиксирует, раскрывает случайные связи, тогда как теоретическое есть познание связей необходимых¹. В. А. Лекторский выделяет в качестве таких признаков: а) наблюдаемость, б) фиксирование случайных, индивидуальных: связей в отличие от теоретического знания как знания необходимых, универсальных связей². В. А. Смирнов в качестве решающего признака эмпирического знания выделяет отличие эмпирического объекта, выступающего как отражение фрагмента реальности от теоретического-идеализированного объекта³.

А. И. Ракитов говорит о том, что основная характеристика эмпирического знания вы-

текает из способов его фиксирования: эмпирический объект определяется не столько его природой, сколько спецификой средств регистрации, что, таким образом, мы имеем в виду не просто структуру данной единицы знания, а определенные способы его получения⁴. В. С. Швырев в основу разделения эмпирического и теоретического знания кладет метод их проверки, подтверждения, интерпретации: эмпирическим является знание, «при проверке и установлении которого могут быть непосредственно использованы данные наблюдения и эксперимента», а теоретическим — то, которое «не имеет непосредственного чувственного коррелята».⁵

Нам представляется, что эмпирическое знание включает **все** указанные характеристики. Их не следует отделять, а, напротив, нужно объединить, суммировать. Кроме необходимости учета всех названных характеристик следует отметить и важность дополнения их некоторыми другими. Так, перечисленные моменты нужно дополнить объединяющим их общим тезисом о том, что материал эмпирического знания фиксируется в ходе практической деятельности. Практика есть взаимодействие объекта и

¹ См.: Е. Д. Смирнова. К проблеме аналитического и синтетического, стр. 322-324.

² См.: В. А. Лекторский. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. — В сб. «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода». М., «Наука», 1964, стр. 96-97

³ В. А. Смирнов. Уровни знания и этапы процесса познания. — В сб. «Проблемы логики научного познания». М., «Наука», 1964, стр. 30-31.

⁴ А. И. Ракитов. О природе эмпирического знания. — В сб. «Логическая структура научного знания». М., «Наука», 1965, стр. 125-129.

⁵ В. С. Швырев. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. — В сб. «Проблемы логики научного познания», стр. 53.

(С. 59) субъекта, воздействие субъекта на объект; непосредственное вплетение практики в процесс познания и фиксирование ее результатов осуществляются именно в ходе эмпирического знания, через него теоретическое связывается с практикой и как основой разработки теории и как условием ее проверки. Являясь констатацией существования объектов, их характеристик, зафиксированных субъектом, эмпирическое знание выступает в виде научного описания, тогда как теория есть научное объяснение. Ниже мы будем говорить об этом подробнее и потому не раскрываем этих понятий. Однако учесть их необходимо, ибо без этого характеристика эмпирического знания была бы неполной.

Итак, в понятие эмпирического уровня знания включаются такие моменты, как непосредственное взаимодействие с познаваемым объектом в ходе практической деятельности («объект перед субъектом»). Объект эмпирического знания — это реальные проявления действительности, ее фрагменты, фрагменты реальности. Поэтому они и фиксируются в ходе активного наблюдения. (Эксперимент как один из методов изучения эмпирических объектов также предполагает момент наблюдения). Фиксация объекта эмпирического знания есть описание его развертывания и связанных с ним основных моментов его характеристики на уровне явлений. В то же время эмпирическое знание потому и является началом познания, потому и предшествует теоретическому, качественно отличаясь от него, что теоретические объекты, являясь результатом отвлечения, абстрагирования, идеализации, отражая явления на уровне общего, сущности, непосредственно в познании не даны и выступают как его вывод, итог. Потому и проверка, подтверждение теоретического осуществляется в ходе его эмпирической интерпретации.

Перечисляя указанные характеристики эмпирического знания, мы должны видеть их тесную связь, единство и взаимопереплетение. Должны учитывать важность учета всей их совокупности. Должны, наконец, рассматривать их в определенной субординации. Ее основой является выделение специфики эмпирического объекта, из которой следуют особенности деятельности по его установлению (наблюдение, эксперимент), и, далее, по их гносеологической функции (описание).

Факт — эмпирическое знание. Рассмотрев специфические черты эмпирического зна-

ния, мы убеждаемся, что во всех своих характеристиках факт знания совпадает с ним.

В самом деле, факты знания — отражение предметных форм материи, общественных действий личностей, реальных проявлений сознания — выступают как фиксация непосредственных проявлений действительности. Факт есть знание,

(С. 60) с необходимостью включающее момент непосредственного, чувственного познания, хотя он не сводится к нему. Факты, их поиск, установление теснейшим образом связаны с практикой как деятельностью, в ходе которой только и возможна констатация факта, и в то же время они отражают содержание практики как предметной деятельности, как взаимодействия субъекта и объекта.

Предметность факта, его связь с непосредственным знанием, связь с практикой, дополняются такими его характеристиками, как индивидуальность: факт всегда заключает в себе индивидуальные, специфические черты, в этом смысле он неповторим. Факт индивидуален как констатация именно такого, а не другого «положения вещей». И даже повторяющиеся, массовидные, воспроизводимые факты естествознания отличаются по крайней мере данным пространственно-временным интервалом, в котором они зафиксированы. К индивидуальности, конкретности факта примыкает эта его соотнесенность с данным пространственно-временным интервалом, данными отношениями, данной ситуацией.

Наконец, идет ли речь о простом или сложном факте, о констатации существования объекта или суммы его свойств, о факте единичном или общем, нестатистическом или статистическом, о факте наблюдения или экспериментальном, — везде его констатация представляет описание.

Факт науки неразрывно связан с теорией. Здесь те же линии связи, что характеризуют соотношение эмпирического и теоретического уровней знания.

При этом совпадают не только отдельные характеристики, но и вся линия их субординации. И в факте исходным является объект, фиксируемый в фактуальном знании (предметные формы материи), отсюда вытекают методы фиксирования, способ логического оформления результатов и т. д. Развертывание характеристик фактуального знания пронизывается принципом «факты — *respective* практика».

Именно так, рассматривая их как однопорядковые, используя эти термины часто как синонимы, говорят о фактах, как о знании эмпирическом, классики марксизма-ленинизма. Напомним ленинские слова о необходимости «эмпирически начать понимание» или о том, что нужно «суметь поставить на научную почву изучение фактов». Или, в «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин говорит о том, что эмпирическое описание каждой отдельной отрасли промышленности, означает, что «надо взять *факты* о развитии капитализма в стране»¹.

Так же осуществляется и сопоставление эмпирического

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 58.

(С. 61) и теоретического уровней знания. В одних случаях речь идет о накоплении эмпирических данных, предшествующих теории. В других случаях сопоставление идет по линии «факты–теория». «Мы не касаемся здесь фактических данных о ходе этого процесса в России... В настоящее же время вопрос ставится чисто теоретически, т.е. о товарном производстве вообще при превращении его в капиталистическое»¹, — пишет В. И. Ленин о задачах исследования становления капитализма.

Так в основном решается этот вопрос в нашей литературе и, прежде всего, теми авторами, которые специально рассматривают проблемы эмпирического знания, историю науки или проблемы эмпирического исследования в социологии. Понятия знания, фиксирующего факты, и эмпирического знания рассматриваются и звучат здесь как синонимы. Но существует и иное решение: «Факт противостоит теоретическому, но не обязательно как эмпирическое, а как отдельный момент в возникновении и развитии теории»². Здесь

факт рассматривается не обязательно как эмпирическое знание. Иногда и прямо подчеркивается, что факт определяется не принадлежностью к определенному уровню знания, а функцией внутри данной системы знания. Так, В. В. Косолапов пишет: «Факт — это элемент знания, который выделяется по своей функциональной роли в пределах данной системы знания»³.

Однако при подобной постановке вопроса исчезает гносеологическая специфика факта, снимаются его специфические характеристики, различие факта и теории, описания и объяснения. Вместе с тем снимается и связь факта с наблюдением, различие опытного и выводного знания. Это решение возвращает нас к глобальному определению факта, о недостатках которого мы уже говорили выше.

Факт — отражение эмпирического объекта. Как мы уже сказали, основным критерием, выделяющим и отличающим факт, эмпирическое знание в целом, является то, что в факте фиксируется эмпирический объект.

Отмечая единичность, индивидуализацию последнего, его «данность», непосредственность и конкретность, вытекающие из его «непосредственной действительности», «предметности», мы тем не менее должны достаточно четко разграничивать действительность в ее объективно-реальном существовании и действительность эмпирического объекта. Настаивая на их единстве, мы тем не менее не отождествляем их абсолютно. Такое абсолютное их отождествление озна-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 26.

² Сб. «Диалектика в науках о неживой природе». М., «Мысль», 1964, стр. 434.

³ «Логика научного исследования», стр. 47.

(С. 62) чало бы наивный реализм — крайность, которая хотя и менее опасна, чем субъективизм, но тем не менее ведет к нежелательному огрублению и упрощению в подходе к познанию в целом и к его фактам в частности.

Прежде всего, уже в отношении к эмпирическому объекту мы осуществляем процесс абстрагирования, схематизации, идеализации. Мы выделяем различные предметы реального мира, их отношения, их свойства, отвлекаясь от ряда других особенностей, черт, характеристик: если бы этого отвлечения не происходило, изучение различных объектов было бы невозможным. Так, изучая падение тел, мы выделяем тело, отвлекаясь от всякой и всяческой его индивидуальности, создаваемой различными признаками (индивидуальность предполагает наличие хоть одного фиксируемого признака, по которому объекты различаются). Еще с большей очевидностью фиксируется, например, различие объектов биологических, и в неизмеримо большей степени — различие объектов социальных. И тем не менее мы отвлекаемся и от этих различий. Является ли объектом исследования рабочий класс или интеллигенция, рабочие различных специальностей, разные группы интеллигенции, молодежь и разные группы среди молодежи, или, наконец, когда объектом исследования становится малая группа, — везде возможность выделения данного объекта в качестве эмпирического предполагает и отвлечение, и абстрагирование, и обобщение. Это отмечает, характеризуя эмпирический объект, А. И. Ракилов. Правда, мы не согласны с тем, что каждый из подобных объектов он называет идеализированным. Процесс идеализации и создание идеализированного объекта — не одно и то же. Мы согласны с Е. Е. Ледниковым, что можно называть идеализированным объектом идеальный газ, но неточно, например, отнесение электрона к числу идеализированных объектов. Ибо идеальному газу не соответствует подобный реальный объект, хотя он является теоретической моделью, позволяющей исследовать самые различные газы. Электрону соответствуют реальные электроны, и потому электрон может рассматриваться в качестве эмпирического объекта, идеальный же газ — лишь в качестве объекта теоретического. Введение в науку таких понятий, как электрон «... связано с обязательными онтологическими допущениями о строении и свойствах материи... Идеализация не требует никаких онтологических допу-

щений, гипотез существования»¹.

Эмпирический объект «отличен от теоретического, но и

¹ Е. Е. Ледников. Проблема конструкторов в анализе научных теорий. Киев, 1969, стр. 7.

(С. 63) он является результатом процессов схематизации и идеализации. Безусловно, мы имеем различные уровни схематизации и идеализации при образовании эмпирических и теоретических объектов, но идеализация и схематизация имеют место и в первом и во втором случае»¹.

Специфичность эмпирического объекта создается тем, что, взаимодействуя с объектами реального мира, мы используем понятия, которые, с одной стороны, связывают нас именно с данной эмпирической ситуацией, но в то же время выводят за ее пределы. Здесь происходит «своеобразное замещение реальных объектов оперирования особыми идеальными объектами... Уже самое простое описание практики в языке науки неизбежно связано с введением таких идеальных объектов»². Использование самых простых терминов «провод», «магнит», как показывают В. С. Степин, Л. М. Томильчик, авторы приведенного выше высказывания, уже означает сложный процесс объединения и в то же время «сепарации» свойств. «В любом конкретном опыте, — продолжают авторы, — реальные объекты оперирования — "магнит" и "провод" — представляют собой материальные фрагменты природы. Соответствующие же эмпирические объекты не могут существовать как материальные фрагменты, хотя с ними легко сопоставляются последние в рамках той или иной практической ситуации». Поэтому в литературе выделяются и разделяются понятия предметной области исследования и объекта научного исследования. Предметная область исследования — это «совокупность вещей (явлений и их отношений), которые существуют независимо от деятельности человека. Объектом научного исследования является не сам предметный мир (или его фрагмент), такой, какой он есть, а свойства и отношения этого реального мира, зафиксированные человеком»³.

И, таким образом, даже эмпирический объект — результат наиболее тесного соприкосновения с непосредственной действительностью уже не является полностью тождественным ей, и уже здесь можно говорить скорее об их адекватности.

Но, отмечая особенности познавательной деятельности, конструирующей эмпирический объект, мы должны помнить

¹ В. А. Смирнов. Уровни знания и этапы процесса познания, стр. 26-27.

² В. С. Степин, Л. М. Томильчик. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970, стр. 27-28.

³ Б. С. Грязнов. Логический анализ понятия «объект научного исследования». — В сб. «Проблемы исследования структуры науки». Новосибирск, 1967, стр. 38.

(С. 64) о главной его особенности и не должны допускать шархания в крайность чрезмерной абсолютизации различия между фрагментом реальности в его непосредственном бытии (0*) и эмпирическим объектом (0**). Они соответствуют друг другу, у 0** всегда есть реальный 0*, они совпадают в главных своих характеристиках. Более того, выделяя 0**, мы тем не менее продолжаем воздействовать на 0*, мы его фиксируем, мы с ним взаимодействуем, он вплетен в круг нашей практически-познавательной деятельности. Потому, когда мы говорим (учитывая при этом все, что сближает и что разделяет 0* и 0**), что эмпирическим объектом является реальный объект — фрагмент реальности, мы не допускаем ошибки и извращения.

Более того, именно в силу этого совпадения исследователь в сфере опытных наук стремится вернуться к эмпирическому объекту даже тогда, когда он добивается теоретических результатов на основе использования теоретических методов без непосредственного обращения к опыту. О таком обращении и «возвращении» к реальному объекту приро-

ды говорит Р. Фейнман.

«... В физике вы должны понимать связь слов с реальным миром. Получив какие-то выводы, вы должны их перевести на родной язык и на язык природы — в медные кубики и стеклянные шарики, с которыми вы будете экспериментировать»¹.

Мы говорили о сложности понятия факта, о его антиномичности. Столь же антиномично, как мы видим, и понятие эмпирического объекта. Он, таким образом, и является и уже не является реальным объектом действительности, с которой мы непосредственно имеем дело в фактуальном знании.

¹ Р. Фейнман. Характер физических законов. М., «Мир», 1968, стр. 55-56.

(С. 65) ТЕМА 3. СТРУКТУРА И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФАКТА НАУКИ. ФАКТ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Все основные характеристики факта знания являются и характеристиками факта науки. Поэтому, раскрывая сущность и специфику факта науки, мы должны сказать о нем все то, что уже было сказано о факте выше. В то же время в системе науки факты достигают строгой упорядоченности, об особенностях которой следует сказать специально. Уже сам поиск, отбор, регистрация, систематизация и логическое оформление фактов науки является частью особого рода деятельности, опирающейся на систему развития материальных и идеальных ее средств. Сами эти эмпирическая деятельность и эмпирическая обработка ее результатов обусловлены особенностями и уровнем теоретического аппарата науки и направляются им. Мы не можем исследовать здесь характеристики материальной деятельности, говорим лишь о её фиксируемом в знании гносеологическом результате. Но и здесь мы сталкиваемся с рядом сложных характеристик факта не только в его взаимоотношении с теоретическим уровнем знания, но и в самой его основе, на уровне эмпирическом. Поэтому анализ структуры научного факта это: а) раскрытие специфических характеристик самого факта и системы фактов внутри эмпирического базиса науки и б) отношение факта к его обобщению и обоснованию в законе, теории, мировоззрении, т.е. взаимосвязь факта с теоретическим знанием.

Лекция 5. Факт в системе эмпирического базиса науки. Описание — функция фактуального знания

Факт — резюме данных. О сложности и наличии структурной определенности факта науки говорит то обстоятельство, что он представляет уже определенный итог обработки материала, суммирования и сопоставления непосредственных результатов фиксации различных моментов эмпирической ситуации, различных проявлений объекта, которые выступают в качестве данных.

(С. 66) Необходимость накопления данных, предшествующих констатации факта, связана с его «синтетичностью». Факт — знание, несущее новую информацию об объекте. Его право на существование, особенно тогда, когда эта новая информация вступает в противоречие с установившейся традицией, должно быть многократно и основательно подтверждено.

Многообразные данные особенно необходимы, когда объектом науки становятся явления, которые можно зафиксировать лишь на основе и при условии осуществления массовых наблюдений. Это так называемые массовые явления. Их проявление фиксируется общими характеристиками, не совпадающими с каждым отдельным случаем (колебания цен, характеристика социальной структуры общества, социальных изменений

и т. д.).

На основании сопоставления данных изучаются не только массовые, но и индивидуальные объекты. Так, известно, что рост взрослого человека меняется ежедневно в диапазоне 2 см. Поэтому и здесь отдельное измерение не может рассматриваться как абсолютное.

Основной необходимостью сопоставления, систематизации, оценки и суммирования данных является и сложность процесса наблюдения.

Для того чтобы факт науки мог стать достоверным знанием об эмпирическом объекте, необходимы многообразная, проводимая разными способами проверка и сопоставление результатов наблюдения, относящихся уже даже к простой фиксации существования объекта. Эта задача тем более усложняется, если объект фиксируется не непосредственно, а его существование и различные параметры выявляются в ходе сопоставления косвенных данных.

Трудности фиксации объектов и их отношений, а потому необходимость сопоставления данных вытекают из влияния установки, позиции исследователя, его оценки, особенно очевидных в социальном знании, но нередко оказывающих весьма заметное воздействие и на материал естествознания.

Известно, какого труда, кропотливых поисков и творчества требует, например, реконструкция исторических фактов, настолько противоречивы в различных данных не только их оценка, но даже и сами материалы наблюдения (ход войны и оценка своих сил и сил противника, оценка действий масс в официальных источниках и т. д.). Характерно, что, сопоставляя степень достоверности различных данных, источниковедение различает такие данные, как сообщения газет, литературных источников и др., и, с другой стороны — статистические материалы, отличающиеся большей степенью точности.

(С. 67) Наиболее развернутое логико-гносеологическое обоснование соотношения фактов и данных выдвинуто А. И. Ракитовым. Факт рассматривается им как «статистическое резюме непосредственных экспериментальных данных»¹. Здесь же автор говорит о статистической природе самих объектов знания и раскрывает условия истинности, достоверности таких фактов: их статистическая вероятность должна отличаться от логической вероятности сколько угодно мало и т. д. При этом, поскольку автор говорит о фактах науки в целом, нигде не отмечая, что эта формулировка касается лишь определенного круга наук или объектов, поскольку он сам подчеркивает, что всякий объект может в конечном счете рассматриваться как статистический и всякий факт единичного наблюдения — тоже как статистический, мы вправе рассматривать это определение как общее.

Нам представляется, что эти положения, в которых, используя современные методы логического анализа системы знания, автор убедительно показывает сложность факта науки и необходимость осуществления предшествующей обработки ее материала, очень важны и интересны. Но вместе с тем рассмотрение А. И. Ракитовым всех фактов науки как подобного рода статистических резюме представляется нам чересчур расширительным. Против подхода к любому факту как статистическому резюме возникает целый ряд возражений.

1. Факт единичного наблюдения рассматривается автором как статистический потому, что и простое наблюдение, как это показывают данные физиологии (П. К. Анохин), выступает как массовая совокупность сигналов, интервалы между которыми мы не различаем. Однако нельзя смешивать физиологический механизм процесса восприятия с гносеологическим «механизмом» получения знания; это различные аспекты, «срезы» познавательного процесса, и один не может ставиться на место другого.

2. Факты социальные, выражающие общественные действия личностей, могут быть индивидуальными, не представляя собой фактов-резюме. При этом не только действия отдельных личностей, но и масс далеко не обязательно фиксируются как факты статистические, даже тогда, когда они могут иметь и определенные статистические характеристики. Иными словами, эти характеристики не являются здесь единственными, — они сущест-

вуют наряду с другими, не статистическими.

Особенности объектов естествознания, их массовидность,

¹ А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта... — В сб. «Проблемы логики научного познания», стр. 388 (то же в его работе «Курс лекций по логике науки», стр. 154).

(С. 68) сходность условий, специфика действия закономерностей создают основу для статистичности, быть может, даже большинства устанавливаемых фактов, но и здесь это не единственная форма факта.

Задача состоит в том, чтобы, решая проблему статистичности факта как теоретически весьма важную, особенно в связи с тем, что точность такого рода фактов достигается лишь при соблюдении сложной системы условий (таково, например, выборочное исследование)¹, более четко и определенно выделить такие факты, подчеркнуть их специфику, показать их место, удельный вес и соотношение с другими типами фактов в различных науках о природе и обществе².

Анализ соотношения факта и данных был бы весьма односторонним, если бы мы не обратились к их диалектике и в другом отношении. Подчеркивая, что факты основываются на данных, мы не должны абсолютно противопоставлять эти понятия. Ведь очевидно, что по своим гносеологическим характеристикам факты и данные не только различны, но и однопорядковы: дискретность, единичность, связь с наблюдением и непосредственная «данность», конкретность — являются характеристиками не только факта, но и данных, на основе которых строится этот факт. И наоборот, констатация факта, представляющего итог, резюме данных и, таким образом, их обобщение не выводит нас еще за пределы этих характеристик, хотя и означает более значительную степень приближения к общим, устойчивым, повторяющимся связям, к закономерности, лежащей в основе и самих фактов, и данных.

Понятия «факт» и «данные» относительны. Более простые факты, входящие в состав сложного, выступают как данные, но сами они могут в рамках соответствующего исследования быть достаточно сложными фактами. Это отчетливо прослеживается в ленинских работах, где очень часто осуществляется сопоставление обоих понятий. Но при этом анализ ленинских работ показывает, что противоположность, или, скорее, различие, фактов и данных относительно. То, что за-

¹ См.: Дж. Эдни Юл и Дж. Кендел. Теория статистики. М., Статиздат, 1960, стр. 417-422. Поясним, что в выборочном исследовании описываются не все элементы данной совокупности, а лишь их часть, заранее определяемая условиями выборки. Выборочное исследование (наблюдение) чаще всего производится вследствие трудностей или даже невозможности учета и описания всех объектов, включенных в данную систему.

² См.: Г. М. Андреева, Е. П. Никитин. Метод объяснения в социологии. — В сб. «Социология в СССР», т. 1. М., 1965, стр. 131-135. Здесь ставится вопрос о статистическом характере социологических фактов, о более конкретном и индивидуальном характере фактов конкретных наук об обществе. В то же время подчеркивается существование индивидуальных фактов в социологии, равно как и статистических в конкретных науках об обществе.

(С. 69) фиксировано одной наукой в качестве ее фактов, может выступать в качестве данных для другой (например, статистика и социология). С другой стороны, то, что мы называем данным, может нередко с неменьшим правом называться и фактом.

Важно отметить, что у Ленина нет абсолютного разграничения этих понятий. Он нередко использует их как синонимы (например, отмечает, что социал-демократы основывают решение вопроса о капиталистической эволюции России на данных русской экономической действительности; в другом случае он называет их фактами). Нередко Ленин ставит эти понятия рядом, говорит об объективных данных или же объективных фактах¹.

Очевидно, что эти понятия «работают» рядом, соотносятся одно с другим. Если факт науки выступает как результат обработки, суммирования, отбора различных фактов, более непосредственно фиксировавших данный объект или систему в процессе их функционирования, развертывания и т. д., то эти последние выступают как «данные». Если же зафиксированный исследователем факт действительности в силу его содержания и внутренних особенностей оказался непосредственно включенным в систему научного знания, он становится ее фактом, хотя и не выступает как резюме ряда данных. Понятия настолько переплетаются, что Ленин часто говорит о «фактических данных»².

Диалектичность факта и данных в том, что обработке, систематизации и уточнению подвергаются не только факты, но и данные.

Известно, например, какую громадную работу проделал В. И. Ленин, чтобы уточнить статистический материал, раскрывающий экономическое развитие пореформенной России. Ленин показал, что, формально применяя метод группировок, буржуазная статистика искажала действительную картину явлений. То же относится к методу средних величин, вследствие которых все оценочные сведения относятся к «среднему» крестьянину, где «батраков складывают с хозяевами»³. Или: К. Маркс в «Капитале» говорит о «преднамеренном статистическом обмане», который можно раскрыть вплоть до мелочей. Например, доходы земельных магнатов Англии, Шотландии, Ирландии были столь чудовищно велики, что «английская государственная мудрость» предпочитала не давать такого статистического материала о рас-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 25, стр. 245. См. также: т. 25, стр. 332-333; т. 19, стр. 323; т. 41, стр. 337.

² См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 26; См. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 29.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 162.

(С. 70) пределеии земельной ренты, который давался относительно прибыли¹.

И в заключение заметим, что термином «данные» мы пользуемся и тогда, когда располагаем недостаточными возможностями для констатации факта. Это может относиться к таким эмпирическим фиксациям, которые еще не дают повода для их объединения в факт, либо вследствие неразвернутости самого изучаемого явления, либо ограниченных возможностей его наблюдения.

Итак, диалектичны и факт в его взаимоотношении с данными, и каждое из этих понятий, и особенности их связи. Но исключительно важно прежде всего и главным образом то, что уже факт науки — атом, клеточка научного исследования — представляет сложный и то г деятельности по обработке исходного материала знания.

Факты — научное описание. По своим гносеологическим функциям факт и система фактуального, эмпирического знания в целом выступают как н а у ч н о е о п и с а н и е .

Научное описание представляет фиксацию результатов наблюдения (и эксперимента) и характеристики эмпирического объекта, являющиеся результатом этой фиксации. Е. П. Никитин дает следующее определение описания: «Описание есть фиксация результатов опыта с помощью выбранных в данной науке систем обозначений и тем самым выражение этих результатов в понятиях науки, связанных с данными системами обозначений»².

Суммируя результаты опыта и фиксируя развертывающееся в его ходе «положение вещей» в терминах языка науки, научное описание, таким образом, решает двойную задачу. С одной стороны, осуществляется индивидуализация явлений действительности, развертываются их точные, конкретные характеристики. И в то же время уже в самом описании факта (а тем более их системы) благодаря использованию научных понятий и сопутствующим процессам выделения, отвлечения, абстрагирования, отождествления со- держится момент о б о б щ е н и я , г е н е р а л и з а ц и и .

Подчеркивая сущность, смысл, функции, содержание и основные характеристики на-

учного описания, мы обнаружи-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 9, 431-432.

² Е. П. Никитин. Объяснение-функция науки. М., 1970, стр. 199. Термин «описание» может использоваться и в самом широком значении. Тогда описанием называют совокупность знаний о данной области явлений. И в этом случае сюда включается и объяснение. Речь идет не только о данном в опыте, но и о внутреннем содержании изучаемых процессов. Нас интересует описание не в столь широком смысле, ибо здесь не только не раскрывается, а, напротив, исчезает гносеологическая специфика и функциональные различия существенно необходимых и в то же время качественно определенных уровней научного исследования.

(С. 71) ваем здесь единство основных аспектов в подходе к нему — и онтологического (содержание материала описания) и логико-гносеологического¹.

И в рамках такого подхода к описанию особенно очевидна идеалистическая непоследовательность, противоречивость в подходе к сущности, содержанию, задачам научного описания в философии позитивизма.

Мы уже отмечали, что эта проблема рассматривается именно в позитивистской философии, хотя феноменологизм в подходе к факту сильно ограничил и ее постановку: интересно, что описание (description) как логическая операция рассматривается и упоминается в современной литературе несравненно реже, чем объяснение (explanation).

Поскольку неопозитивизм ставит вопрос о логических характеристиках описания вне их гносеологического обоснования, в его решениях содержится ряд существенных противоречий.

Прежде всего, сущность и место описания в структуре науки недостаточно определены. У разных авторов они выделяются весьма различно. Э. Нагель вообще не включает описание в структуру науки, правда, говорит об описательном ее этапе как предварительном. К. Поппер, рассматривая логику науки как теорию теорий, уже механически не включает описание.

Сущность описания чаще всего определяют наглядно. Описание идет по схеме «so — and — so» или «such — and — such». Описание отвечает на вопросы «что» и «как» (what, how), объяснение — «почему?» (why).

Очевидно, что подобные характеристики заключают ряд положительных моментов, главным из которых является их наглядность и яркость. Но в то же время они весьма неопределенны, особенно тогда, когда речь идет о различии описания и объяснения. Более того, они и весьма растяжимы. Так, например, Р. Арре считает, что на вопрос «что» (что произошло) отвечает описание, а «как» и «почему» — объяснение, тогда как для большинства авторов «как» тоже обозначает описание. Критикуя подобную неопределенность понятий, Р. Броун говорит, что вообще эти «как» и «почему» в зависимости от контекста могут быть и описанием, и объяснением. И при этом если как этап, предшествующий объяснению и специально касающийся фактуального знания, описание рассматривается мало, то само научное объяснение сводится позитивизмом к описанию процедур перехода

¹ В связи со сказанным несколько странно звучит следующее определение описания: последнее представляет «лишь формальный, знаковый аппарат для предсказания вероятности наступления некоторых событий в изучаемой области...» («Логика научного исследования», стр. 68).

(С. 72) от общего дедуктивного принципа к эмпирически данному. В итоге оказываются деформированными и понятие описания и понятие объяснения.

Формализм в подходе к описанию состоит, наконец, в том, что оно рассматривается как внешняя характеристика знания, как упорядочение его терминов и выдвижение правил их использования. При этом язык науки отрывается от конкретного содержания за-

фиксированного здесь знания.

«Если ответы на вопросы "как" и "почему" даются с наиболее высокими степенями логической обобщенности и точности- это и есть наука», — говорит Арре¹. При этом Арре достаточно развернуто и подробно рассматривает характеристики описания и объяснения, но заканчивает книгу знаменательными словами: «компоненты описания, выраженные единичными предложениями, параллельно компонентам объяснения, складывающимся из предложений о системе законов, есть модель того мира, который мы создаем в познании и в которой мы стремимся охватить в определенной логической последовательности непознаваемый (unknownable) механизм Природы»².

Критикуя идеалистический формализм в подходе к описанию, мы таким образом должны опираться на принципы онтологии и гносеологии, но при этом не можем обойти и проблему упорядочения языка науки в ходе научного описания.

Эта проблема вытекает уже из самой сущности описания как выражения результатов опыта в рамках существующей системы обозначения, как генерализации индивидуального, данного в описании.

Прежде всего это вопрос о выработке концептуального аппарата науки уже на стадии предварительного собирания материала для исследования.

Анализ основных вопросов, поставленных в одной из самых первых своих работ «По поводу так называемого вопроса о рынках», В. И. Ленин начинает с того, что подчеркивает необходимость «... выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь»³. И Ленин говорит о том, что такое товарное производство, капитализм. И дальше, в «Развитии капитализма в России» раскрывает понятия «кустарный крестьянский промысел», «промышленность», «фабрично-заводской рабочий» и т. д.

Выделение исходных понятий осуществляется при этом по тому принципу, что здесь должны фигурировать и общие понятия, систематизирующие знание в целом и являю-

¹ R. Harré. An Introduction to the Logic of Science. L., 1960, p. 4

² Ibid., p. 178.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 86.

(С. 73) щиеся подходом к объяснению, и термины языка наблюдения, позволяющие сохранить в описании связь с данным в опыте. Этот принцип подчеркивается и в нашей и в зарубежной литературе.

Всякая эмпирическая наука, говорит Б. Рассел, как бы она ни была абстрактна, должна содержать в любом минимальном словаре слова, описывающие наши опыты¹.

При этом, как говорит Бор, задача описания состоит в том, чтобы мы могли «сказать другим, что мы сделали и что мы узнали»².

В этой связи Бор выдвигает своеобразный «принцип соответствия»: описание квантовых явлений, т.е. раскрытие условий, способа и результатов экспериментирования должно быть дано на уровне языка классической механики, эмпирическая ситуация, относящаяся к сфере взаимодействия элементарных частиц, — в терминах языка квантовой механики и т. д. Это, разумеется, не означает абсолютного отрыва и противопоставления, эмпирического и теоретического уровней и системы их понятий. Но и отказаться, снять специфический язык описания и системы его терминов мы не можем: язык описания должен содержать характеристики на языке менее абстрактных, «более старых» теорий, теорий низшего уровня общности³.

Еще одна существеннейшая проблема языка описания, а с ней и точности факта или их системы — математическая точность описания. Тезис об использовании математики как показатель прогресса науки полностью относится к фактуальному знанию, к характеристикам описания.

В литературе выделяются многообразные формы описания. Так, выделяются полное и неполное описание, структурное, функциональное, генетическое описание, а также каче-

ственное и количественное описание⁴.

Диалектика форм описания заключается прежде всего в связи и взаимодействии этих форм описания и в относительном, не абсолютном характере противоположностей между ними (количественное и качественное, полное и неполное и т. д.).

Диалектика и в том, что, с одной стороны, очевидно выделение разных типов описания соответственно предмету и

¹ Б. Рассел. Человеческое познание. М., ИЛ, 1957, стр. 280.

² Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., ИЛ, 1961, стр. 101.

³ См.: А. А. Печенкин. Логико-методологические проблемы естественнонаучного знания. — «Вопросы философии», 1967, № 8, стр. 86-87.

⁴ См., например: И. Т. Фролов. Система методов биологического исследования. — В сб. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968, стр. 133.

(С. 74) задачам различных наук (структурное в анатомии, функциональное — в физиологии, генетическое в исторической науке и т. д.). Но, с другой стороны, столь же очевидно, что ни одна из наук не может быть связана лишь с одним типом описания, что они взаимодействуют, дополняя друг друга.

В то же время нельзя не видеть, что само описание тесно связано с объяснением. Описание prepares объяснение, создает для него базу. Так, генерализация фактов подготавливает установление связывающего их закона; функциональное, структурное, генетическое описания предшествуют функциональному, структурному, генетическому объяснению.

Это, разумеется, не означает, что генерализация в описании уже равна раскрытию закона и объяснению через закон; что генетическое описание равно генетическому объяснению (подобные решения характерны для позитивизма). Но нельзя впадать и в противоположную крайность, полностью разделяя их, ибо как тогда объяснить и роль описания как предпосылки для научного объяснения и смысл его обобщающей функции?

Всякий шаг вперед в области научного описания есть приближение к научному объяснению. И, более того, элементы последнего с необходимостью должны содержаться в описании, которое использует уже сложившиеся в науке идеи, опирается на различные гипотезы, положения теории, чтобы на их основе подходить к систематизации материала опыта, систематизации накопленных наукой фактов.

Но, пожалуй, самое главное заключается здесь в следующем. Система описания создается особенностями ее построения выделяемого здесь признака, объединяющего и организующего материал. Однако то, что лишь нащупывается и нередко остается интуитивной догадкой создателя системы, обосновывается в ходе объяснения. Структурное описание становится последовательно содержательным, надежным и освобождается от структурных «излишеств», когда создается структурное объяснение. То же относится к генетическому описанию: следование фактов во времени сменяется обоснованием последовательности процессов. То же относится и к любому другому типу описания.

Генерализация фактов в ходе описания, установление их общности, идущей по линии фиксирования разных признаков, и тем более указания на их повторяемость в целом — важное условие и предпосылка установления закона. Но подлинное обобщение достигается тогда, когда доказывается необходимость этого единства, когда повторяемость перестает рассматриваться как выражение общего в случайном

(С. 75) и внешнем, а становится выражением внутреннего и необходимого.

Возникновение и построение теории отнюдь не означает исчезновения описания. По существу мы уже говорили об этом, отмечая, что теория сохраняет факты в своем составе. И при этом, чем более индивидуализированна, многообразна, конкретна сфера проявления теории, чем больше дополнений к законам выдвигается в ходе обоснования ее реализации в разных условиях и применительно к разным объектам, — тем более важно сохранение и

развертывание описательного материала теории.

О фактах науки говорят обычно как о фактах, включенных в данную систему знания (а тем самым и в систему описания), вне которой они фактами не являются. «Чтобы факт стал научным, он должен быть включён в ту или иную систему научного знания»¹. Это в целом правильно. Но однозначно трактовать это положение было бы крайностью, приложимой к знанию как результату, но не приложимой к пониманию знания как процесса. Это связано с рядом моментов. Прежде всего мы уже не раз отмечали отсутствие резких непроходимых граней между собственно научными фактами и тем фактическим материалом, который не включен в систему науки. Грани эти весьма подвижны. Особенно очевидна необходимость учета указанного момента и в связи с особенностями практики, становящейся все более «теоретичной» и содержательной, и в связи с также отмеченным нами моментом все более тесного переплетения форм общественного сознания. Разыскания С. С. Смирнова об обороне Брестской крепости и судьбах ее героев давно уже вышли за пределы только литературы. Материал художественно-документальной повести Е. Ржевской «Берлин, май 1945», где она рассказывает о том, как расследовалось и было доказано, что сожженные останки во дворе рейхсканцелярии были действительно останками Гитлера, стал историческим документом, используемым в исторической литературе разных стран мира. Мы уже не говорим о переплетении научной и политической информации.

За этими положениями стоит и другое: нет в чистом виде фактов общенаучных и «частных», которые заранее и навсегда можно вывести за пределы науки.

Приведем слова Ф. Энгельса, в которых вопрос о «частных» и исторических фактах иллюстрируется поразительно ярко.

Критикуя тезис П. Лаврова «частные факты священны и не подлежат огласке», Энгельс говорит в статье «Эмигрант-

¹ «Логика научного исследования», стр. 47.

(С. 76) ская литература»: «Если принимать это правило так безусловно, то тем самым придется запретить вообще писать историю». И здесь же Энгельс разъясняет эту мысль: «... если какую-нибудь невинную Изабеллу выдают замуж за человека, который... не терпит женщин...; если она, пренебрегаемая, берет мужчин где попало, — все это совершенно частное дело. Но если упомянутая... Изабелла — королева Испании, а один из молодых людей, которых она держит при себе... офицер по имени Сerrано, возводится в фельд-маршалы и в премьер-министры, потом ... низвергается другим фаворитом, а затем изгоняет из страны свою неверную подружку и ... сам становится диктатором Испании, если бы кто-нибудь вздумал писать..., сознательно умалчивая... об этом эпизоде, он фальсифицировал бы историю»¹.

В ходе развития знания существует и такой своеобразный момент, когда некоторые факты как бы «отделяются» от системы знания; они приобретают «самостоятельную» жизнь, «самостоятельное» существование. Таковы так называемые «вечные истины» — достаточно простые и общераспространенные констатации. В качестве одного из типа фактов они выделяются И. С. Нарским². К числу такого рода констатации автор относит и сведения об объектах, включающихся в систему знания человека о мире (вне того их обоснования.: которое дает при этом наука), например: «Земля имеет форму геоида» и т. д.

Таким образом, понятие описания не только и не просто выводится из характеристик факта и анализа связанных с его констатацией функций знания. Оно позволяет нам уточнить и некоторые моменты, касающиеся самого понятия факта и той сферы знания, которую мы можем к нему отнести, увидеть связь факта с системой знания и относительную самостоятельность его.

Итак, характер фактического материала науки как отражения непосредственных проявлений действительности, в их данности и конкретности, в связи с теми актами деятельности, которая является основой и условием их фиксации (наблюдение и эксперимент) и определяет особенности фактуального знания как описания. Оно является функцией научного исследования, этапом, предшествующим объяснению, и в то же время сохраняется в качестве элемента структуры знания и тогда, когда переходу объяснению осуществлен. В то же

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 520-521. См. об этом подробнее в ст. О. Л. Вайнштейна «Марксизм-ленинизм об историческом факте» — В кн. «Ленин и проблемы истории». Л., «Наука», 1970.

² См.: И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания, стр. 188-190.

(С. 77) время любая из характеристик описания подчеркивает диалектическую связь обеих функций: использование понятийного аппарата науки как условие строгости описания, необходимость его систематизации, без которой нет еще науки (эта систематизация осуществляется уже в ходе накопления и обработки данных), и т. д. Диалектичность описания — не только в его соотносительной связи с объяснением, но и, как мы отметили, в многообразии форм описания, в их взаимном переплетении и "взаимодействии, в выделении — в зависимости от особенностей и уровня конкретного этапа исследования — различных форм в качестве основных и решающих.

О принципах классификации фактов науки. Типология фактов и их диалектика. Одним из интересных и в то же время почти не разработанных аспектов проблемы факта является вопрос о классификации фактов. Он не должен, разумеется, рассматриваться как самоцель, как классификация ради нее самой. Но поскольку каждый факт науки как отражение фактов действительности, как описание разнообразных проявлений последней может быть зафиксирован по-разному, с разной степенью полноты, достоверности, точности, к ним в ходе познания следует по-разному относиться, по-разному использовать, по-разному проверять. Наличие разных уровней достоверности фактов должно учитываться в ходе построения научной теории, выступающей как их объяснение.

Уже и вопрос о месте фактов в структуре описания, — и на первых порах их систематизации, и на более высоких ее уровнях, — а тем более вопрос о функциях различных фактов в структуре знания, оформившегося в теоретическую систему, достаточно определенно упирается в типологию фактов. Анализ классических произведений марксистско-ленинской литературы, анализ фундаментальных работ в различных областях конкретных наук и даже освещение путей творческого поиска, направленного на выявление и констатацию самих фактов, говорят о многообразии разных типов фактов, функционирующих в единстве и взаимной связи.

Все это определяет важность вопроса и тот несомненный теоретический и практический смысл, который в нем заключается.

Поскольку проблема научного факта не была до сих пор предметом развернутого самостоятельного исследования, вопрос о системе классификации фактов не ставился. Правда, в ходе разработки проблем построения эмпирического знания разные мыслители ставили вопрос о тех или иных типах фактов, подразделяли их.

Так, Ф. Бэкон разделяет факты соответственно их значению в осуществлении «наведения» — поиска тех обобщений, которые должны быть сделаны на основе опытных данных,

(С. 78) накапливаемых в ходе наблюдения и эксперимента. Таковы «положительные» и «отрицательные» инстанции и различные типы «преимущественных примеров».

Сообразно особенностям философских решений осуществляется подразделение фактов на единичные и общие у О. Конта, Д. С. Милля, Б. Рассела¹, индивидуальные факты общественного знания и массовидные факты естествознания у Г. Риккерта² и В. Виндельбанда и т.

п.

Однако это выделение разных типов фактов в домарксистской и современной философской литературе Запада характеризуется отсутствием системы классификации, недостаточной строгостью и последовательностью выделения признаков для подразделения фактов, отсутствием диалектического подхода к выделенным признакам, поскольку разные факты противопоставляются один другому.

Для разработки системы классификации фактов крайне важны положения, выдвинутые в работах основоположников марксизма-ленинизма. Хотя Маркс, Энгельс, Ленин не разрабатывали проблему факта в качестве специальной и самостоятельной, однако в связи с вопросом о месте и специфике фактов, о принципах их отбора и обобщения они не могли не затронуть ряда проблем и в данной связи. Крайне интересны для нас не только сами определения факта и указания на существование различных типов факта (факты естествознания социальные факты, экономические, исторические и т.д.)³, выделение фактов индивидуальных и общих, понятие статистического факта, постановка вопроса о роли классических форм при исследовании закономерностей различных явлений и др. Все они, как мы увидим, найдут свое место в системе классификации, а то объяснение, которое было при этом выдвинуто, войдет в основу понимания специфики того или иного класса фактов.

В нашей литературе о типологии фактов говорится редко. Более всего сделали в этой области историки. На их решения мы укажем в ходе развертывания проблемы.

Принципы классификации фактов должны вытекать из их сущности и специфики. Поэтому в основу классификации должны быть положены все основные особенности факта: а) факты науки есть элементы эмпирического знания и представляют собой отражение объектов действительности в многообразии их проявлений; б) это отражение специфично по

¹ См.: Б. Рассел. Человеческое познание. М., ИЛ, 1958, стр. 167, 187, 162, 183, 186.

² Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. Спб., 1903, стр. 237.

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367-371; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

(С. 79) способам фиксирования (момент наблюдения как неотъемлемый признак факта), по гносеологической функции (научное описание); в) факты науки представляют собою резюме многообразных данных, составляющих ее (науки) исходный материал, и тем самым означают определенную степень его обобщения; г) факт соотносителен с законом и представляет собой его индивидуализированное непосредственное проявление. При этом очевидно, что наличие разных признаков факта, которые, несомненно, будут перекрещиваться, определяет многоплановость, многолинейность этой системы классификации.

Соответственно этому следует различать факты науки: 1) по специфике отражаемых явлений, фиксируемых систем; 2) по способам их фиксирования; 3) по типам описания; 4) по уровню степени и характеру обобщенности; 5) по отношению к закону (по степени значимости).

1. Сообразно специфике отражаемых систем выделяются прежде всего факты природы, социальные факты, факты сознания. Дальнейшее деление идет соответственно различным уровням организации материи и внутри этих подразделений (например, факты физические, биологические факты и т. д.), различным сторонам общественной жизни (экономические (факты, социологические факты, исторические факты и т. д.), проявлениям и «срезам» сознания (например, факты индивидуальной и социальной психологии, психофизиологические «факты и т. д.).

Подразделение фактов внутри каждой из этих форм идет сообразно особенностям отражаемых процессов, например факты микро- и макромира — в физике, факты разных уровней организаций живых систем или разных сфер живой природы¹.

2. По способам фиксирования прежде всего следует различать факты наблюдения и экспериментальные факты.

С этими типами фактов мы встречаемся при фиксировании и естественнонаучных, и социальных, и фактов сознания, но, разумеется, наблюдение и эксперимент для каждого из этих типов фактов имеют свои особенности. Так, многофакторность, изменчивость и неповторимость явлений общественной жизни являются основой специфичности в осуществлении здесь и наблюдения и эксперимента. Последний возможен не для всех общественных наук (к настоящему времени эксперимент осуществлен в экономической, педагогической и юридической науках). Известны также особенности и специфика

¹ О типах исторических фактов см.: Г. М. Иванов. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. — «Вопросы истории», 1969, № 2, стр. 83.

(С. 80) наблюдения и эксперимента в области явлений сознания, которые не предстают непосредственно ни перед экспериментатором, ни перед самим субъектом.

Разные типы наблюдения и эксперимента существуют и в естествознании, и в социальных науках, и в науках, изучающих сознание. Сообразно этому должна идти их последующая классификация.

Одновременно целесообразно выделить разные группы фактов по соотношению непосредственного и опосредованного в их фиксировании (и обработке). Очевидно, что факты микромира в этом отношении отличаются от фактов, фиксирующих макроявления, исторические факты — от экономических и т. д. Более того, факты одной и той же науки, отражающие явления на разных уровнях (например, биологические — на уровне организма, органа, молекулярном и субмолекулярном), в указанном отношении весьма существенно отличаются друг от друга.

И здесь возможности подразделения фактов чрезвычайно широки. Мы можем осуществлять подразделение сообразно различию форм эксперимента в одной и той же науке, в группах наук. Основой подразделения могут быть как объективные, так и субъективные условия эксперимента. Важно и здесь, что основой разделения выступают не произвольно выбранные признаки, а факторы, из которых складывается сам эксперимент.

Важно также учитывать соотношение форм наблюдения и эксперимента в различных науках в зависимости от особенностей объекта и средств его фиксации. Так, очевидна преобладающая роль наблюдения в таких науках, как астрономия. До начала освоения космоса человеком здесь вообще можно было говорить только о фактах наблюдения. В литературе последних лет можно встретить утверждения о том, что современная астрономия вообще превращается в экспериментальную науку. Подобные оценки кажутся нам явно преувеличенными.

3. Различая факты по формам описания, мы должны выделить качественные факты и факты качественно-количественного обобщения. Мы говорим не о количественных (как их нередко называют), а именно качественно-количественных фактах¹ потому, что всякий факт, отличающийся уточненными количественными характеристиками, выражает эти последние как характеристики определенного качества.

Факты, различающиеся по типу описания, — это также

¹ См.: В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5, стр. 31, 32.

(С. 81) простые и сложные факты. В то же время сообразно понятиям полного и неполного описания здесь имеются в виду факты, различающиеся степенью развернутости характеристик рассматриваемого объекта. В. И. Ленин говорит, что сложный факт является функцией других, более простых фактов. Нам представляется целесообразным выделить

разные типы фактов и сообразно следующему обстоятельству. Наше описание может фиксировать определенный конкретный момент, звено, проявление развития изменения явлений: смерть Сократа, переход Цезаря через Рубикон, взятие Бастилии, обнаружение Беккерелем засвеченной пластинки, награждение М. А. Шолохова Нобелевской премией и т. д. Существуют и другие констатации: «Париж — столица Франции», «Эверест-самая высокая гора в мире», «Население Франции до французской революции было разделено на 3 сословия» и т. д. Мы назвали бы первые из них фактом-событием, вторые — фактом-ситуацией («положением дел»). Не претендуя на исчерпывающее решение, понимая, что и данное не безусловно, ибо можно найти множество фактов, которые трудно определить более или менее однозначно, мы тем не менее считаем это подразделение достаточно важным¹. Первое из них более строго локализовано и, по пространственным и по временным своим характеристикам, более кратковременно, или даже одномоментно, и в этом смысле более динамично. Оно чаще выступает как момент генетического описания, тогда как второе ближе к структурному и т. д.

Заметим, что, сопоставляя различные исторические факты в ходе их развертывания, Г. М. Иванов подразделяет факты на «факты-события» и «факты-процессы».

Наконец, следует отметить различие позитивных фактов и фактов отрицательных, фактов несуществования. Трудно сказать, к какому подразделению фактов их следует отнести. Они недостаточно строго соответствуют и данному подразделению по типам описания, но выделение их в фактах других «срезов» было бы еще менее оправданным.

3. Подразделив факты по уровню их обобщенности, следует выделить различия: а) между индивидуальными и массовидными фактами; б) между единичными и общими фактами (первые из них можно назвать фактами единичного наблюдения; общие факты есть повторяющиеся индивидуальные явления); в) общие факты (их можно назвать фактами-

¹ Это подразделение в литературе до сих пор не проводилось, но оно логически вытекает и из самого конкретного фактического материала, и из разных определений факта, — о факте как «положении дел» очень часто творится в логике науки, и во всех этих случаях он так или иначе отделяется от констатации события.

(С. 82) резюме), по характеру повторяемости зафиксированных в них связей можно в свою очередь подразделить на динамические и статистические. Динамический общий факт и единичный факт, входящий в его состав, совпадают. Напомним пример Энгельса: одна паровая машина доказывает возможность превращения теплоты в механическое движение с не меньшей очевидностью, чем 100 000 машин, — пример именно такого динамического факта. Что же касается статистического факта, то здесь отношения между единичным и общим значительно сложнее. Учитывая важность этой формы факта, необходимость строгости в подходе к его определению, мы остановимся на нем несколько подробнее.

Понятие статистического факта выдвинуто В. И. Лениным в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Сопоставив данные о переписи населения в США в 1900 г. и указав, что процент неграмотных негров равен 44,5, а белых — 6,2, Ленин отмечает, что этот статистический факт достаточно наглядно свидетельствует об особенностях правовых и бытовых отношений в США¹.

Статистический факт, как на это неоднократно указывал В. И. Ленин, имеет громадное значение не просто как средство иллюстрации раскрываемых наукой положений, но прежде всего как условие их строгости и достоверности, поскольку благодаря статистическим данным качественные характеристики изучаемых явлений дополняются, подтверждаются и углубляются количественными, строго и систематически обработанными. Статистический факт выступает как итог обработки методами математики (теория вероятности, законы больших чисел) результатов массовых наблюдений над объектами, имеющими стохастическую, вероятностную природу. Именно поэтому он выражает общий итог,

усредненный результат, тенденцию, не совпадающую с каждым отдельным случаем, входящим в массовую совокупность.

Установление статистических фактов предполагает квантификацию, т.е. выдвижение количественных характеристик, измерение, разработку методов количественного описания изучаемых явлений. В то же время, поскольку измерение требует выдвижения точных операциональных определений, развитие точных методов в науке предполагает более глубокую разработку ее логического аппарата. Квантификация, таким образом, является началом и предпосылкой применения математических методов в науке.

Подчеркивая общность черт статистического факта, нельзя не видеть различий, соответственно различиям статистических объектов и методов их фиксирования в разных науках

¹ См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 142.

(С. 83) (статистические факты физического эксперимента, социологический статистический факт, статистический исторический факт и т. д.)¹.

5. Исходя из того, что факт выступает как проявление закона, нам представляется необходимым выделение различных групп фактов по тому, в каком отношении к закону они стоят. Одни факты выступают как типичное, существенное явление: закон в них выражается очень полно, проступает со всей отчетливостью и очевидностью. Такие факты можно назвать типичными (то же — «классические формы»). Ряд фактов (нетипичные факты) может выражать закономерность отдаленно, косвенно, некоторые вообще являются отклонением от нее («отрицательные факты»). Здесь понятие отрицательного факта несколько отлично от отмеченного выше прямого его значения (факт несуществования), хотя во многих случаях они совпадают. «Отрицательные факты» очень важны в познании, — они помогают установить границы данного закона, условия, в которых он действует, они являются толчком к разработке новых теорий, нового, более глубокого научного объяснения.

О значении такого рода «отрицательных» фактов (отрицательные инстанции) говорил еще Бэкон. Известно, сколь серьезные требования предъявляли классики марксизма к учету фактов, выступающих как неосуществление закона.

Классификация фактов, наличие многообразных их форм говорит о богатстве знания, многообразии проявлений его уже на эмпирическом уровне. В то же время анализ разных классов, типов, форм факта, которые проходят через все эмпирическое знание, говорит о единстве знания. Выделение фактов наблюдения и экспериментальных, индивидуальных и массовидных, единичных и общих, динамических и статистических и др. в различных науках говорит не только о том, что их разделяет, но и о том, что их связывает, хотя эти связи и единство их не исключают различий. Достаточно сослаться на неокантианское противопоставление естествознания и общественных наук и соответственно массовидных фактов индивидуальным, а этих последних — закону, чтобы противоположность диалектико-материалистических принципов их классификации метафизическому и идеалистическому подходу к ним стала очевидной.

И, наконец, важнейшим проявлением диалектического подхода к факту является, с одной стороны, учет того, что разные типы факта характеризуются разной степенью, разными условиями их достоверного обоснования, и раз-

¹ Г. М. Иванов называет историко-статистический факт «фактом-континуумом». — «Вопросы истории», 1969, № 2, стр. 86.

(С. 84) витие науки означает создание условий для более высокой степени достоверности каждого из них. Так, совершенствуются условия и средства наблюдения, осуществления измерения и т. д.

В то же время нельзя не видеть, что в ходе развития науки углубление знания происходит и за счет расширения богатства фактов, фиксирующих разные стороны, «срезы», проявления, отношения эмпирического объекта, что в то же время меняется и соотношение между фактами. Возрастает роль эксперимента, расширяется сфера распространения качественно-количественных фактов, изменяются объем и степень точности установления статистических фактов. И вместе с тем эти формы фактуального знания не вытесняют остальных, не означают их отбрасывания или пренебрежения к ним. Речь идет о более цельной, последовательной и взаимосвязанной системе фактов науки, особенности и характер связи которых соответствуют особенностям и связям изучаемых объектов. При этом многообразие типов факта и их связь говорят о сложности, многогранности и богатстве структуры эмпирического базиса знания.

Лекции 6-7. Факт и закон. Факт и научная теория

Поставив рядом с отношением «факты и законы науки» отношение «факты и законы действительности», раскрыв гносеологическую специфику факта науки как элемента эмпирического знания, отражающего действительность в богатстве её отдельных непосредственных проявлений, мы считаем необходимым продолжить рассмотрение вопроса о связи факта и закона.

Ни факты без законов, являющихся основой их систематизации и объяснения, ни законы без фундамента фактов не создают еще подлинного знания. Оно начинается там и тогда, когда возникает их единство. Но логико-гносеологические основания их взаимоотношения изучены у нас мало. Это связано, в частности, с недостаточным изучением категории «факт». И в то же время вне анализа связи с законом само понятие факта еще не может быть осмыслено, ибо в любой системе научного знания факт раскрывается, обнаруживается, развертывается в его подлинном содержании и смысле лишь в его связи с законом, на пути к нему, в отношении к нему. Поэтому мы и ставим перед собою задачу проанализировать их взаимодействие. Мы рассмотрим также вопрос о связи факта и теории, факта и философской теории (мировоззрения). Ведь очевидно, что хотя закон, теория, мировоззрение отличаются рядом специфических характеристик, они в известном отношении однопорядковы и выступают как мо-

(С. 85) менты, уровни и в то же время факторы научного объяснения, взаимодействующего с фактами как научным описанием.

Факт и закон — соотносительные категории. Нет необходимости развертывать аргументы, доказывающие, что качественно новый этап развития науки и, более того, ее превращение в подлинную науку осуществляются тогда, когда раскрыты законы, объединяющие и обосновывающие сущность охватываемого ими круга явлений. Об этом говорят любые примеры из истории науки. Назовем ли мы открытие законов биологической эволюции Дарвиным, периодического закона Менделеевым или обнаружение законов экономической и социальной жизни основоположниками марксизма, — всегда переворот в науке ознаменован открытием законов, связывающих воедино накопленные наукой факты.

"Истинное знание есть и ст о л к о в а н и е природы, и поэтому наука требует и истолковывающего ума, и природы как предмета истолкования, и документа, и умения правильно читать его... Движение звезд, действие силы тяжести были знакомы человеку еще до возникновения греческой астрономии и механики, но здесь еще не был исполнен тот акт мышления, который связал эти законы в форме законов и принципов»¹.

Обнаружение закона — акт величайшей творческой силы. Он требует, прежде всего убежденности в наличии общих, связывающих многочисленные факты принципов. В этом смысле законы не обнаруживаются случайно. Их открытию предшествует убеждение в существовании устойчивой связи, стоящей за изучаемыми явлениями. Очень часто рассказывают об интереснейших случаях внезапного «озарения», интуитивной догадки, даже решении задачи во сне. Все это действительно бывает, но этому предшествует долгий, не-

прерывный и неотступный поиск. Предшествует и убежденность в том, что закон существует.

«С самой ранней юности, — пишет Ч. Дарвин, — я чувствовал сильное желание понимать или объяснять то, что я наблюдал, т.е. подчинять факты общим законам»². Или: Эйнштейн пишет о Кеплере: «Великий Кеплер... жил в эпоху, когда еще не было уверенности в существовании некоей общей закономерности для всех явлений природы. Какой глубокой была у него вера в такую закономерность, если, работая в одиночестве, никем не поддерживаемый и мало понятый, он на протяжении многих десятков лет черпал в ней силы для трудного и кропотливого эмпирического исследова-

¹ В. Уэвэлл. История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени, т. 1. СПб., 1867, стр. 6-7.

² Ч. Дарвин. Автобиография. См.: «Происхождение видов». М., ГИСЛ, стр. 72.

(С. 86) ния движения планет и математических законов этого движения»¹.

Открытие закона является толчком к накоплению новых фактов и к обнаружению новых законов.

Так, отмечая влияние теории Дарвина на развитие различных отраслей биологии, Тимирязев пишет о состоянии ботаники (точнее анатомии и гистологии растений): «Те, кто 20-30 лет не заглядывал на страницы ботанических сочинений, были бы поражены, как изменилась вся физиономия науки, до чего возросло число новых приспособлений, открытых и ежедневно открываемых, начиная с внешних форм и кончая микроскопическими подробностями строения»².

Знание общих законов и строгий подход к фактам позволяют обнаруживать закономерности в самых сложных цепях: и переплетениях фактов. Когда в Италии утвердился фашизм, выдвигались очень разные решения, касающиеся определения его природы и сущности. Все они основывались на сопоставлении различных фактов экономической и политической жизни Италии, но абсолютизация разных моментов приводила к самым разным и весьма противоречивым решениям. На основе учета значительного мелкобуржуазного состава фашистской партии, перемещения жителей из деревни в город выдвигалось утверждение, что фашизм есть проявление мелкобуржуазной реакции в определенных, благоприятствующих ей условиях. Выдвигалось и предположение о том, что это чисто политическое явление, связанное с изменениями в политической линии, и т. д. Академик М. С. Варга, опираясь на ленинские идеи о закономерностях развития империализма и осуществив анализ очень большого статистического материала об итальянской экономике после первой мировой войны, сумел доказать, что фашизм связан с экономической деятельностью крупной монополистической буржуазии и выступает и как ее политика, и ее идеология³. Этот вывод подтвердило и дальнейшее развитие итальянского фашизма, с поразительной очевидностью он подтвердился в Германии.

Исследуя сущность и специфику факта, можно, как мы это делали выше, выделить его в качестве предмета анализа, но это выделение означает лишь момент рассмотрения. Подлинное существование факта и его реальная жизнь начинаются там и тогда, где и когда ученый обнаруживает закон, связывающий факты и «проявляющий» их.

¹ А. Эйнштейн. Физика и реальность. М., «Наука», 1965, стр. 106.

² К. А. Тимирязев. Избр. соч. М., ГИСЛ, 1957, стр. 358.

³ См.: М. С. Варга. Пути развития итальянского капитализма. — «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1927, № 8. Цитир.: Б. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., «Наука», 1968, стр. 388.

(С. 87) Мы отметили неразрывность связи факта и закона в становлении науки: вырастая на основе обобщения фактов, закон создает основу их подлинной систематизации, а с

ней расширяет сферу существования и содержание самих фактов. Связь и взаимное проникновение факта и закона проявляется во всех их специфических особенностях и характеристиках. Проследить их особенно интересно потому, что, эмпирически фиксируя это взаимоотношение на протяжении всей истории становления знания, ни наука, ни сама философия не обобщили и недостаточно осмыслили эту связь теоретически.

Попытаемся сопоставить факт и закон. Сопоставление это будет тем более важным и полезным, если мы сравним не некоторые отдельные стороны, черты факта, а постараемся рассмотреть всю совокупность их. Это важно не только потому, что положение о связи факта и закона будет более доказательным, но позволит и в этом аспекте ярче представить и выделить специфические черты факта.

Факт и закон выступают прежде всего как противоположности. Противоположность факта и закона есть прежде всего противоположность эмпирической «данности» факта, момента непосредственности в нем — опосредованности закона как знания теоретического. Гегель говорил, что законы небесных тел не начертаны на небе. Мы отыскиваем их, сопоставляя и обрабатывая результаты наблюдений. Закона как такового нет еще в нашем непосредственном опыте, даже когда мы говорим о самых «наглядных», самых доступных нам законах, непрерывно фиксируемых и воспроизводимых в фактах нашего опыта (законы падения тел, законы инерции, превращения трения в теплоту и т.д.).

Факт противостоит закону как единичное, индивидуализированное, чувственно-конкретное проявление действительности, всегда включающее определенный элемент случайности, — общему, необходимому.

Предметность, единичность факта являются основой его дискретности. Мы отмечали, что последняя проявляется в его пространственно-временной соотнесенности, в его статичности.

В качестве особого момента выделялось и то, что в исследовании, сколь бы широко оно ни развертывалось, мы всегда оперируем конечным ограниченным числом фактов.

Дискретности, «конечности» факта закон противостоит таким образом, как непрерывное, бесконечное. Статичности факта закон противостоит как процесс. Если же речь идет о законах функционирования, факт как ограниченный элемент системы противостоит этой диалектически связанной

(С. 88) и взаимодействующей системе. Это также отмечалось выше. Точно так же факты, как описание действительности, противостоят закону как объяснению.

И факт, и закон науки как выражение связи между объектами выступают в одной и той же логической форме (суждение). Но если факт выражается суждением единичности, суждением существования, то закон — суждением всеобщности, необходимости. Особенности факта, его дискретность и конкретность, фиксация данного «положения дел» в данный момент и т. д. определяют особенности факта как «закрытого» понятия, в то время как закон является понятием «открытым»¹, включающим бесконечное богатство реальных, конкретных ситуаций.

Однако указанными моментами диалектика факта и закона исчерпана быть не может. Факт и закон — не просто противоположности, они являются относительными противоположностями.

Это означает и относительность этой противоположности, о которой мы специально скажем ниже, но должны заметить и сейчас, чтобы не возникло огрубленного восприятия их характеристики. Это означает далее и следующее: между противоположностями складывается тот тип связи, когда одно проявляется в другом, одно выступает через другое.

Факт фиксирует единичное. Но это единичное есть выражение общего, и только через него это последнее раскрывается. Факты — фиксация случайных связей, но лишь через; это случайное обнаруживается необходимость. Факты дискретны, но как же иначе, как не через предметные формы данных, конкретных индивидуальных объектов, через конечное, фиксированное, статичное, может быть раскрыто бесконечное, непрерывное,

универсальное? Ведь именно поэтому Энгельс и говорит в хорошо известном нам определении, что «... материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения материи». Поэтому Ленин говорит, что, только познавая определенные формы устройства общества, познавая действия «живых личностей» в пределах каждой общественно-экономической формации, можно познать общество в целом и как целое.

Иными словами, законы проявляются через факты. Общее иначе как в отдельном и через отдельное не существует. Факт есть форма существования и непосредственного проявления закона.

¹ О законе (теории) как системе «открытых» понятий см.: В. А. Лекторский. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., «Высшая школа», 1965. Ниже, при рассмотрении связи факта и теории, мы скажем об этом подробнее.

(С. 89) Но в то же время развитие научного знания предполагает все большую опосредованность его материала, более сложную диалектическую связь непосредственного и опосредованного.

Точно так же обстоит дело и с любой другой характеристикой факта. Так, например, дискретность факта, его атомарность» не предполагают абсолютной его неделимости.

Столь же относительно и понятие единичности факта.

Наконец, диалектическим должен быть подход к основной гносеологической функции факта. Мы говорили, что ею является описание, что описанию в факте противостоит объяснение в теории. Однако описание включает в себя моменты объяснения.

Таким образом, другим полюсом факта, его внутренней основой, его сущностью являются общие связи, выявляющиеся в движении объектов. Точно так же индивидуальное, вытекающее из его единичности, дискретности, случайности есть проявление общего, непрерывного, необходимого.

Методологическое значение принципа соотносительности факта и закона. Требование строгой фактической обоснованности законов (и объединяющей ряд законов теории), и с другой стороны, строгого анализа фактов в рамках их закона является коренным методологическим принципом современной науки.

Единство факта и закона означает, что, если наука накопила множество фактов, но не объединила их в цельную систему законов, охватывающую эти факты, она еще не стала системой знания. Вот почему о современной физике элементарных частиц, накопившей массу фактов, но не выдвинувшей соответствующей им системы законов, говорят лишь как о науке становящейся. То же относится к ряду разделов современной физиологии. Единство факта и закона означает, что, если законы выдвигаются без достаточной фактической базы, их существование весьма проблематично. Напомним дискуссию о видообразовании, которая подтверждалась мало проверенными, недостаточно воспроизведенными или непроанализированными фактами. С другой стороны, опыт современной науки учит и тому, что, если накоплено множество фактов, зафиксированных и воспроизведенных разными исследователями, она не может игнорировать эти факты, а должна искать их объяснение. Это доказывает пример генетики, долгое пренебрежение к которой дорого обошлось нашей науке и практике.

Когда наука раскрывает закон, то факты, на основе которых он вырос, не исчезают, а составляют базу дальнейшего исследования, которое с необходимостью должно их учитывать и включить в свою систему. Это создает основу преемственности фактов.

(С. 90) Если подтверждены законы, объединяющие данные факты, это означает подтверждение самих фактов и право на сохранение их в науке в качестве незыблемого ее фонда. Преемственность фактуальной основы не снимается и революцией в науке.

Важным методологическим требованием является при этом не просто подтверждение закона фактами, но отбор достаточно репрезентативных фактов. Факт — форма проявле-

ния закона. Найти «классические формы» и «классические факты — задача всякой науки, каждого исследователя. Этому соответствует задача выделения классического объекта. Изучение Павловым условных рефлексов на собаках, особенностей психической деятельности на обезьянах, горох у Менделя и дрозофила у генетиков, мышцы у онкологов — свидетельства такого обнаружения «классических» объектов.

Соотносительность факта и закона означает не простое дополнение закона фактами, а именно развертывание закона на основе системы фактов во всем многообразии их типов, с выделением тех, которые соответствуют уровню закона, кругу объектов, охватываемых им, задачам исследования.

Соотносительность факта и закона проявляется, таким образом, и в соответствии уровня факта уровню рассматриваемых закономерностей. Поэтому различна и степень использования индивидуальных фактов в истории и социологии и, с другой стороны, особенности использования здесь фактов обобщенных. Поэтому физика использует обобщенные факты, причем они в большинстве своем являются фактами статистическими. Зато история физики имеет дело не только с обобщенными фактами, но и с индивидуализированными и конкретными фактами физических исследований и открытий. Итак, основой для выделения, поисков, привлечения тех или иных типов факта являются особенности закона. Это касается и философского знания.

Ниже мы будем говорить о неокантианстве, настаивающем на противопоставлении естествознания как знания номотетического, раскрывающего законы, знанию идиографическому, индивидуализирующему, описывающему факты (история и вся совокупность так называемых «наук о культуре»). Очевидно, что разрывать науки нельзя, везде факты создают определенную их индивидуализацию и законы — генерализацию. Но определенная специфичность в проявлении того и другого, бесспорно, существует. Так, в частности, наши исследователи ставят вопрос о наличии специфических особенностей индивидуализации в исторической науке, но при этом, в противовес неокантианству, связывают эту индивидуализацию с особенностями не только фактов, но именно закона в истории и их проявления в фактах.

(С. 91) Итак, принцип единства, соотносительности факта и закона является обоснованием структуры и функций науки. С другой стороны, он выступает как основа критики метафизического разрыва или наоборот — отождествления факта и закона, причем метафизика здесь неизбежно переплетается с идеализмом.

Рассмотрение этих моментов, а также диалектики факта и закона мы продолжим в ходе рассмотрения разных их уровней — проблемы, одинаково значимой и в подходе к факту, и в подходе к закону.

В заключение мы хотим поставить вопрос, который является не только методологическим, но прежде всего гносеологическим и представляется нам крайне важным.

Соотносительность факта и закона должна, как нам представляется, означать, что их следует поставить рядом не только в случае, когда мы говорим о факте, но и когда рассматриваем закон как категорию. Правомерно ли, что, раскрывая категории необходимости, общего, сущности и т. д. в неразрывной связи с их «парами» — случайностью, единичным, явлением, мы рассматриваем закон вне тех единичных, непосредственных и тому подобных связей, в которых он существует и через которые проявляется?

Во всех работах, где дается анализ различных категорий, как бы ни была построена их система, закон является, пожалуй, единственной категорией, которая рассматривается без соответствующей ей «пары» — формы существования, внешнего, непосредственного проявления. Поиски этой «пары» для закона определяются, разумеется, не отвлеченными ображениями симметрии, а анализом его содержания, сущности. Они вытекают из диалектического понимания особенностей взаимоотношения общего и единичного, внутреннего и внешнего, непосредственного и опосредованного в объективной действительности, а, следовательно, и в процессе ее познания.

Если мы признаем, что факты выступают как проявление закона, его индивидуализа-

ция, его непосредственное выражение, что факты следует рассматривать и в их онтологическом и гносеологическом аспектах — и как факты действительности и как факты науки (что сближает факт с другими диалектическими категориями), — значит, отношение факт — закон является одним из выражений взаимоотношения парных категорий материалистической диалектики.

Соотносительность факта и закона и критика метафизики и идеализма. Положения о соотносительности факта и закона являются основой марксистской критики позитивизма, с одной стороны, и неокантианства — с другой.

(С. 92) Наши авторы нередко утверждают, что позитивизм поставил перед наукой лишь задачу описания фактов, отрицая при этом законы и необходимость их познания. Эта оценка позитивизма сформулирована недостаточно точно и поэтому не соответствует действительному положению вещей. Если мы познакомимся с первыми же страницами «Курса положительной философии» Конта, то убедимся в том, что он ставит перед наукой задачу познания законов и именно в этом видит ее цель. Но тем не менее позитивизм отрицает законы: отрицает их не по форме, а по существу.

Конт не видит ни противоположности факта и закона, ни противоречивости каждого из этих элементов знания, ни их соотносительности. Они для него оказываются однопорядковыми. Законы с точки зрения Конта есть выражение отношения подобия и сходства между фактами, но не раскрытие внутренних связей, причин, сущности явлений. (Мы об этом уже говорили, но должны вернуться к указанным положениям, осветив их несколько более подробно.) «Основная характеристическая черта положительной философии, — пишет Конт, — состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам... хотя мы и признаем недоступным и бессмысленным искание первых или последних причин... Мы ограничиваемся точным анализом обстоятельств возникновения явлений и связываем их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобия»¹.

Та же линия, при более определенной субъективистской трактовке факта, проводилась махистами. Физические понятия и законы рассматривались ими лишь как возможность сократить выражение факта, как вспомогательный прием описания множества наблюдений.

Так, К. Пирсон, подчеркивая, что закон есть только и именно описание, дает вместе с ним следующее его определение: под научным законом, т.е. под законом природы, «мы должны понимать написанное логической стенографией резюме, заменяющее нам длинное описание наших чувственных впечатлений»².

Э. Мах в «Познании и заблуждении» подтверждает характеристики закона, данные К. Пирсоном, даже цитирует их, отмечая, что взгляды последнего «весьма близко соприкасаются» с его собственными³, и добавляет далее: «Дело ведь только в том, чтобы результаты физического и психологического наблюдения привести в отдельных случаях к более точному соглашению, чем то было до сих пор»⁴.

¹ О. Конт. Курс положительной философии, т. 1, стр. 8.

² К. Пирсон. Грамматика науки, стр. 111.

³ Э. Мах. Познание и заблуждение. Изд. С. Скимунта, стр. 448.

⁴ Там же, стр. 457.

(С. 93) Итак, закон и для Конта и для Пирсона не является выражением внутренних необходимых связей, а представляет лишь сокращенное изложение фактов, т.е. в лучшем случае повторяющийся, устойчивый факт. И факт и закон представляют собой научное описание. Разница между ними оказывается лишь количественной. На этих же позициях стоит и современный позитивизм.

Хотя неопозитивизм выдвинул в качестве одной из центральных проблем философии науки исследование логической структуры научного объяснения, однако существенного,

принципиального изменения в подходе к знанию и к закону, в частности, не произошло. Хотя основным типом объяснения называют объяснение через закон, последний остается простой генерализацией, означающей лишь суммирование эмпирических данных. Кроме того, объяснение рассматривается как подведение факта под готовую структуру вывода. Таким образом, неопозитивизм продолжает идти по пути своих предшественников, для которых закон, теория не расширяют сферы эмпирического знания, а представляют лишь более организованное его выражение.

Те же тенденции проявляются в рамках современного физического идеализма. При этом, так как физики должны говорить не просто о логических формах высказывания, а о более определенном конкретном материале науки, смысл позитивистского решения и линия связи с предшествующими формами позитивизма проводится здесь наиболее отчетливо.

Так, Г. Дингл пишет: «Физика является наукой, которая пытается описать явления природы, устанавливая логические отношения между результатами некоторых измерений, как, например, измерения длины, массы, времени, электрического тока и т. д.»¹. В дополнение к этим положениям, смысл которых совершенно очевиден, приведем высказывание В. Гейзенберга: «Чем более областей открывается физикой, химией и астрономией, тем прочнее мы приобретаем привычку заменять выражение «объяснение природы» более скромным выражением «описание природы»².

Другой крайностью в решении проблемы соотношения факта и закона явилось неокантианство, которое в известной степени представляло собой реакцию против позитивизма, провозгласившего задачу точного познания фактов и открытия на их основе законов, но не решившего ни одной из них. В противовес этому неокантианцы выдвинули иное решение данной проблемы: они разорвали познание фактов и познание законов. Познание законов объявлялось задачей естест-

¹Н. Дингл. The Scientific Adventure. L., 1952, p. 298.

²В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. М., ИЛ, 1953, стр. 27.

(С. 94) вознания, но за естествознанием отрицалась возможность констатации точных и индивидуализированных фактов. Напротив, за общественными науками сохранялось право лишь на описание фактов. Законы общественной жизни и, соответственно, их познание исключались.

Так, Риккерт, раскрывая особенности наук о природе, отмечает, что они фиксируют общее, законы явлений, но при этом не могут ответить на вопрос о том, что «действительно существует в определенных пунктах пространства и времени и что произошло лишь один раз в том или ином месте, в тот или иной момент»¹. В противоположность естествознанию науки об обществе имеют дело только с отдельными фактами. С точки зрения Риккерта, фактический материал — это «индивидуальная историческая действительность как таковая...»². «История, — пишет он, — может пытаться изображать действительность... лишь таким образом, что при этом имеется в виду частное, так как лишь частное действительно происходит»³. Характерно, что если метод естествознания неокантианцы называют номотетическим (устанавливающим законы), то метод наук гуманитарных называется идиографическим (т. е. описательным). Подобная линия в отношении общественных наук продолжает существовать и в современной буржуазной философии и социологии.

Любопытно, что рассмотрение социальных и, прежде всего, исторических фактов как единственно возможной формы существования социального знания, отрицание его законов сближает самые разные направления, приближает неопозитивизм к той линии, которую провозгласили сторонники идиографизма.

О том, что история является не наукой, а искусством, писал Б. Рассел. У Рассела есть и специальная работа «История как искусство». М. Коэн, занимающий довольно умеренную

реалистическую позицию в подходе к обоснованию естественнонаучного знания, рассматривает историческую науку как систему индивидуальных фактов, которые именно поэтому не могут быть обобщены. «Предмет истории — индивидуальные события, а не законы»⁴, — пишет он. Так же ставит вопрос К. Ясперс.

О специфичности наук социальных, которые не могут дать широких обобщений и выдвигают лишь характеристики инди-

¹ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903, стр. 219.

² Там же, стр. 271.

³ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий, стр. 220.

⁴ М. С о h e n . The Making of Human History, III. 1961, p. 38.

(С. 95) видуальных явлений, говорит К. Поппер в своих книгах «Открытое общество и его враги» и «Нищета историзма».

О разных уровнях факта и закона. Подчеркивая соотносительность факта как единичного, индивидуализированного, непосредственного проявления действительности и закона как его внутренней общей, необходимой основы, мы не можем ограничиться сказанным. Но не потому, что это противоречит истории или теории науки, а из-за неполноты, абстрактности указанного решения.

Эти неполнота, абстрактность заключаются в том, что мы по существу сопоставляем идеализированный факт в его исходной, первоначальной, самой непосредственной и элементарной форме с законом, тоже идеализированным, воплощающим высшие уровни обнаружения общего, необходимого. Между тем реальное движение научного знания от фактов к закону есть движение, означающее и усложнение, развертывание, углубление самих фактов и не менее сложное развертывание закона. При этом движение эмпирического знания означает накопление общего уже в ходе установления, обработки и систематизации эмпирического материала; развертывание же общего и необходимого в законе — сложный процесс их становления и выявления.

Хотя факт в силу своей дискретности, конкретности, пространственно-временной соотношенности индивидуален, эта индивидуализация выступает как проявление и выражение общего даже в простых фактах единичного наблюдения. Вне этой связи с общим, сближающим факт с законом, делающим их противоположность не абсолютной, а относительной, факт действительности не станет фактом науки, ибо он недостаточно репрезентативен. В тех случаях, когда мы имеем дело с массовидными явлениями, факт должен быть воспроизводим, подтверждаем. О связи с общим говорит ленинское определение социального факта как **о б щ е с т в е н н ы х** действий личностей.

Связь с общим усиливается в фактах **о б о б щ е н н ы х**, представляющих итог, результат суммирования и применения различных способов обработки многообразных данных. Более высокая степень общности достигается в силу повторяемости связей, фиксируемых в фактах такого типа, а также тем обстоятельством, что здесь элиминируются внешняя случайность, кажимость, выделяются действительно общие черты явлений.

Обобщенные факты, в частности статистические, а также и общие факты, фиксирующие повторяющиеся явления даже без их количественных параметров, во многих своих характеристиках настолько приближаются к закону, что различить их весьма трудно. Об этих трудностях свидетельствуют

(С. 96) и поиски наших авторов, нередко выдвигающих недостаточно определенные, а подчас и весьма спорные критерии для такого различения.

Различны и законы. Выделяя такие типы законов, как динамические и статистические, качественные и количественные, подразделяя законы по объему тех сфер действительности, которые они охватывают, мы отчетливо видим и наличие разных их уровней, а тем самым и разную степень их приближения к факту или удаления от него. Особенно очевидно это различие связей уровней закона, а также типов факта и закона, если мы обратимся к таким, — значительно менее исследованным и в то же время наиболее интерес-

ным и важным для нас, — типам закона, как эмпирический и теоретический законы.

Очевидно, что процесс движения познания от факта к закону как внутри каждого из уровней знания, так и при переходе от одного к другому не может быть раскрыт без учета указанных моментов.

Различие уровней факта вытекает прежде всего из объективного развертывания и многосторонности самого изучаемого явления. Вместе с тем уровни факта — это уровни фиксации, отражения явления действительности соответственно уровню и условиям познания. Оба эти фактора не могут быть отделены друг от друга или друг другу противопоставлены, так как одно зависит от другого. Тем не менее они представляют самостоятельные аспекты рассмотрения, и мы здесь будем говорить преимущественно о втором, т.е. об углубляющемся познании фактов и законов.

Не только наука как целое, но и ее эмпирический базис развивается и экстенсивно, расширяя сферу отражения действительности, и интенсивно, углубляя ее эмпирические характеристики. При этом переход к новому уровню факта — факта более обобщенного — или к новым способам установления факта не следует понимать как отказ от всех других. Наука сохраняет и учитывает и эти последние, однако она придает им более глубокий смысл и значение. Таково, в частности, соотношение фактов наблюдения и эксперимента.

«Эксперимент остается идеалом ученого, поскольку адекватное и исчерпывающее знание какого-либо явления достигается тогда, когда мы в состоянии воспроизвести это явление». Но и «само наблюдение будет тем бесспорнее, чем больше оно будет рассматриваться как один из моментов экспериментального подхода...»¹.

¹ П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. М., «Прогресс», 1966, стр. 16.

(С. 97) Точно так же историк и даже социолог не откажутся от частного, индивидуального (но, разумеется, достаточно представительного) факта, если в руках его окажутся и статистические характеристики явлений.

Выше мы уже касались роли количественных описаний, а с ними выделения соответствующего типа фактов в познании природы, общества, сознания. Мы рассматривали их как дополнительный к качественному тип описания, дающий возможность более строго сопоставить фиксируемые в фактах свойства и характеристики объектов. Количественные характеристики создают основу для более широкого выделения, а также анализа и сопоставления разных его сторон.¹ Мы не подчеркнули или в достаточной мере не выделили главного: переход к количественному анализу явлений есть этап в развитии науки. Он предполагает и создание материальных средств измерения и выдвижение новых теоретических понятий, в отношении которых и осуществляется количественная оценка.

Переход к фактам качественно-количественным является процессом, охватывающим науки о природе раньше, чем науки об обществе и о сознании. Дело в возрастающей сложности самих объектов и соответственно измерительных процедур, которым они должны были подвергаться. Проблема измерения в социальном исследовании «лишь частично математическая. В большей степени поиск мерительного инструмента зависит от содержательного, качественного анализа объекта измерения. Чтобы по определенным правилам приписать числа социальным объектам, следует достаточно обстоятельно уяснить их структуру и найти соответствие между нею и инструментом измерения»².

Наиболее проста система получения количественных фактов в экономической науке и демографии, поскольку система измерения здесь проста и достаточно естественна. В соци-

¹ Приведем популярный пример, показывающий важность количественных сопоставлений. В статье «Литературной газеты» «Мужественные женщины и женственные мужчины» И. С. Кон, отмечая растущую силу и самостоятельность женщины как следствие ее изменившейся социальной роли, говорит о невозмож-

ности осуществить сейчас решающее сопоставление характеристик современных мужчины и женщины из-за неопределенности самих критериев и невозможности точного их исследования. Сопоставление идет там, где могут быть проведены тщательное экспериментальное исследование и измерение. На этой основе выявлены преимущества мужчин в быстроте и координации движений, ориентации в пространстве, усвоении механических навыков и знаний; женщины же превосходят мужчин в операциях, требующих точных движений руки, в быстроте и точности восприятия, беглости речи, механической памяти («Литературная газета», 1 января 1970 г.).

² В. А. Ядов. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, стр. 104.

(С. 98) логии же основой квантификации являются в одних случаях «естественные» эталоны измерения, когда фиксируются частота событий, их длительность, протяженность временных или пространственных интервалов. Несравненно более трудными являются процедуры шкалирования, когда необходимо прибегать к специфически социальным «эталонам» для измерения (исследование интенсивности мнений, ценностных ориентации, установок, мотивов деятельности) по степени приближения или удаления этих субъективных состояний от среднестатистической («нормы») или от некоторого теоретически обоснованного эталона¹.

Установление количественных характеристик явления позволяет сопоставлять их, создает возможность выведения определенных гипотез и следствий из них, сопоставимых с экспериментом. Оно дает возможность обнаружения повторяемости, соответствия явлений, тенденции изменения, связей между разными его сторонами и т. д. Иными словами — именно здесь открывается путь к обнаружению закона. Этот переход от качественного к количественному аспекту познания закона с соответствующим использованием математики неизбежен для развития всех научных дисциплин, как естественных, так и общественных².

Установление количественной математической зависимости является условием для перехода к более широкому кругу обобщений на уровне самого закона. Оно является, в частности, необходимым условием раскрытия фундаментальных законов, а также философского осмысления закона и соответствующего развития теории.

Мы не будем рассматривать соотношения динамических и статистических законов и соответствующих им фактов. Вопрос очень сложен³, и в литературе нет однозначного его решения ни относительно законов природы, ни в отношении к законам общественной жизни. Пока «разборка» здесь не произведена, трудно рассматривать и их взаимоотношение с фактами. Очевидно лишь, что здесь не следует смешивать, как это нередко бывает, динамические и статистические факты и законы. Отметим также, что мы полностью разделяем точку зрения А. К. Уледова, подчеркивающего неправомочность отождествления статистических законов в природе и обществе (в пользу этого решения говорит и различие стати-

¹ См.: В. А. Ядов. Методология..., стр. 105-106.

² См.: «Философская энциклопедия», т. 2. М, 1962, стр. 152.

³ О существе и разных аспектах проблемы, а также ее трудностях см.: А. К. Уледов. Проблема социологического закона в обществоведении. — «Философские науки», 1971, № 3, 4; см. также сб. «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. II, гл. 10. М., «Наука» 1970; «Философия естествознания». М, Политиздат, 1966, стр. 238-242.

(С. 99) стических фактов, фиксирующих явления природы и общества). Не следует при этом жестко и однозначно связывать с каждым из названных типов закона соответствующий тип) факта. Иными словами, динамический закон может опираться и на статистические факты и наоборот.

И, наконец, исключительно важным представляется нам соотношение эмпирического и теоретического законов и связанных с ними уровней фактуального знания.

Примером эмпирических законов могут служить законы Кеплера, законы Ома и Бойля —

Мариотта, периодический закон Менделеева, закон Менделя и др.

Д. С. Милль определяет эмпирический закон как «единообразия, на существование которых указывают наблюдение и опыт»¹.

М. Вартофский рассматривает эмпирический закон как «инвариантное отношение между фактами наблюдения и измерения»².

Г. М. Андреева и Е. П. Никитин выделяют следующие характеристики эмпирического закона: его выведение из данных непосредственного опыта; непосредственная наблюдаемость явлений, зафиксированных в эмпирическом законе; отсутствие пространственно-временной привязанности, характеризующей факт³.

Логическая структура эмпирического закона существенно отличается от логической структуры факта. В факте дается характеристика данного положения дел в данном пространственно-временном интервале, и мы не можем формализовать его, имея в виду конкретную специфическую ситуацию, обладающую определенными индивидуальными характеристиками. Эмпирический закон допускает такую формализацию, более того, — он предполагает ее. Здесь уже вводятся переменные. Символически он записывается известным образом:

$$(x) (Px \supset Qx)$$

«Для каждого тела x , если это тело нагревается, то оно будет расширяться». Или: «Для каждого x , если x есть тело, то оно притягивается к Земле» и т. д.

Итак, важность, и значимость эмпирического закона несомненны. Подчеркивая повторяемость фактов, он указывает на универсальный характер фиксируемых в них связей. Являясь переходом к объяснению, он выступает в то же

¹ Д. С. Милль. Система логики. М., 1914, стр. 469.

² М. Wartofsky. Conceptual Foundations of Scientific Thought. N. Y., 1968, p. 56.

³ Г. М. Андреева, Е. П. Никитин. Метод объяснения в социологии. — «Социология в СССР», т. 1. М., «Наука», 1965, стр. 140.

(С. 100) время как его начало, первый шаг, пусть и крупный, но все-таки первый. Называя его плодом науки, Вартофский говорит, что этот плод еще зеленый («it is of a green apple sort»). Ибо, указывая на общность, повторяемость, эмпирический закон не дает еще объяснения причин, внутренних связей, — не дает обоснования необходимости процесса¹. Поэтому нуждается в объяснении и сам эмпирический закон. Это объяснение дает, теория. «Закон объясняет факты, а теория объясняет законы»².

Закон на таком его уровне, когда выделение общих связей явлений подтверждается обоснованием их внутренних причин, необходимости и т. д., мы называем теоретическим законом. Примером теоретического закона, объясняющего эмпирический (закон Менделеева), может служить установленный Мозли закон, объясняющий свойства атомов величиной положительного заряда ядра. Еще более широкие теоретические законы формулируются квантовой теорией Бора. Теоретическим законом является закон прибавочной стоимости, вскрывающий сущность и механизм капиталистической эксплуатации, причины накопления капитала. Особенностью теоретических законов являются их большие, широта и фундаментальность. Эмпирический закон оказывается одним из моментов (и следствий) теоретического закона. Теоретические законы «возникают в результате значительно более глубокого проникновения в сущность объективных процессов; они образуют важнейший элемент какой-либо цельной теории и открывают возможность теоретического вывода (дедуктивного объяснения)¹ многочисленных эмпирических закономерностей»³.

Все сказанное подводит нас к вопросу о связи факта и теории как объяснения, развертывания закона.

Факт и теория. Общие принципы соотношения факта и теории в общих и главных их чертах нами уже вскрыты в ходе постановки таких вопросов, как анализ специфики и осо-

бенностей взаимоотношения эмпирического и теоретического уровней знания, описания и объяснения, факта и закона. Эти положения выделяются особенно категорически в связи с анализом разного уровня законов, поскольку теория, как мы

¹ Эта ограниченность эмпирического закона выступает в нем достаточно очевидно даже и тогда, когда он сформулирован математически строго, т.е. когда установлена функциональная зависимость между фиксируемыми в нем явлениями. Так, сам И. Ньютон писал о сформулированных им законах: «Я, не сомневаясь, предлагаю принципы движения, указанные выше, имеющие общее значение и оставляю причины их для дальнейшего исследования» (И. Ньютон. Оптика. М., «Наука», 1954, стр. 304).

² S u s n j c D u r o. Pojam Zakona u Sociologiji. Beograd, 1967, S. 175 (цитир.: А. К. Уледов. Проблемы социологического закона в обществоведении. — «Философские науки», 1971, № 4, стр. 19).

³ «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 152.

(С. 101) уже отмечали выше, выступает как объяснение законов и их систематизация. Соотносительность факта и закона, являющаяся важнейшим гносеологическим, а с ним и методологическим принципом науки, распространяется на взаимоотношение факта и теории.

Поскольку главное в этом смысле сказано, наша задача состоит скорее в систематизации некоторых моментов, касающихся их диалектики, с этого мы и начнем изложение материала. Но рядом с нею выдвигается следующая: широко известно возрастание роли и усложнение аппарата теории в современном знании и эвристическая роль теоретических принципов, успехи применения математики в качестве средства, направляющего научное исследование. В каком отношении стоят факты к современной научной теории? Правомерны ли бытующие в наши дни достаточно распространенные представления о том, что генеральная линия движения современной науки — это создание фундаментальных теории и внутреннее развертывание последних на основе логико-математических средств, где факты играют лишь вспомогательную роль и перестают быть основой возникновения и развертывания теории? Анализ этих положений является содержанием последующей темы, тогда как сейчас мы коснемся названных выше общих вопросов.

Теория, как определяют ее М. Попович и Б. Садовский, авторы соответствующей статьи в «Философской энциклопедии» (статья представляется нам одним из наиболее удачных обобщений современного решения проблемы), есть «форма достоверного знания о некоторой совокупности объектов, представляющая собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения и предсказания явлений данной предметной области»¹.

Структура теории, как показывают авторы, предполагает наличие следующих компонентов: 1) исходная эмпирическая основа, факты, которые «хотя получили уже некоторое описание, но еще ждут своего объяснения, теоретической интерпретации»; 2) исходная теоретическая основа (допущения, аксиомы, постулаты, общие законы; 3) логика теории: правила логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории следствий, теорем и утверждений с их доказательствами — центральная часть теории, ее тело².

Уже из этого перечня элементов структуры теории видно, что на любом уровне теории факты составляют существенный элемент в её построении. Они необходимы как подлежащая

¹ «Философская энциклопедия», т. 5, стр. 205.

² Там же, стр. 205-206.

(С. 102) объяснению часть теории, как необходимая часть доказательства допущений, утверждений теории.

Несомненно, факты в системе теории нельзя рассматривать вне системы теоретических понятий, вне ее внутренних логических элементов в их последовательности, определяе-

мой правилами построения языка теории. Однако, с одной стороны, теория не может существовать вне определенных так называемых «нелингвистических элементов». Они необходимы и на «входе» теории и на ее «выходе». И даже самые абстрактные математические теории, полностью сохраняющие свой формальный аппарат, не апеллирующие в своем внутреннем развитии к фактам предметной области явлений, связываются с ними в ходе эмпирической интерпретации теории, в ходе применения теории к различным областям конкретных наук. Что же касается исходных основ математических теорий, то вряд ли нужно напоминать о положениях, касающихся природы математической абстракции.

Тезис о связи фактов и теории в ходе развития научного знания может быть принят лишь как признание непрерывного диалектического взаимодействия. Не только теория из фактов, но и сами факты в качестве фактов наук фиксируются и систематизируются лишь в неразрывной связи с теоретическими предпосылками и зависят от них. Дело не только в логической форме факта и оперирования понятиями в ходе его констатации, но и в том, что включение факта в систему научного знания предполагает и определенное теоретическое отношение к нему. Возникновение различных отраслей науки связывают не просто с накоплением материала фактов, а именно с систематизацией этого материала в рамках определенных теоретических принципов.

В одном из своих «Химических писем» Либих говорит: «Мы ценим факты, потому что они непреходящи и образуют почву для идей, но истинное свое значение факт получает только через идею, которая из него может быть развита. Впрочем, слишком высокая оценка одних голых фактов часто является признаком отсутствия правильных идей. Не богатство, а бедность идеями любит укрываться за горюю тряпок или рядиться в оборванные, обносившиеся или несоответствующие одежды»¹.

И при этом нужны не всякие принципы, а такие, на основе которых можно выдвинуть научные критерии отбора и оценки фактов. Напомним слова В. И. Ленина о том, что до создания теории общественно-экономической формации социальные науки представляли грудой сырого материала без достаточно определенного критерия для выделения важных и не-

¹ Цит.: П. Фолькман. Теория познания естественных наук, стр. 38.

(С. 103) важных, существенных и несущественных фактов. Таким образом, оказывается, что и научного описания в полном смысле этого слова нет без научного объяснения, содержащегося в теории.

Диалектическое единство теории и фактов состоит не только и не просто в том, что они необходимы друг другу и друг на друга влияют. Это в конце концов известно каждому исследователю. Важно выделить существенные моменты, характеризующие это взаимодействие.

Прежде всего нам представляется необходимым отметить «открытый» опережающий характер научного теоретического обобщения. Мы имеем в виду следующее.

Действительность бесконечно богата и разнообразна и в каждый момент своего существования и, тем более, в ходе ее развития. Отразить и зафиксировать все это богатство фактов невозможно. Но можно сделать больше: открыть их закон, обнаружить систему законов, создать теорию, охватывающую все эти факты и позволяющую создать строгую картину настоящего и предсказать будущее.

Так, в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин говорит о том, что «Сумму всех... изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов»¹. Но в то же время Маркс сделал большее: «... открыты законы этих изменений, показана в главном и в основном объективная логика этих изменений и их исторического развития...»².

Теория является «открытой» системой не только в том смысле, что она вбирает сумму

данных фактов, объединяя их. Она может развиваться и разветвляться в ходе накопления новых фактов, если они и отличны от прежних, если заключают в себе информацию о новых сторонах явлений и даже о новых явлениях. В этом ее творческий характер.

Рассматривая теорию как систему открытых понятий, В. А. Лекторский пишет: «Та научная теория, в которой теоретические понятия были бы простым сокращением эмпирических данных, была бы неспособна к модификации для объяснения нового рода фактов»,³ при этом, что касается факта, поскольку его констатация есть констатация данного, существующего положения дел, он обычно рассматривается как «закрытое» понятие. Однако нам представляется, что эта его характеристика не может считаться абсолютной. Развитие теории «открывает» и факт. Оно делает его более емким, объемным даже и в тех случаях, если мы не идем по прямому

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 345.

² Там же.

³ В. А. Лекторский. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии, стр. 51.

(С. 104) пути уточнения факта, как это нередко бывает, скажем, в исторической науке.

Критика позитивизма, отрицающего качественное своеобразие теории в опытных науках, сведение объяснения к описанию, а закона и теории — к сумме эмпирически данного, требует подчеркивания этой несводимости и настаивания на принципе, сформулированном В. А. Лекторским. Но за пределами этого противопоставления, в рамках анализа их взаимодействия нужно, таким образом, отнести сказанное выше и к развитию самого факта.

Диалектика факта и теории, развитие и эмпирического знания и самой теории в ходе непрерывно возникающего между ними противоречия — явление крайне сложное. Оно не укладывается в рамки представления о том, что ученый, непрерывно сталкиваясь с ним, сразу его решает, или что в крайнем случае оно разрешается здесь же деятельностью коллектива ученых. Разрыв между ними может быть достаточно значительным, и особенно тогда, когда речь идет не о частной теории, а о теории, охватывающей широкую область фактов и частных законов. Здесь отставание эмпирического обоснования теоретических идей либо теоретического осмысления эмпирических результатов может принимать весьма значительные размеры.

Типичными примерами в данном отношении являются современное состояние физики элементарных частиц и современной физиологии¹. Специалисты говорят о подобных же трудностях в таких науках, как геология и география.

Хорошо известны причины отставания теории в развитии социологии на Западе и тот факт, что разочарование в эмпирической социологии не привело к подлинному синтезу фактов и теории: современное состояние буржуазной социологии характеризуется либо преобладанием абстрактной схемы, либо сохранением духа социологии эмпирической.

Те примеры, которые мы привели, говорят и о том, что отрыв фактов от теорий объясняется разными причинами: в данном случае прежде всего гносеологическими — когда речь идет о естествознании; социальными и гносеологическими в их сложном переплетении — когда речь идет об общественном знании.

Противоречия эмпирического и теоретического могут быть связаны и с неравномерностью в развитии различных разделов, отраслей данной науки. Таковы, например, противоречия в биологии: разработка эволюционной теории и генетики.

¹ См., например, «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 144; А. Ф. Макаренко, Н. Л. Горбач. Единство эксперимента, теории и методологии как центральная проблема развития современной физиологии. — В сб. «Методологические вопросы современной биологии». Киев, 1970.

(С. 105) Само соединение их представляет сложный процесс. Недостаточность эмпирического материала, затрагивающего непосредственно механизмы наследования, привела к определенному пренебрежению к генетике в эволюционном учении. А с другой стороны, для самой генетики стало характерным преобладание узкого, даже упрощенного понимания процессов эволюции. Н. И. Шмальгаузен писал в 1958 г. о том, что трудности синтетического исследования эволюции связаны с неравномерностью развития отдельных областей биологического знания. Успехи генетики привели «к поглощению дарвинизма генетикой». «Так складывается ситуация, при которой компенсация исторически оправданных просчетов дарвиновской теории оборачивается недооценкой того целостного представления об эволюции, которое характеризовало доэкспериментальное изучение эволюции»¹.

Противоречия могут возникать и вследствие переплетения разных наук, но преимущественного развития некоторых из них. Когда преобладающая теория начинает развертываться в науках, с которыми данная наука связана, это преобладание создает и известную направленность в поисках и отборе фактов, в направлении эмпирических исследований и теоретических обобщений. При этом в качестве «болезни роста» могут возникнуть и некоторые математические, кибернетические, физические, биологические и другие тому подобные «излишества», которые нивелируются и преодолеваются опять-таки по мере усиления аппарата теории данной науки. Там, где речь идет о явлениях развития науки, связанных прежде всего с моментами гносеологическим (и сопутствующими им социально-психологическими), их следует рассматривать как реальные трудности роста, вне которых нет самой науки.

Диалектика факта и теории, выражающаяся в их взаимном проникновении, воздействии, направлении формирования и эмпирического базиса науки и теорий, объясняющих эти факты, включает еще один чрезвычайно важный момент, о котором следует сказать.

Показателем уровня теории и науки, опирающейся на эту теорию, является широта охвата фактов, которые она способна объяснить. Поэтому уровень обобщенности теории — это и важный показатель степени развитости, объяснительной и предсказательной ценности данной науки.

В то же время широта теории создает и свои сложности. Теория выступает как основа исследования, в этом смысле

¹ Р. С. Карпинская. О соотношении эксперимента и теории в исследовании эволюции. — В сб. «Методологические вопросы современной биологии», стр. 136.

(С. 106) она становится и его методом. Своим содержанием она направляет и постановку задач, и выделение существенных эмпирических характеристик объектов, подлежащих исследованию, и основные его направления, характер и масштабы. И здесь широта теории оборачивается другой стороной — ее абстрактностью. Вот почему более общая теория должна соединяться с теориями менее «объемными», теориями менее высокого уровня общности или, как их еще называют, теориями «среднего уровня» или «среднего ранга». Теория среднего уровня стоит между фактами и общей теорией. Но в науке может существовать и такая ситуация, когда теории среднего уровня как бы частично «возмещают» отсутствие фундаментальной теории, охватывающей всю систему данных явлений. Так ставит вопрос о полуэмпирических теориях в химии А. И. Китайгородский. Подобные теории играют весьма существенную роль в разработке многих специальных проблем современной химии; они не могут исчезнуть и с появлением теории фундаментальной и, более того, приобретут благодаря ей более глубокое содержание и смысл¹.

Обращение к теориям среднего уровня предполагает, таким образом, существование более специальных теорий, отличающихся меньшей широтой, но приобретающих в силу этого возможность более специального, детального, конкретного анализа специфических характеристик изучаемых явлений. Установление и разработка теорий среднего уровня выступают в тесном диалектическом взаимодействии и с фактами и с более общими тео-

риями, причем более полной, содержательной и ценной оказывается эта теория именно тогда, когда ее разработка опирается на оба эти компонента научного знания.

Вопрос о теориях среднего уровня в разных связях поднимается в современной социологии. И, пожалуй, здесь наиболее важный — вопрос о выделении различных теоретических «срезов», позволяющих исследовать более узкие сферы социальной жизни («социология труда», «социология образования»), различные разрезы социальных отношений, различные теоретические проблемы, затрагивающие их².

О теориях среднего ранга вынуждены были заговорить и представители эмпирической социологии на Западе. Однако постановка вопроса здесь довольно существенно отличается:

а) выдвижение теории «среднего ранга» рассматривается

¹ См.: А. И. Китайгородский. Проблемы теории в химии. — В сб. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук» М., «Наука», 1968, стр. 451-455.

² См., например, М. Т. Иовчук, А. Г. Харчев, В. А. Ядов. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии и СССР. — «Филологические науки», 1970, № 5, стр. 7.

(С. 107) нередко как средство противостоять проникновению в социологию теорий более высокого уровня;

б) если даже более общая теория признается, теория среднего уровня рассматривается как результат движения от самого эмпирического материала: эмпирический материал как бы «наращивает» обобщения¹. На таких позициях стоял раньше и Р. Мертон. Правда, позднее Мертон отказался от столь узкого решения, и в значительной мере под влиянием критики советских авторов выступил с признанием возможности движения от общей социологической теории к теориям среднего уровня. Однако он выдвигает при этом и следующее решение: в) теории «высшего ранга» могут существенно различаться, тем более, что общесоциологические теории есть теории философские, тогда как теории среднего ранга совпадают в системе самых разных общих идей (исторический материализм, теория социальных систем Парсонса и др.). Так снова, но уже другими способами провозглашается независимость теорий среднего уровня от общетеоретических идей².

Итак, какие бы аспекты проблемы «факт — теория» ни рассматривались, мы обнаруживаем не просто связь этих основных элементов структуры знания, а их сложное диалектическое переплетение, взаимодействие, взаимопроникновение, направляемое в одном отношении фактами как фундаментом знания и основой развития и даже пересмотра теории, в другом — теорией как обобщением, а тем самым «опережающим» отражением их.

Лекция 8. Факт и мировоззрение

Исходные принципы философии, как принципы бытия, так и принципы его познания, система общефилософских законов и категорий и их обоснование пронизывают все уровни систематизации, обобщения и обоснования фактического материала науки. Философия как наиболее общая теория, как истолкование мира продолжает, углубляет и развертывает обоснование фактов действительности, их объяснение теорией.

Мы показали выше, что отношение теории к фактам **не** исчерпывается тем, что она вырастает из них; оно означает- направляющее воздействие теории на интерпретацию и даже описание и констатацию факта. Оно означает, что, лишь вклю-

¹ R. König. Handbuch der empirischen Sozialforschung. Stuttgart, 1962, S. 4, 3.

² See: R. Merton. On Theoretical Sociology. N. Y., 1967, p. 66-68. См. об этом в указанной статье М. Т. Иовчука, А. Г. Харчева, В. А. Ядова.

(С. 108) чаясь в систему теории, факт становится фактом науки. Это влияние на эмпирическое знание осуществляет и философская теория на новом уровне, определяемом широтой и объемностью философского обобщения и интегрирующей силой философии, рассматривающей в единстве принципы бытия, его отражения в сознании и деятельности человека, направленной на познание и преобразование мира.

Все это становится основой подхода к факту, к рассмотрению его объективной природы, его места в системе знания, анализу структуры. Но в то же время философский анализ факта расширяет границы и уровни его исследования, в частности ставит нас перед задачей исследования не только логико-гносеологических его характеристик, но и социальных условий развертывания знания о факте, социально-психологических характеристик деятельности ученого по установлению фактов, их истолкованию и использованию.

Философия, таким образом, выступает и как продолжение теории на уровне общей теории, и как специфическая форма знания, отличающаяся кругом проблем, особенностью их постановки и решения. Но у философской теории есть и другие особенности, отличающие ее от теорий математических, гипотетико-дедуктивных и т. п.: философия пронизывает материал науки далеко не всегда с такой непосредственной очевидностью. Многие философские принципы не входят непосредственно в систему положений данной науки. Они выступают в качестве ее строительных лесов, фона, основы, подтекста, но не всегда содержатся непосредственно в самом научном тексте. Более тесной и непосредственной является связь с философией в общей теории той или иной науки, в ее теоретических отрядах (теоретическая физика, биология и т. д.), но даже и здесь многие связи выступают достаточно опосредствованно. Более того, если принципы философии там, где они формулируются, согласуются с содержанием науки, они настолько тесно переплетаются с ее непосредственным теоретическим осмыслением и теоретическим аппаратом, что их трудно отделить, а иногда даже и заметить. Поэтому создается видимость того, что философский анализ здесь отсутствует. В одних случаях это приводит к тому, что ученые незаметно для самих себя «говорят прозой», в других — они приходят к убеждению в независимости от философии. Поэтому вопросы, касающиеся анализа мировоззрения ученых, приобретают ряд специфических черт.

Проблема факта и мировоззрения затрагивает и более широкий круг вопросов, связанных с общим климатом науки, со специфическими его проявлениями в разных условиях и вытекающими из них особенностями отношения к фактуальному знанию, и использования фактов.

(С. 109) Общая характеристика указанных моментов и является содержанием лекции.

Диалектико-материалистическая философия — теория и метод науки. Философия пронизывает самые различные уровни и звенья научного исследования, затрагивая и процедуру установления фактов, и их систематизацию, и обобщение, и объяснение.

Познание фактов должно привести к их систематизации и объяснению в теории, создающей возможность предсказания новых фактов и их отношений, их дальнейшего объяснения. Эвристическая роль философии проявляется здесь в том, что философские принципы составляют важный организующий фактор в возникновении таких теорий. Исходными являются характеристики бытия, материи; исключительно важную роль, особенно в сложных условиях познания, играют дополняющие их принципы познания.

Характерно, что это подчеркивают и сами ученые. Отмечая, что знание философии лежит в основе постановки исходных проблем бытия тех объектов, рассмотрение которых является задачей данной науки, П. Фресс пишет: «Философия первична по отношению к науке, поскольку первый шаг мышления направлен на онтологические вопросы»¹. При этом, как уже отмечалось выше, чем более общей, фундаментальной является научная теория, тем более прямой и непосредственной является ее связь с философскими принципами².

Направляющее влияние философии тесно связано с тем обстоятельством, что именно она, как подчеркивает Ф. Энгельс, раскрывает смысл общетеоретических понятий, ис-

пользование которых является условием последовательного развертывания теории и констатации, а тем более систематизации фактов. Ф. Энгельс говорит о необходимости теоретического философского мышления для того, чтобы упорядочить эмпирический материал науки «...систематически и сообразно его внутренней связи», чтобы «рационально объяснить и привести между собою в связь... новейшие факты»³, и тем более оно необходимо там, где «нельзя наблюдать», а «приходится мыслить»⁴.

¹ П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология, стр. 17. В нашей литературе проблема влияния философии на науку раскрывается в значительно меньшей мере, чем обратный процесс подтверждения философии материалом науки. Отмеченные выше положения о влиянии философии на общетеоретические науки и через них на всю систему данных наук в целом см.: М. В. Мостепаненко. Философия и физическая теория. Л., 1969; И. Т. Фролов. Философия и биология. — «Вопросы философии», 1967, № 7; см. также сб. «Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук». Л., 1970.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366, 519.

⁴ См.: там же, стр. 519-520.

(С. 110) Без теоретического мышления, говорит Ф. Энгельс, «... невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь»¹. И таким образом философское мышление обосновывает и направляет и исследования, объединяющие в систему теории громадное богатство фактов, и отдельные факты, место и смысл которых еще должны быть определены дальнейшим развитием знания и для которых процесс обобщения только начинается. Энгельс писал, что философия дает масштаб для оценки выдвигаемых наукой теорий. Эта роль «масштаба» проявляется и в определении смысла в отношении новых теорий в науке, имеющих программное значение (например, В. И. Ленин о революции в физике), и критике теорий, дающих извращенное истолкование явлений действительности (например, критика теории тепловой смерти). И здесь речь идет не просто о положительной или отрицательной оценке, а именно о выделении генеральной линии в дальнейшем исследовании проблемы (например, В. И. Ленин о неисчерпаемости электрона). Здесь, и особенно в тех случаях, когда факты являются новыми, когда недостаточны возможности их обобщения, а поиск путей этого обобщения необходим, важность философских идей, направляющих и выдвижение гипотезы и ее оценку, ощущается с особенной силой.

«Мировоззрение выполняет эвристическую роль в любом научном поиске, в том числе в конкретном социологическом исследовании. Это особенно важно, в частности, в тех случаях, когда неполнота эмпирических данных не дает возможности достаточно определенно высказаться в пользу той или иной гипотезы»².

Роль философского мировоззрения, дающего масштабы для теории, связана и с расширяющимся взаимодействием наук, требующим этих общих масштабов и вместе с тем распространения и применения результатов исследования одной науки в других, с которыми она так или иначе связана. В то же время необходимо понимание содержания и результатов разных наук. Н. Бор пишет: «... Философское обобщение результатов, полученных в физике, расширяет наш умственный горизонт и тем самым помогает пониманию явлений в других областях естествознания»³.

Отмечая важность влияния философии на науку, нельзя забывать о том, что сила воздействия философии и потребность в ней определяются, с одной стороны, характером ма-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 382.

² В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5, стр. 33.

³ Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., ИЛ, 1961, стр. 88.

(С. 111) териала науки, а с другой — степенью разработанности самих философских идей.

Значение философии, широта и многообразие философских проблем науки резко возрастают в периоды революций в науке.

Но известно, что при этом источником прогресса науки становятся не всякие философские идеи? Развитие теории и накопление фактов может опираться лишь на такие философские идеи, которые соответствуют материалу науки — идеи, где «в человеческих понятиях» можно увидеть «отображения действительных вещей». Такой научной философией является диалектический материализм.

Напомним известные слова Ф. Энгельса о сущности материалистического подхода к миру: «... Люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю- таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной... связи. И ничего более материализм вообще не означает»¹. Или: «... Диалектика... представляет *аналог, и тем самым метод объяснения* для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»².

Обосновывая необходимость применения и использования диалектико-материалистического учения как основы подлинной науки, его основоположники подчеркивали важность такого подхода к последней, когда эти философские принципы тесно связаны с конкретным материалом науки и соответственно преломляются в нем и в связи с ним.

Напомним, что тезис о значении философии как основы теоретического мышления, необходимого науке, никогда не звучат как требование применения этих принципов в роли универсального средства для решения конкретно-научных проблем. Философия не «универсальная отмычка или рычаг для конструирования». Любое философское понятие звучит в науке сообразно реально-конкретному содержанию ее материала. Этот материал должен быть учтен и использован, а потому нужно знать факты. Так, например, когда Н. Бухарин в «Экономике переходного периода» пытается обосновать свои утверждения о капитализме непосредственной апелляцией к закону отрицания отрицания, В. И. Ленин пишет: «...автор злоупотребляет *словом* д(иалектическое) отрицание): нельзя употреблять его, не доказав *сначала* фактами»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 301.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367. (Выделено нами. — Л. М.)

³ Ленинский сборник. XI, стр. 378.

(С. 112) И в общей оценке книги Ленин снова говорит, что «автор недостаточно фундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким фактическим материалом»¹.

Факты для основоположников марксизма никогда не были простой иллюстрацией выдвинутых положений. Факты входят в ткань всякого исследования, являясь источником определенной его направленности глубины и богатства аспектов рассмотрения.

Поэтому анализ философского содержания физики начала XX века Ленин проводит, подводя прежде всего итоги тем новым фактам, которые обнаружены в ходе революции в ней. Когда же Ленин выдвигает, сопоставляя общефилософские положения и принципы, тезис об отражении как общем свойстве материи, в качестве вывода из них, он здесь же говорит: «... на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (и электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»². Ленин, таким образом, прямо связывает решение вопроса с дальнейшими его «экспериментальными исследованиями».

Все эти моменты должны быть учтены не формально, а по существу. О фактах сейчас стали говорить чаще и больше, чем раньше. Это относится и к самой философии и к ана-

лизу ее связи с наукой. Однако факты нередко остаются «суммой примеров», а постановка вопроса об их значении в таких случаях тоже оборачивается признанием их роли лишь в качестве иллюстрации к теории. А между тем без фактов, без системы фактов неосуществимыми оказываются и взаимодействие философской теории с теорией конкретных наук и эвристическая роль философии.

Этот тезис интересно и доказательно развернут в статье В. П. Бранского³, который на примере создания общей теории относительности показывает, что «в осуществлении фундаментального научного открытия в теоретической физике принимают участие четыре фактора: 1) философские принципы (в данном случае названы принципы относительности пространства, причинности и наблюдаемости. — Л. М.); 2) математические принципы; 3) физические принципы; 4) физические факты (стр. 144). И далее: «...бессмысленным

¹ Ленинский сборник. XI, стр. 401.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 40.

³ В. П. Бранский. Эвристическая роль некоторых философских принципов в построении общей теории относительности. — В сб. «Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук».

(С. 113) является противопоставление одного из этих факторов другому: лишь их творческое сочетание приводит к успеху».

Итак, обоснование научной теории, выдвижение принципов, которые направляют ее построение, объяснение и интерпретацию фактов, говорят о том, что философия выступает здесь как общая теория, лежащая в фундаменте науки. В то же время выдвижение теоретических принципов философии, относящихся к бытию объектов природы и их познанию, выступает как обоснование путей и способов построения знания, установления, развертывания, организации и систематизации фактического материала. В этом смысле и в этом отношении философия выступает как общий *метод* науки. Осуществление философией ее методологической роли предполагает опору на факты науки, и в то же время воздействие диалектико-материалистической философии ощутимо на всех этапах развертывания и обобщения фактов.

Дух эпохи и отношение к научному факту. Если в качестве методологической основы науки философия оказывает прямое воздействие на ее формирование, то как основа мировоззренческая она воздействует на науку не только прямо, но и косвенно, не только непосредственно, но и опосредованно. И здесь она переплетается с другими формами общественного сознания — политическими идеями, искусством, моралью (а в антагонистическом обществе — и с религией), тем более, что мировоззрение, рассматриваемое в широком смысле, включает все эти формы сознания. Более того, она, т.е. философия, оказывается связанной не только с системой идей, но и мироощущения. Взятые в совокупности, они создают специфический духовный климат, сложную систему умонастроения, составляющую дух эпохи, на фоне которого и развертывается деятельность ученого. И при этом поскольку факты составляют необходимый момент знания, а отношение к ним в значительной мере определяет лицо науки, эта атмосфера эпохи определенным образом влияет на отношение к фактам.

В нашей литературе последних лет по мере развертывания специального изучения закономерностей движения науки и ее социального климата стали затрагиваться проблемы, касающиеся «климата» духовного. Вопрос о необходимости учета всей совокупности духовных факторов, опосредствованных политическими отношениями, поднимали такие русские ученые, как К. А. Тимирязев («Наука и демократия»), В. И. Вернадский. «Научное мировоззрение, — пишет В. И. Вернадский, — развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее проходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства, не-

(С. 114) возможно». И далее: «все формы сознания являются той атмосферой, в которой

идет научная деятельность»¹.

Итак, суть вопроса очевидна. Она достаточно отчетливо сформулирована в последних высказываниях. Мы хотим отметить разные его стороны, затрагивающие отношение к факту и в историческом развертывании науки и в современных условиях.

Особенностью умонастроений древнего общества, как это отчетливо прослеживается на примере античного, является обращение к реальному миру, попытка охватить и обосновать его сущность. В единой и нераздельной натурфилософии существует множество типов философских учений и в то же время в связи с представлениями астрономии, физики предпринимаются попытки доказательства и вывода. Таковы системы математики. Поскольку специфические условия развития рабовладельческого общества «слабо стимулировали развитие техники и развитие обусловленного техникой научного эксперимента, ... основными способами научного исследования были только наблюдение и опирающаяся на наблюдение, но не допускавшая экспериментальной проверки гипотеза»². В. Ф. Асмус отмечает здесь же, что именно отсутствие проверки гипотез создает возможность их многообразия, означающего многообразие попыток объяснения мира. Нельзя не видеть, что именно объяснение является целью, причем здесь еще не требуется строгой системы его обоснования описанием, да и вообще его подтверждения. М. Борн считает, что уже на уровне античного атомизма можно было вывести и экспериментально подтвердить некоторые следствия атомистической гипотезы. Но система воззрений в целом, их созерцательность определяли отношение к объекту как чему-то внешнему, не вплетающемуся в практическую деятельность человека, исключали установку на поиск фактов.

Об отрыве доказательств от факта и о том, что это было именно стилем мышления, свидетельствует и распространение софистики во времена политического расцвета Афин. Особенность софистики — в развертывании доказательства и опровержения любого тезиса, пренебрегая фактами, которые бы подтвердили истинность одного из них и ложность другого. Характерно, что из софистики выросли скептицизм, релятивизм, нигилизм.

А с другой стороны, накопление опыта, яркость и значительность политической жизни выдвигают стремление запе-

¹ В. И. Вернадский. О научном мировоззрении. — Сборник по философии естествознания. М, 1906, стр. 126.

² В. Ф. Асмус. История античной философии. М., «Высшая школа», 1965, стр. 4.

(С. 115) чатлеть ее факты. Потому Геродот свою историю начинает словами: «Нижеследующие изыскания Геродот Галикарнасец представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей»¹. Эти сведения Геродот и называет историей, все остальное, как «логос и повесть», им отмечается.

Янагида Кэндзюро считает, что показателем зарождения истории как науки были анализ и сопоставление исторических источников, т.е. введение анализа самого материала исторического описания. И такая наука «появилась только в конце XVIII в. из недр повествовательных или летописных историй»². Первоначально же, таким образом, не было выдвинуто ни задачи обоснования событий, ни сопоставления источников (другое дело, что историк, человек, определенным образом относящийся к происходящему, не мог так или иначе не внести какого-то элемента оценки и объяснения).

Отношение к науке в средние века тесно связано с господством религиозного мировоззрения: «... Церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»³. В этих условиях, когда и вся система образования приняла религиозно-богословский характер, обращение к факту, к реальной жизни перестает быть даже психологической установкой. Отказ от реальной жизни, пренебрежение ее богатствами, аскетизм, обращение к миру потустороннему не могут быть базой для

подлинного знания. Наблюдение и опыт были вытеснены догматической традицией. Данэм отмечает такую черту умонастроений средневековья, как отсутствие четкой грани между фактом и вымыслом и в то же время отсутствие тяготения «к новым знаниям и готовности изменить или совсем отвергнуть унаследованные от прошлого доктрины...»⁴.

Разумеется, научная мысль искала выхода и здесь (мы не говорим сейчас о Востоке, где она вообще была более раскована и где в несравненно большей мере двигалось вперед познание). Но обращение к реальному факту встречало массу препятствий. В VI в. была написана «История франков». Ее автор Григорий, епископ Турский, для того чтобы иметь возможность излагать действительные факты (правда, наряду с ними он говорил о различных чудесах), чтобы ссы-

¹ Геродот. История в девяти книгах, т. 1. М, 1888, стр. 1.

² Янагида Кэндзюро. Философия истории. М., 1969, стр. 23.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 495.

⁴ Б. Данэм. Герои и еретики, стр. 335.

(С. 116) латься на действительные нравы своего времени, вынужден был говорить о своей «грубости», «необразованности», неумении писать иначе¹.

Не отмечая особенностей нового времени, тем более, что мы уже говорили и об общих его чертах, и об отношении к факту, подчеркнем снова лишь то, что относится к современности. Очевидно, что новое отношение всего общества к науке составляет существенную черту духа современной эпохи. Существенным моментом, характеризующим отношение к науке, является также интерес, доверие к факту, и одновременно требование фактического подтверждения, выдвигаемое сейчас больше, чем когда бы то ни было раньше. Другое дело, что, как мы видели, это доверие может быть демагогически использовано созданием мифов, которые облакаются в форму факта. Фактичность знания, соединенная со стремлением и доверием к точному знанию, направляемому процессом математизации наук, способствует еще большей его строгости. Все эти моменты не могут не влиять прежде всего на мировоззрение самих ученых.

Как известно, Энгельс говорил, что материализм означает рассмотрение природы такой, какова она есть на самом деле. Поэтому очевидно, что стремление к более строгому и точному знанию как в ходе констатации факта, так и в суммированной характеристике процесса, закона, свойства способствует изгнанию «посторонних прибавлений», утверждению в науке духа материализма. Вот почему движение к материализму не может не рассматриваться как общая тенденция ее современном научном знании (мы говорим сейчас о естествознании). Об этом свидетельствуют воззрения выдающихся физиков нашего времени, общая тенденция физических, химических, биологических наук. Об этом свидетельствует поворот от позитивизма и критика его, характеризующая мировоззрение зарубежных ученых-естественников. Но очевидно, что в разных социальных условиях это воздействие психологической атмосферы эпохи, ее умонастроение не могут не сказываться по-разному. Общие умонастроения не существуют в чистом виде, они взаимодействуют с мировоззрением, господствующим в обществе, и в зависимости от особенностей этого мировоззрения различается и характер их взаимодействия. Там, где господствующее мировоззрение соответствует умонастроению эпохи, последнее откristаллизовывается более четко и определенно, способствует принятию данных философских идей и убежденности в их силе. Мировоззрение установится более глубоким теоретически и более сильно эмоционально окрашенным. Поэтому рост науки в социалистиче-

¹ См.: История философии, т. 1. М., Политиздат, 1941, стр. 402-403.

(С. 117) ком обществе способствует углублению диалектико-материалистической убежденности ученых.

В условиях капитализма этот процесс протекает иначе. Умонастроение общества, связанное с авторитетом науки, и господствующее идеалистическое мировоззрение противоречат одно другому. Распространение материалистических идей в науке является доказательством того, насколько активно воздействие духа времени, насколько активно сам материал науки и общее отношение к ней могут формировать преобладающее настроение вопреки господствующему идеалистическому мировоззрению, духу иррационализма, при-сущего большинству течений в современной буржуазной философии. Правда, становление материалистических позиций ученых идет по-разному. Одним свойственно сознательное проведение диалектического материализма (П. Ланжевен, Ф. Жолио-Кюри, Д. Бернал и др.), большинство идет по пути естественноисторического материализма¹, для некоторых ученых характерно преобладающее идеалистическое мировоззрение, но такое, сквозь которое элементы материализма проглядывают обязательно.

Нельзя не видеть и того, что стихийность материализма ученых чревата самыми разнообразными последствиями и, в частности, тем, что под влиянием трудностей науки, ее математизации, возрастания активности субъекта в познании, отсутствия наглядности в ней нередко, как мы это видим на примере современной физики, возникают идеалистические шатания. Таким образом, самостоятельность стихийного мировоззрения оказывается лишь относительной. Что касается социального знания, то здесь «контроль» мировоззрения оказывается значительно более сильным, стихийный материализм прорывается в гораздо меньшей мере, более сильны субъективистские извращения в понимании природы социального знания и таких его элементов, как теория и даже факт.

Так, например, на смену объективизму в исторической науке, характерному для XIX века, пришел субъективизм, для которого факт выступает как порождение сознания². Вспомним, как говорит о факте К. Беккер. Большинство

¹ Мы не можем согласиться с тезисом М. Кисселя (см. его работу «Идеализм против науки». Лениздат, 1969, стр. 4) о том, что естественноисторический материализм в наши дни перестал существовать. На наш взгляд, это противоречит действительному положению вещей в естествознании.

² Заметим, что это субъективистское решение в самое последнее время стало встречать заметные возражения, о чем свидетельствует XIII международный конгресс исторических наук. См.: Я. С. Д р а б к и н , Э. М. М и р с к и й . Дискуссии по проблемам методологии истории. — «Вопросы философии», 1971, № 6.

(С. 118) авторов в работах по методологии истории, где рассматривается проблема факта, повторяют слова Беккера и ссылаются на них. Другим примером субъективистского истолкования социального факта является утверждение, что, поскольку факт связан с различными ценностями, они деформируют его и не могут не изменять его содержания¹.

О социальных наслоениях, откладывающихся на общественные науки, свидетельствует также широко распространенный на Западе эмпиризм, отказ от познания объективных законов истории, а также иррационализм как другая крайность в подходе к проблемам социального познания.

К числу социально-психологических факторов отступления от материализма в условиях буржуазного общества относятся и такого рода моменты, как существующее предубеждение против материализма. И если в социальных науках реакция против материализма вызывается непосредственно моментами идеологическими, то в естествознании может преобладать сила предубеждения. Еще в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин отмечал опасность «мещанского предубеждения» против материализма, вследствие которого многие физики, говоря на языке материализма, тем не менее отказывались признать себя материалистами. Так, Ленин говорит о глубоко укоренившихся предрассудках «всего образованного мещанства против материализма»² или, характеризуя взгляды Герца, пишет: «... Философское введение Г. Герца к его «Механике» показывает обычную точку зрения естествоиспытателя, напуганного профессорским воем против "метафизики" материализма...»³. Ленин отмечает также влияние модного на Западе стремления к «ней-

тральности», беспартийности, на которых спекулирует реакционная буржуазная философия.

Снимаются ли социально-психологические моменты, связанные с особенностями и действием духа времени там, где диалектико-материалистическое мировоззрение действует, направляя и социально-психологический уровень его отражения? Мы имеем в виду философское мировоззрение ученых в социалистическом обществе.

Господство, последовательное проведение в естествознании и обществознании принципов диалектического материализма, диалектико-материалистическая убежденность ученых несомненны. Однако именно в социально-психологической сфере могут наблюдаться определенные моменты, означающие наличие некоторых специфических тенденций. Так, в на-

¹ G. A. Lundberg u. a. *Sociology*. N. Y. — L., — Tokyo, 1969, p. 10-11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 281.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 301.

(С. 119) шей литературе не раз отмечалось наличие позитивистских настроений у некоторых ученых-естественников. Эти настроения не носят характера четко выраженной идейной позиции, но тем не менее они существовали и в известной мере их можно встретить и сейчас¹.

Мы можем встретить проявление такого социально-психологического феномена, как мода. Завоевание науки духом математики, кибернетики, распространение математической логики привели к чрезмерному заимствованию терминологии, далеко не всегда оправданному; к увлечению процедурами формально-логического анализа там, где они вовсе не являются необходимыми, и т. д. Это отмечается как в философской, социологической литературе, так и экономической и др.²

О причинах появления математической и кибернетической моды мы уже сказали. Что касается позитивистских настроений, то и они не случайны. Они являются в известной степени реакцией на натурфилософские моменты, характерные для нашей философии в 40-50-е годы; на известную абстрактность философии, вследствие которой затруднялась её связь с положениями конкретных наук. Развитие марксистской философии в нашей стране, преодоление отмеченных недостатков, более глубокий творческий дух философской науки является основой того, что эти настроения в значительной мере изжиты или изживаются, постепенно преодолеваются также и «излишки моды», всё в большей мере вступающей под контроль мировоззрения.

И, наконец, нельзя не видеть, что в условиях различного социального «макроклимата», а с ним и мировоззренческих принципов, несмотря на общую атмосферу доверия к факту и опоры на факт, в самой философии возникает различное отношение к нему. В то время как «Монблан фактов» составляет базу произведений основоположников философии диалектического материализма, а теоретическое их обоснование и истолкование соответствует этому отношению к факту и подтверждает его, — в современной буржуазной философии идет процесс прямой дискредитации факта или ограничения его прав. Это происходит потому, что рядом с наукой в буржуазном обществе продолжают существовать идеализм, иррационализм и религия, росту политического самосознания

¹ См. сб.: «Диалектика и логика научного познания». М., «Наука», 1966, стр. 371; «Философия естествознания». Выпуск первый. М., Политиздат, 1966, стр. 17.

² См.: «Коммунистическая партийность — важнейший принцип марксистско-ленинской философии». — «Коммунист», 1970, № 3, стр. 70; В. Н. Шубкин. Количественные методы в социологии. — «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 40; П. П. Маслов. Социология и статистика. М., Статиздат, 1958, стр. 70-80.

(С. 120) противостоит социальная демагогия, росту идеала «точного» знания — насаждение мифов. Факты — база науки и материалистической философии. Идеализм противостоит материализму и так или иначе противопоставляет свое содержание знанию, основанному на фактах.

М. Адлер — один из авторов известного в 60-е гг. «Капиталистического манифеста» требует в одной из более поздних своих работ, чтобы философия для своего «воскрешения» отказалась от связи с опытным знанием, чтобы она стала не исследованием (*inquiry*), а осведомлением (*investigation*)¹. В статье Э. Адамса в журнале «Персоналист» говорится, что отказ от связи философии с опытной наукой будет равен революции в ней². Дополним это лишь одной ссылкой: К. Ясперс считает, что в обществе должна быть принята и широко распространена философия экзистенциализма. Эта философия «основывается не на опыте и фактах, не на идеях науки». Она имеет дело с «чистой субъективностью», и «только с ее помощью человек может снова прийти к самому себе (*zu sich selbst*)». Ясперс многократно подчеркивает, что проблемы экзистенциализма являются по существу своему метафизическими и не имеют отношения к действительности. Столь же определенно их отделение от науки. Экзистенциализм противостоит всякого рода научному знанию и должен отделиться от него, «продвигаясь в совершенно ином направлении»³.

И весьма знаменательно, что и Ясперс говорит о необходимости обращения к религии, и Адлер тоже приходит к утверждению, что связь с практикой жизни должна осуществляться через религиозное знание.

Единство науки, диалектико-материалистической философии и всех форм общественного сознания в системе научного мировоззрения, соответствующего характеру и природе социалистических общественных отношений, предполагает тесную связь с фактами науки и практики, создает соответствующий духу нашей эпохи фон, атмосферу и базу для непрерывного обращения к ним. Это означает и необходимость теоретического обоснования этой связи и теоретического осмысления самого факта, его природы, его специфики, его проявлений в разных сферах действительности и научного знания. Если в этом отношении пока еще делается меньше, чем следовало бы, это означает недостаточную субъективную реализацию

¹ М. Adler. *The Condition of Philosophy*. N. Y., 1965, p. 101; 95-99; 5-10.

² E. Adams. *What, if Anything can We Expect from Philosophy Today*. — «The Personalist». Wint. 1968, vol. XLIX, № 11, Los-Angeles.

³ K. Jaspers. *Die geistige Situation der Zeit*. Berlin, 1960, S. 163, 164.

(С. 121) объективных возможностей и объективной необходимости самой серьезной и настойчивой апелляции к факту.

Мы отмечали, что проблемы факта стали освещаться в нашей литературе лишь в 60-х гг. Нам представляется не случайным, что она мало разрабатывалась раньше, что внимание исследователей не устремлялось к ней. Ведь именно в последние десятилетия наука так решительно продвинулась вперед и стала объектом исследования, а осознание необходимости изучать явление приходит тогда, когда последнее становится достаточно устойчивым и очевидным.

Нельзя не учитывать и следующего обстоятельства. Требование опоры на точный, многократно проверенный и подтвержденный факт, требование учета всей совокупности фактов не всегда соблюдалось и в самом научном исследовании. Об этом свидетельствуют подвергнутые критике в нашей печати недостатки в разработке некоторых экономических проблем социализма, отдельных вопросов истории КПСС. Октябрьский (1964 г.) и последующие Пленумы ЦК КПСС осудили имевшее место игнорирование объективных экономических законов, обратили внимание на необходимость использования объективной и точной информации, глубокого анализа фактов экономической действительности. Было исправлено положение в биологической науке, где в течение длительного времени игно-

рировались новые факты, накопленные генетикой, а также весь предшествующий опыт генетики в СССР.

Если в науке нет достаточно прочной опоры на факт, не создается и психологической установки на его поиск, а тем более теоретическое обоснование. Естественно, что это не могло не сказаться на проблематике факта.

Критика партией культа личности и обоснование его сущности, решительная деятельность по преодолению его последствий, выражающиеся в расширении демократии, восстановлении ленинских норм партийной жизни, уже сами по себе были основой обращения к действительности, требовали ее анализа, учета фактов жизни и их правильной оценки. Вся последующая деятельность, направленная на марксистско-ленинское воспитание масс и создание условий для творческой разработки идей марксизма-ленинизма, развития науки в тесной связи с ее базой-диалектико-материалистической философией, означала переход к более высокому уровню идеологической работы, возникновение такой идеологической атмосферы, в рамках которой наука приобретает широкие возможности для творческого развития на основе богатства накопленных ею фактов. «Опыт истекших лет, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, — убедительно подтвердил, что преодоление последствий культа личности, а

(С. 122) также субъективистских ошибок благотворно сказалось на общеполитической и прежде всего идеологической обстановке в стране»¹.

Развитие не только естествознания, но и общественных наук, движение вперед исторической науки, быстрое развертывание социальных исследований и разработка теории социалистического общества, развитие наук о сознании, новый уровень развертывания и обоснования самой философии — таковы итоги, которые в соответствии с задачами нашего общества должны становиться все более глубокими и значительными. Одним из коренных условий такого развития является поиск, установление и глубокое обобщение фактов. Диалектико-материалистическая философия, как теоретическое обоснование научного; познания, тем самым получает заказ и на разработку этих проблем. Он получает этот заказ не только в качестве теоретического фундамента науки, но и как теоретическая база всех форм социалистического общественного сознания. Развертывание нашей философской науки должно вестись в соответствии со всем тем «... новым, творческим, что партия внесла в свою практическую и теоретическую деятельность в последние годы»².

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду. — Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 102.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду. — Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 88.

(С. 123) ТЕМА 4. РАЗВИТИЕ НАУКИ И ДИАЛЕКТИКА ФАКТА. ФАКТ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Лекция 9. Диалектика истины факта

Раскрывая характеристики факта, мы говорили о его объективности, достоверности, раскрывая эту особенность факта в его связи с практикой. В то же время эта существенная черта фактуального знания подчеркивалась в самых разных связях и в других разделах работы.

Но признание достоверности факта не исчерпывает проблему его истинности. Анализ становления, развития фактуального знания предполагает дальнейшее углубление проблемы, рассмотрение диалектики истины. Одновременно мы считаем необходимым обратить внимание на некоторые специфические формы заблуждения в фактическом знании. И, наконец, говоря о развертывании науки, следует поставить вопрос не только о раз-

вертывании и углублении уровня достоверности факта, но и о всей сумме изменений, возникающих в ходе развития фактуального знания. Все эти моменты составляют содержание данной главы. Мы видим, что центральной ее проблемой является как бы динамика факта, тогда как до сих пор он брался в известном смысле статично.

Эмпирическая достоверность факта и его «антиномии». Все положения, в которых разворачивается диалектико-материалистический подход к проблеме истины, имеют прямое и непосредственное отношение к фактуальному знанию.

Это доказывает анализ и природы, и характера, и содержания фактуального знания, и проблем достоверности факта.

Очевидно, что достоверность факта есть его эмпирическая достоверность. Выделение указанной характеристики достоверности не есть попытка принижения или уменьшения значения истинности факта, а означает лишь подчеркивание специфических черт этой достоверности, соответствующей специфике эмпирического объекта, характеру его связи с практикой, форм и способов его фиксации (наблюдение, (С. 124) эксперимент), формам воспроизведения в знании. Специфичность достоверности факта не означает и того, что на знание о факте не распространяются коренные положения марксистской теории истины. Они реализуются и здесь, хотя не могут не иметь и некоторых специфических моментов.

Мы видели, что актуальное знание непосредственно связано с практикой. Это тот вид и тот уровень знания, который наиболее непосредственно сплетается с практикой. Факты устанавливаются на основе и в ходе практики, выражают не-посредственный результат воздействия субъекта на объект.

Итак, истинность фактуального знания выступает прежде всего как выражение его эмпирической достоверности. В нашей литературе общность позиций в подходе к проблемам истины не исключает определенных расхождений при конкретизации их в применении к фактуальному знанию.

Говоря об истинности факта науки, некоторые авторы подчеркивают абсолютность как единственную характеристику этой истинности. Б. М. Кедров следующим образом формулирует указанное положение: «В факте выступает абсолютная истина в рамках отдельного, дискретно взятого события, или вещи, или свойства и т. д. Дискретность факта дает нам возможность в этих условиях раскрыть не относительную, а именно абсолютную истину, которая остается вечной, неизменной, не зависящей от времени, места и обстоятельств»¹. В этом же смысле В. В. Косолапов ставит вопрос об инвариантности факта².

Убежденность в незыблемости факта приводит и к таким, недостаточно строгим и корректным определениям, как «факты ни истинны, ни ложны, они существуют».

В приведенных высказываниях констатируются те действительно присущие фактам качества, которые делают их «упрямой» вещью. Но это лишь одна сторона дела. «Факты — упрямая вещь», — замечает В. И. Ленин, но факты, соответствующим образом подобранные, могут быть «игрушкой» и «кое-чем еще похуже»³. Нельзя забывать о сложности, противоречивости, антиномичности характеристик факта.

Представление об абсолютности факта базируется на том, что в них: а) фиксируется «непосредственно данное»; б) описывается непосредственный ход процесса, его наиболее очевидные внешние проявления (описание же содержит наименьшую степень опосредования, а следовательно, и возможностей субъективистского истолкования описываемого про-

¹ В сб. «Противоречия в развитии естествознания», стр. 25.

² См.: «Логика научного исследования», стр. 54-55; см. также сб. «Социальные исследования. Теория и методы», вып. 5. М. «Наука», 1970, стр. 164-165.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

(С. 125) цесса); в) факт дискретен, он фиксирует проявления данного объекта, с данной

совокупностью свойств, в данном пространственно-временном интервале, что придает факту точность, бесспорность, неопровержимость; г) все эти обстоятельства усиливаются тем, что факт науки — «резюме» данных, особенно если это резюме статистическое. Они обладают тем большей степенью достоверности, чем более обобщена, обработана заключенная в них информация, достоверность которой подтверждается многократным фиксированием данных связей.

Все указанные положения очевидны. Однако каждому из выдвинутых положений столь же очевидно и неопровержимо противостоят другие, подчеркивающие относительность факта.

Мы позволим себе первоначально перечислить все эти моменты, чтобы суммированным доводам «за» противостояли столь же компактные «против», а затем развьем указанные положения несколько более подробно.

А. Отражение в факте того, что непосредственно дано субъекту, с необходимостью и неизбежностью включает и моменты субъективного. «Антиномия» факта здесь в том, что непосредственность знания, выступающая как подтверждение, доказательство достоверности, объективности факта, в то же время оборачивается своей другой стороной: наибольшей субъективностью фактического знания.

Более того, в нашем познании нет ничего абсолютно непосредственного. Знание опосредствуется предшествующим опытом человека и человечества, языком, в терминах которого описывается факт. Язык науки, — также продукт ее исторического развития. Он непрерывно уточняется и совершенствуется.

Б. Описание, говорили мы, создает возможность наименьшего привнесения субъективного, поскольку оно еще не означает интерпретации, объяснения фиксируемых явлений. Однако, во-первых описание никогда не может быть исчерпывающе полным, ибо всякий реальный факт, отражаемый в факте науки, включает бесконечное богатство связей, отношений, сторон, т. е. неисчерпаем; во-вторых, описание не может быть абсолютно противопоставлено объяснению; в-третьих, разве отсутствие объяснения всегда делает факт более достоверным? «Чистый» факт безусловно достовернее, чем факт с ложной его интерпретацией, но факт с интерпретацией, соответствующей действительным связям изучаемых явлений, несомненно, глубже, объективнее, достовернее.

В. Факт выступает как дискретный элемент, но элемент системы знания. Можно ли говорить о нем безотносительно к этой системе? Ведь система знания создается множеством фактов, и это в значительной степени определяет место каж-

(С. 126) дого из них, меняющееся ходом развития знания и накопления новых фактов; кроме того, подлинная объективность, достоверность знания достигается не любыми фактами, а такими, которые наиболее репрезентативны. Наконец, объективность знания предполагает в качестве необходимой своей предпосылки соответствующую интерпретацию, без которой еще нет системы знания. Значит, факт не только дискретен, атомарен, безусловен, инвариантен — он одновременно непрерывен, связан с системой и не существует вне ее и в этом смысле также относителен.

Г. Статистическая природа факта науки — очень важный фактор, обуславливающий его достоверность, объективность, а тем самым и абсолютность. Однако статистичность факта не в меньшей степени предполагает и его относительность. Вероятностная природа факта, представляющего собой обобщение данных, не может не создавать в нем момента неопределенности.

Следует сразу же сказать, что некоторые наши авторы, затрагивающие проблему факта или непосредственно ее исследующие, подчеркивают относительность истины факта, связывая ее с диалектикой субъективного и объективного (В. А. Лекторский), со статистичностью факта (А. И. Ракитов), со сложной природой социального факта (В. А. Ядов). Против тезиса «факты ни истинны, ни ложны, но существуют» выступает И. Г. Рубинов. Но эти положения звучат в меньшей степени «программно» и не столь категорично, как названные выше.

Положения об относительности истины факта, имеющие столь же определённое и устойчивое право на существование, сформулированные соответственно его «абсолютным» характеристикам, выведены нами «аналитически», из общих принципов гносеологии и исходных характеристик факта. Мы могли бы сделать это и «синтетически», идя от конкретного материала различных наук и разных типов факта. Наконец, можно было бы подойти к этим положениям, основываясь на анализе литературы, касающейся разных характеристик факта. Апелляция к материалу различных отраслей науки заключает опасность чрезмерного расширения данного раздела, и потому мы вынуждены отказаться от данного способа подтверждения. Что же касается ссылок на литературу, — они представляются нам необходимыми. Обращение к ней подтверждает выдвинутые здесь и представляющиеся нам теоретически крайне важными положения об антиномиях факта. Оно в то же время показывает, насколько абстрактно в отрыве от реального опыта науки формулируются порою философские положения, подобные утверждениям об абсолютности фактуального знания.

(С. 127) Гносеологические и социально-психологические причины относительности истин факта. Сложность, противоречивость факта науки, а также связанное с ним его рассмотрение как процесса диалектического приближения к абсолютной истине, никогда не исчерпывая ее», вытекают из бесконечности процесса познания, из природы факта как элемента системы знания, связанного с его (знания) понятийным аппаратом, интерпретацией, с системой других фактов, с опытом, результаты которого он фиксирует. Все эти моменты подчеркиваются, выделяются классиками марксизма. К. Маркс писал: «Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не даны человеческому существу адекватным образом»¹.

О том, что адекватность понятия и его содержания, которое оно отражает, есть процесс, говорит Ф. Энгельс: «Единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный»² или здесь же «... понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности»³.

Эти положения, подчеркивающие бесконечность познавательного процесса, а значит и относительность знания на каждом его этапе, всецело относящиеся к факту, — поскольку речь идет о непосредственном знании, об явлении, действительности и т. д., дополняются словами В. И. Ленина: «Самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен»⁴.

Говоря об абсолютности факта, обычно ссылаются на положения Ф. Энгельса о «вечных истинах». Энгельс действительно говорит в «Анти-Дюринге» о возможности выдвижения бесспорных, неопровержимых фактов в виде истин факта. Но ведь здесь речь идет не только об абсолютном. Обращая внимание на то, что «в этой области мы чаще всего наталкиваемся на так называемые вечные истины, на окончательные истины в последней инстанции», Энгельс тут же замечает, что здесь «немногим поживишься», что в этом случае придется ограничиться лишь «банальностями и общими местами самого худшего сорта». Поэтому далее у Энгельса мы читаем, что название абсолютных, вечных истин можно дать лишь фактам, подобным утверждению, что у птицы имеется клюв, что Наполеон умер 5 мая 1821 года,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 362.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 484.

³ Там же, стр. 482.

⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 162.

(С. 128) но говорить так о такого рода фактах значит «... применять большие слова к весьма простым вещам...»¹.

Характерны и те положения, которые выдвигаются в литературе, затрагивающей проблему фактуального знания, более или менее прямо и непосредственно.

О сложности раскрытия факта в связи с тем, что он с необходимостью облекается в словесно-понятийную форму, часто говорят и сами ученые². М. Вартофский пишет, что констатация фактов не может совпасть с самой действительностью; ибо «множество фактов ускользает от нас», а кроме того на факт накладывает отпечаток форма его выражения в знании: «Все основывается на интерпретации, выводе, конструкции»³.

«Наше доверие к достоверности фактов, — писал Г. Гельмгольц, — будет возрастать только по мере того, как они будут неизменно выдерживать испытание при все более возрастающем разнообразии условий, при все большем числе случаев и при все более точных средствах наблюдения»⁴.

Гносеологические трудности констатации фактов и их выражения в знании связаны и с такими специфическими моментами, как недостаточная степень информации об объекте, вытекающая из недостаточности технических средств его изучения, из неразвитости самого объекта. Заметим, что недостаточность информации может быть связана с социальными условиями познания. Это относится главным образом к наукам социальным, но не только к ним. Так, работа науки на войну приводит к тому, что многие достижения естествознания и его факты скрываются вместо того, чтобы стать достоянием общества.

Трудности и противоречия познания вытекают из его внутреннего развития. Ведь антиномичность факта заключается и в том, что систематизация, обобщение, статистическая обработка данных, ведущие к более высокой степени точности, таят и неизбежные неопределенность, вероятностные характеристики, предполагают возможность ошибки. «Единичное наблюдение, — пишет А. И. Ракилов, — всегда заключает в себе некоторую неопределенность и притом тем большую, чем меньше интервал наблюдения. При обработке исходных данных степень неопределенности снижается,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 90, 88.

² См., например, Л. де Бройль. По тропам науки. М., ИЛ, 1962, стр. 164-165; М. Бунге. Интуиция и наука. М., «Прогресс», 1967, стр. 156-160.

³ М. Wartofsky. Conceptual Foundations of Scientific Thought, p. 102.

⁴ Г. Гельмгольц. О цели и успехах естествознания. — В кн. «Философия науки; естественнонаучные основы материализма», ч. 1. Физика. М. — Л., Госиздат, 1923, стр. 47.

(С. 129) однако, как правило, никогда не обращается в 0, ибо статистическая вероятность не равна 1, хотя может приближаться к ней сколь угодно близко»¹.

Заметим в этой связи, что в случае математической обработки массовых данных всегда предусматривается определенный «дефект истинности», учитывается возможный размер ошибок, специально выделяются характеристики ошибок измерения (дается даже их классификация). Таковы, например, доверительные оценки коэффициента корреляции, оценка ошибки численного дифференцирования, оценка ошибок приближенного вычисления и т. д.

Нельзя не видеть глубокой антиномичности факта и в развертывании всей системы его описания. Развитие последнего — показатель растущего углубления знания и его точности, но одновременно широта, растущий объем описания, разные формы уточнения характеристик объекта создают и более высокую степень относительности этих характеристик. О подобных трудностях научного описания говорит и П. Дюгем. Правда, он касается фактов донаучных. Если я скажу, пишет Дюгем, что видел на улице белую лошадь, подобная констатация будет обладать более высокой степенью истинности, чем когда я попытаюсь сказать более подробно, когда это случилось, и тем более, если я более точно опишу особенности масти лошади.

Относительность истины факта обусловлена особенностями процедуры его фиксирования. Очевидно, что чем сложнее факт, тем больше трудностей на пути его установления (укажем на пример дискуссии историков об азиатском способе производства, революциях рабов и т. д.). При этом мы имеем в виду и объективную сложность, вытекающую из

сложности изучаемых фактов (таковы, в частности, приведенные выше примеры), и в то же время сложность субъективную, вытекающую из трудностей познания (например, факты физики микромира, исследование фактов сознания и т. д.).

Очевидно также, что чем сложнее та система вопросов, на которые исследователь должен получить ответ, чем выше здесь «степень свободы» исследователя, чем большую гибкость он должен проявить в ходе исследования, тем более широким может быть и «разброс» решений, подчеркивающий относительность получения данных и означающий необходимость их дальнейшего подтверждения и сопоставления. И, наконец, там, где мы сталкиваемся с многофакторными

¹ А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта... — В сб. «Проблемы логики научного познания», стр. 406.

(С. 130) явлениями, относительность истины факта связана с тем, эти факторы могут быть учтены по-разному.

Анализ гносеологических трудностей констатации факта следует дополнить положениями о психологических и социально-психологических факторах познавательной деятельности, которые должны быть учтены с такой же несомненностью.

«Наука — дело абсолютно объективное, и сама по себе она бесстрашна. Но творят науку люди, и в ходе научного творчества постоянно возникают противоречия между строгой объективностью науки и субъективными особенностями творящих ее людей»¹.

Субъективные особенности людей, творящих науку, — понятие чрезвычайно емкое. Оно охватывает и индивидуальные психологические особенности и механизмы восприятия объектов, и особенности отношения к последним, определяемые в значительной мере целями и устремлениями субъекта («Люди называют осла конем, когда продают, а коня ослом, когда покупают», — говорит Б. Брехт в «Жизни Галилея»). Это и оценка, установка, отношение исследователя к ходу и результатам работы, влияние традиции и моды и т. д. Таковы некоторые социально-психологические моменты, учет которых в познании необходим. Эти факторы переплетаются с гносеологическими, и отграничить одно от другого можно далеко не всегда.

В психологической литературе довольно часто говорится об ошибках наблюдения, естественных и не требующих объяснений. И даже тогда, когда ошибок как будто и не совершается, несомненно различие восприятий, тесно связанное с особенностями познающего субъекта. Этот вопрос специально поднимает П. Фресс, и поскольку кроме особенностей самого наблюдения он затрагивает ряд других моментов, связанных с познавательной деятельностью субъекта, мы позволим себе раскрыть соответствующие положения его книги более подробно.

Поль Фресс рассказывает о следующем случае. В 1797 г. в Гринвиче был уволен ассистент обсерватории: он допускал ошибку почти в секунду при определении местоположения звезды, над которой велось наблюдение. Через 20 лет кенигсбергский астроном Бессель, прочитав об этом случае, решил заняться его проверкой и обнаружил, что при использовании одних и тех же методов подсчета разные люди дают разные результаты. Хотя способ, по которому устанавлива-

¹ Н. И. Семенов. Объективность ученого и оценка открытий. — В кн. «Научное открытие и его восприятие». М., «Наука», 1971, стр. 59:

(С. 131) лось время прохождения звезды, давал точность до $1/10$ сек, Бессель обнаружил, что различия могут достигать 1 сек. Так Бессель пришел к выводу о существовании так называемого «личного уравнения» перцептивной деятельности.

Работу над исследованием личного уравнения продолжали другие психологи. Было ус-

тановлено, что результаты зависят от установки и направленности внимания. Многое в этом отношении сделал Вундт (60-е годы). Продолжая эти работы в лаборатории Вундта, Ланге установил, что время реакции больше, когда внимание направлено на стимул, а не на реакцию¹.

Характерно, что и здесь, как выражается и сам Поль Фресс, *Zeitgeist* сделал свое дело. Психологические проблемы вставали все более остро, и рассмотрение вопросов, о которых мы говорили выше, продолжил Г. Гельмгольц. Он делает весьма развернутый и обоснованный вывод о зависимости наблюдений от целого ряда факторов и, в частности, прошлого опыта наблюдателя. «Всегда... нужно учитывать ... личное уравнение ученого, а также атмосферу лаборатории, побуждающую исследователей обращать внимание на одни явления больше, чем на другие». «Это замечание, — добавляет Фресс, — служит объяснением для многих научных дискуссий»².

И далее П. Фресс говорит о влиянии установки на характер восприятия, подчеркивая, что мы должны всегда помнить, что констатация факта в значительной мере обусловлена установкой: «мы находим лишь то, что ищем», а «излишне нацеленная установка создает предвзятость и заставляет нас интерпретировать двусмысленные показатели в духе наших ожиданий»³.

Обращение к установке как основе восприятия, а также к общим условиям воспринимающей деятельности выводит анализ проблемы из его психолого-гносеологического ракурса в сферу социально-психологическую. И в этой связи в литературе выдвигается целый ряд положений.

Заметим, что еще Локк говорил о необходимости учитывать особенности свидетелей и их желание, умение свидетельствовать, их намерения и т. д.

Или Бэгли в работе, где специально говорится о том, как должны отыскиваться и отбираться факты, предупреждает, что фактический материал, отбираемый разными людьми, всегда несет на себе печать их личности. Поэтому обязатель-

¹ П. Фресс и Ж. Пиаже. Экспериментальная психология, стр. 25-26.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 107, 109.

(С. 132) но сопоставление материала, очень разного у разных авторов, и по возможности учет интересов, которые стоят за их свидетельствами¹.

Специфической социально-психологической характеристикой познания является оценка. В виде «выбора, отбора, предпочтения» она затрагивает разные стороны познавательного процесса, начиная от характеристик объекта, отношения к нему, и кончая оценкой результатов. Между ними стоит и выбор методов исследования и способов экспериментирования².

Подчеркивая специфику указанных социально-психологических механизмов познания, нельзя забывать о том, что они, как и гносеологические, находятся под контролем и влиянием факторов социальных. Мы уже говорили выше об особенностях использования статистики буржуазными экономистами и народниками и о критике их в работах К. Маркса и В. И. Ленина. Поэтому мы не будем говорить об этом сейчас, тем более, что относительность факта в подобных случаях может перерасти и в прямое его искажение. Вместе с тем об этих моментах важно было напомнить, чтобы учесть их общее взаимодействие.

Взаимодействуют и социально-психологическое с гносеологическим, и это взаимодействие может стать и фактором, усиливающим степень точности знания, но может приводить и к несколько иным результатам. Приведем пример, поясняющий сказанное.

Успехи математики в различных науках приводят к тому, что, став модной, она может использоваться для обработки фактов таким образом, что не только не уточняет их констатацию, а, напротив, заслоняет реальное содержание и итоги исследования, или даже скрывает их отсутствие. О такой подмене научности наукообразностью пишут многие ав-

торы. В. Н. Шубкин называет это явление «математическим фетишизмом» («Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 40).

«Люди, для которых математический язык стал удобной формой мышления, умеют добиваться и наибольшей ясности в словесном изложении хода своих мыслей... Напротив, люди, для которых математический язык есть нечто наносное, усваивают преимущественного его форму и потому склонны к нагромождению этой внешности.... Такая деко-

¹ W. B a g l y . Facts and how to find them. L., 1954, p. 14-16.

² См.: Б. А. Е р у н о в . Оценочное суждение и его значение в естественнонаучном исследовании. — В сб. «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», вып. IV. Л., 1971, стр. 393.

(С. 133) ративная математика не только не нужна, но и неприятна, как избыток косметики».¹

Характерно, как отмечал Л. Больцман, что физики-теоретики более экономно используют математику, чем практики, для которых она нередко служит простым «украшением».

Итак, факты науки в силу самых различных моментов, вытекающих из их особенностей, способов установления, уровня и степени обобщенности, характера понятийного аппарата, исходя из природы познавательного процесса как бесконечного приближения к объекту, выступают как проявления относительного знания, а не только знания абсолютного, устойчивого, неизменного, инвариантного. Инвариантность факта, т.е. его относительность к системе знания, равно как и его абсолютность, означает, по-видимому, что зафиксированное в нем явление (событие, свойство) действительно имеет место. Но степень его значимости, степень выражения данного свойства, полнота характеристик изучаемого явления, точность фиксирования, способы описания не могут рассматриваться как нечто абсолютное и безусловное.

Итак, нам представляется, что положение об абсолютности факта не может выдвигаться как единственная существенная характеристика последнего, независимо от того, идет ли речь о фактах естествознания или о фактах общественных наук. Факт науки не может не включать в себя, наряду с абсолютным, и относительное как специфический момент, сторону в его характеристике. Разумеется, диалектика абсолютного и относительного очень сложна, по-разному проявляется в разных фактах в зависимости от того, к какой области явлений они относятся, как они установлены, описаны, проверены, в какой степени вероятностны, как объяснены и т. д. Поэтому следует говорить о разных уровнях, разной степени их достоверности. Одностороннее же решение проблемы истинности факта, его фетишизация выступают вразрез со всей системой наших воззрений, которые, должны быть не просто материалистическими, а именно *диалектико-материалистическими*.

Подчеркивая относительность факта, мы никогда не снимали и вопроса об его абсолютности. Ядро факта, его основная констатация абсолютны, «инвариантны». И поэтому относительность не может быть противопоставлена абсолютности, объективности.

Абсолютизация же относительности факта ведет к субъективизму. Последний, как мы уже отмечали, распространен в буржуазной философии в подходе к различным конкрет-

¹ Е. Н. Р е г и р е р . Развитие способностей исследователя. М., «Наука», 1969, стр. 112.

(С. 134) ным наукам, особенно к истории, а нередко распространяется и на науку вообще.

Напомним о позиции К. Беккера: факт существует в сознании историка, факт поэтому относится к настоящему, а не к прошлому и не может быть объективным.

Подобные решения, касающиеся сущности фактов исторического знания, были снова повторены на XIV философском конгрессе. В докладе М. Геру «Постулаты философии истории» формулируется тезис: история не может быть правдивой ... «Историк не свидетель. Того, о чем он рассказывает, он не видел»¹.

Сошлемся на решения, относящиеся к науке в целом: «Эмпирический базис знания не включает ничего абсолютного, — пишет К. Поппер. — Теоретические конструкции стоят на болоте. Они подобны строению, покоящемуся на сваях»².

Аргументы в защиту тезиса об относительности знания, о росте его неопределённости разнообразны. Релятивизм может выводиться даже из особенностей с и с т е м ы фактуального знания. Приведем следующее высказывание: «Факт ничего не означает вне отношения к другим фактам; а так как это отношение усложняется с прогрессом познания, природа так называемого факта неопределенно изменяется»³.

Заметим, что мы тоже отмечаем возрастающую сложность знания о факте, связанную и с его взаимодействием с другими фактами, и с углублением интерпретации. Но отмечая и моменты неопределенности в нем, мы подчеркиваем рост точности, объективности, глубины и полноты его содержания, а тем самым углубление и развертывание моментов, ядра абсолютного в фактуальном знании, как и в науке в целом.

Лекция 10. Развитие факта. Научно-техническая революция и особенности эмпирического базиса современного знания

Изменение фактуального знания в ходе развития науки.

Говоря о развитии науки, подчеркивая, что все более широкой и глубокой является заключенная в ней информация о мире, что развитие знания идет как по линии экстенсивной (вширь) и интенсивной (вглубь), мы не можем не видеть, что это относится ко всем элементам ее структуры и, в част-

¹ Akten des XIV International Kongresses fur Philosophie. Bd. I, S. 5. Цит.: «Философия и современность». М., 1971, стр. 142.

² К. Поппер. The Logic of Scientific Discovery. N. Y., 1959, p. 111.

³ I. S m a r t. Between Science and Philosophy. An Introduction to the Philosophy of Science. N. Y., 1968, p. 77.

(С. 135) ности, к ее фактам. Заметим сразу же, что речь идет о развитии факта н а у к и , т. е. о все более глубоком, развёрнутом, включающем в себя более точные характеристики, отражении факта действительности. Факт современного научного знания существенно отличается от тех простых фактов наблюдения, с которых начинала наука и о получении которых, как выражается Л. Флек, можно было сказать: «пришел, увидел, победил».

Постановка этого вопроса в нашей философской литературе о факте пока еще отсутствует. Его не ставит и зарубежная философская литература, и здесь это легко объяснить. О фактах говорят преимущественно позитивисты. И в то же время, обращаясь к факту, позитивизм рассматривает его общие логические характеристики, отвлекаясь от содержания, реального движения знания и не сопоставляя его результаты в различные эпохи.

Правда, одно исследование, формулирующее указанную закономерность фактуального знания, все же имеется. Это работа Л. Флека, на которую мы не раз ссылались. Она, как известно, прямо так и называется: «Возникновение и развитие научного факта» (1934). Однако, рассматривая факт как систематизацию стиля мышления, при крайней нечеткости и расплывчатости понимания последнего, Флек не выделил достаточно определенных критериев, свидетельствующих об этом развитии. Зато конкретный материал истории медицины, к которому апеллирует автор, подтверждает рациональность и значимость его идеи. Но если учесть, что работа написана давно, что ссылок на нее в современной литературе нет, а также и то, что она не опирается на новый материал лидирующих областей естествознания, где эти изменения были и тогда уже явными, вряд ли можно считать вопрос в достаточной мере сформулированным.

А между тем постановка этого вопроса необходима. Это не только констатация изменений, происходящих в фактуальном знании, но обоснование и отношения к нему и тре-

бований, предъявляемых к уровню «организации» фактического материала науки.

В самом деле, если факты есть отражение практики и результат практической эмпирической деятельности, то изменение уровня и характера практической деятельности является основой, показателем и условием изменения фактуального знания. Тем более, что совершенствование практики означает и совершенствование экспериментальных средств науки. Развитие фактуального знания предполагает не только совершенствование способов фиксирования фактов, но и их проверки. И здесь наука упирается в практику.

(С. 136) Или, если факты есть резюме эмпирических данных, если итогом эмпирического познания является упорядочение и систематизация материала в форме научного описания, выражающего результаты опыта в системе понятий данной науки, значит показателем развития фактуального знания является совершенствование методов получения и обработки данных, совершенствование форм и уровней описания. Если описание связано с объяснением, а подлинное определение факта — с его включением в теоретическую систему или научное описание фактов — с научным объяснением, значит показателем развития фактуального знания является развертывание теории, переход к более высоким ее уровням.

Одним из важнейших факторов изменения фактуального знания следует, по-видимому, считать изменение способов установления фактов. «Часто говорится, и не даром, что наука движется толчками, в зависимости от успехов, делаемых методикой. С каждым шагом методики вперед мы как бы поднимаемся ступенью выше, с которой открывается нам более широкий горизонт, с невидимыми ранее предметами. Поэтому нашей первой задачей была выработка методики»¹. Так говорит И. П. Павлов о путях движения и поворотных моментах в развитии теории. Затронутое здесь понятие методики следует относить и к способам организации эксперимента, и к его орудиям, и к принципам, направляющим исследование. Так возник объективный метод исследования условнорефлекторной деятельности, который привел физиологию высшей нервной деятельности к принципиально новым результатам.

История каждой науки знает такие качественно-своеобразные моменты, узловые звенья в цепи ее развития, когда осуществляется поворот в организации исследования, а с ними и в теоретическом истолковании его результатов. Но при этом изменения в науке никогда не бывают абсолютно локальными: поворот в одной из них затрагивает в той или иной степени и другие, и потому, что происходит какое-то заимствование методов, и потому, что усваиваются ее результаты, а также и общий стиль мышления. Тем более «иррадируют» ее результаты внутри системы данной науки (например, влияние дарвинизма на все отрасли биологии и т. д.).

Но тем не менее степень распространения подобных результатов различна. Она зависит от глубины изменений, происходящих в данной науке; от степени революционизации средств и методов исследования в ней; от глубины теоретических сдвигов, происходящих на основе этих методов; от прак-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание трудов, т. 2. М.-Л., 1946, стр. 23.

(С. 137) тических потребностей эпохи и задач, которые стоят перед наукой. Поэтому столь значительным оказалось влияние, которое оказала на науку революция в физике, в начале XX в. Вот почему изменения, происходящие в науке в условиях научно-технической революции, являются не только продолжением этой революции в физике, но и качественно новой ступенью, — разные элементы и структура современного научного знания приобретает новые специфические черты. Это касается не только теорий современной науки, о чем говорят достаточно часто, но и ее *фактов*.

Изменения в эмпирическом базисе современного знания. Попытаемся вкратце, в суммированной форме представить эти изменения эмпирической базы современного знания, указать на те явления, которые об этом свидетельствуют, и факторы, которые обу-

словливают их существование.

Прежде всего, следует отметить, что для современной науки характерно необычайное расширение средств и форм наблюдения и эксперимента и новые их возможности, связанные с небывалыми успехами техники. Мы не будем подробно говорить о технической сложности современных исследований, ибо нас интересует не просто способ получения данных, а результаты последних, их гносеологическая структура. Напомним лишь, что осуществление эксперимента по изучению явлений микро- и мегамира требует поразительного совершенства техники, создания сложнейших устройств, вовлечения громадной массы людей не только в их сооружение, но и в осуществление наблюдения и эксперимента, в обработку их данных. Сколь наивно звучат сейчас слова одного, из первых исследователей общих проблем развития науки Дж. Гершеля, который около 100 лет назад писал: «Наши средства определять и измерять мельчайшие количества, относительно веса, пространства и времени, достигли в настоящее время такой степени совершенства, дальше которого они уже едва ли будут развиваться»¹.

Итак, особенностью деятельности по получению эмпирических результатов знания является ее неизмеримо выросшая *сложность*: и сложность приборов, и сложность их использования, и сложность обработки полученных данных.

Проникновение науки в сферу микро- и мегамира существенно меняет *структуру* наблюдения и эксперимента, особенности взаимодействия объекта и субъекта в их осуществлении. Изучение макроявлений предполагает их доступность органам чувств и в значительной мере непосредственному восприятию; субъект и объект оказываются как бы неза-

¹ Дж. Гершель. Философия естествознания. Об общем характере, пользе и принципах исследования природы. СПб., 1868, стр. 349.

(С. 138) мыми друг от друга, причем «само понятие субъекта и объекта здесь предполагает их взаимное разобщение в условиях пространственного сосуществования», а также одновременность их сосуществования («в любой конкретный момент субъект воспринимает те качества, которые присущи предметам в данный момент времени»)¹.

Эти характеристики связи объекта и субъекта существенно изменяются в применении к микромиру, поскольку здесь не может осуществляться непосредственное восприятие объекта; поскольку прибор оказывает воздействие на микрообъект, что существенно усложняет фиксацию характеристик последнего; поскольку особенности, существования некоторых микрообъектов таковы, что они могут фиксироваться лишь косвенно, а кроме того, время их существования (нестабильные частицы например) практически несоизмеримо не только со временем существования субъекта, но даже и с временными интервалами процесса наблюдения.

Что же касается космических объектов, то здесь иные, но тоже качественно своеобразные моменты. Существование космического объекта во много раз превышает продолжительность жизни субъекта. «Конкретный объект может для человека субъективно предстать бесконечным», а потому постичь его объективную конечность во времени можно только с помощью абстрактного мышления. Крайне медленны и происходящие в нем изменения, создающие видимость их отсутствия вообще. Иначе выглядит здесь и внеположенность объекта по отношению к субъекту. «Внеположенность систем космических Тел не является абсолютной. Земной наблюдатель находится внутри солнечной системы, внутри Галактики. Если же иметь в виду бесконечную Вселенную, то по отношению к ней внеположенность исключается совершенно»². И, наконец, здесь преобразуется и положение об одновременности существования объекта и субъекта, ибо субъект может наблюдать космические объекты, которые могли прекратить свое существование или существенно измениться за те миллионы световых лет, в течение которых до нас доносится информация об их существовании.

Все указанные моменты говорят о возрастающем многообразии деятельности субъекта, фиксирующего факты, о возрастающей сложности этой деятельности, причем именно о качественных изменениях в ней, затрагивающих разные стороны взаимодействия объекта и субъекта, а соответственно и изменения особенностей воспроизведения объекта

¹ А. М. Коршунов, М. С. Кремер. Проблемы космического наблюдения и эксперимента. — «Философские науки», 1970, № 1, стр. 82.

² А. М. Коршунов, М. С. Кремер. Указ. статья, стр. 84.

(С. 139) Существенной особенностью характеристик эмпирической деятельности является изменение соотношения наблюдения и эксперимента. Развитие современного знания сопровождается расширением и сферы и удельного веса эксперимента. Осуществляется проникновение последнего в те науки, которые раньше основывались лишь на наблюдении (астрономия, социальные науки). Правда, здесь нельзя не отметить и определенного противоречия, в известной мере являющегося противоречием роста и в некоторой степени и «моды». При всей важности эксперимента, его преимуществ, связанных с возможностью выделения объекта и исследуемых характеристик и связей, наблюдение объекта во всем многообразии его реальных свойств продолжает быть необходимым средством и условием оценки и самого эксперимента и определения места и значения полученных в его ходе результатов. Проблема наблюдения может вставать и в другой связи: необходимо изучать не только разные уровни и стороны объекта, но и объект как целое. Так, биологи, подчеркивая важность изучения микроструктур наследственности, все более определенно говорят о недостаточности исследований лишь в данном направлении. Необходимо рассматривать их (микроструктуры) в системе взаимодействия организма как целого и, более того, сам организм — в связи с развитием популяции.

Важность этой проблемы подчеркивается в физиологии и медицине. Так, в интересной статье академика АМН СССР Л. Горизонтова, обращенной к молодежи, подчеркивается, что «молодые исследователи, оснащенные современной электронной техникой, регистрируя, например, деятельность тех или иных групп клеток, нередко считают свою работу вполне безупречным исследованием, хотя ограничиваются этим, вне учета реакций целостного организма». То же происходит и в медицине, когда исследование деятельности органа или отдельных моментов этой деятельности превращается в самоцель. Между тем «... наряду с инструментальным исследованием процессов, происходящих в какой-либо части организма (в органе, в клетке, в субклеточных структурах или даже в молекулах), по-прежнему возникает необходимость наблюдений за деятельностью всего организма в целом»¹. Автор указанной статьи отмечает и другой чрезвычайно существенный момент: «наблюдательность современного цивилизованного человека значительно понизилась»² (подчеркнуто нами. — Л. М.). Это связано и с инструментальной регистрацией явлений и, таким образом, с перенесением

¹ Л. Горизонтов. Учитесь наблюдать. Слово ученого к молодым. — «Наш современник», 1971, № 10, стр. 95.

² Там же.

(С. 140) центра тяжести на инструмент, и с все увеличивающимся количеством раздражителей, с отдалением человека от природы и т. д. Для нас в рассматриваемой связи наиболее важно учесть первую из названных причин.

Итак, существенные изменения происходят прежде всего в способах фиксации фактов. Как же изменяются при этом они сами? Отвечая на этот вопрос, мы должны указать на ряд моментов.

1. Непрерывно растет *точность* знания, фиксирующего факты. Это достигается

прогрессом в развитии количественных методов при фиксировании и обработке эмпирического материала (измерение, использование статистических методов, применение вычислительных машин). Характерно, что эти явления затрагивают не только естествознание. Сошлемся на пример исторической науки. Метод меченых атомов широко используется в археологии для определения и уточнения временных характеристик исследуемых источников. Для обработки массовых данных (таковы, например, материалы исторической демографии, истории экономики) используются вычислительные машины¹.

Показателем роста точности знания является расширение сферы количественных характеристик факта, фиксация статистических фактов.

Рост точности факта, развертывание его характеристик осуществляются благодаря взаимодействию наук. Так, одно из важнейших и интереснейших открытий нашего века — двойная спираль ДНК — осуществлено биохимиком Дж. Уотсоном и физиком (биофизиком) Ф. Криком. Другие «действующие лица», с деятельностью которых наиболее тесно связано это открытие, это Л. Полинг — известнейший химик, Р. Фрэнклин — специалист по рентгеноструктурному анализу и М. Уилкинсон — биохимик. Дело не только в специализации исследователей, а именно в том, что результаты их исследований прямо и непосредственно включались в поиск, обуславливали и направляли его, вносили коррективы в ход исследования и в итоге определили его окончательный результат².

Как и в случае взаимоотношения эксперимента и наблюдения, здесь есть свои сложности и противоречия. Они выражаются в нередком чрезмерном увлечении статистическим фактом и статистикой там, где нужен прежде всего не количественный, а именно качественный анализ (например, по-

¹ См.: В. А. Устинов. Применение вычислительных машин в исторической науке (для анализа массовых исторических источников). М., «Мысль», 1964.

² См.: Д. Уотсон. Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК. М., «Мир», 1960.

(С. 141) иски статистических фактов в истории там, где речь идет о явлениях, смысл которых отнюдь не может быть исчерпан статистическими «средними», например классовые столкновения, проблемы духовной жизни и т. д.¹ Нередко количественные результаты выступают как внешне новый и, по существу, не несущий новой информации результат. Задача и здесь заключается в диалектическом подходе к исследованию, в соединении разных его методов, без абсолютизации любого из них.

2. Значительно изменяется соотношение непосредственного и опосредованного в факте в сторону *усиления его опосредованности*. Это выражается прежде всего в изменении соотношения между прямым и косвенным наблюдением. Так, если в центре естествознания XVII-XIX вв. стоял непосредственно наблюдаемый объект, и наблюдение было преимущественно прямым, в естествознании XX в. более распространенным становится *косвенное наблюдение*².

Другим чрезвычайно существенным моментом, вытекающим из указанного, является изменение *логической структуры факта*. Последний, как известно, всегда включает момент опосредования, обуславливаемый закреплением «данного» в системе понятий. Однако логическое опосредование становится *качественно* более сложным, когда фиксация непосредственно данного дополняется системой суждений и умозаключений о его содержании, о том, что непосредственно в опыте не дано и стоит за пределами видимой его части, но тем не менее включено непосредственно в констатацию факта, в объем высказывания о данном факте. Так, в уже приводившемся нами примере констатации факта о пролетании α -частиц через камеру Вильсона содержится цепь опосредований, позволяющих именно так говорить о непосредственно видимых нами белых полосках и включать, таким образом, в саму констатацию факта не только непосредственно, но и косвенно данное. В этих случаях «фактичность» не просто дается субъекту, а *доказывается* им.

Факт становится еще более сложным, когда фиксируются частицы, «живущие» в исчезающе-малых интервалах времени. Цепь опосредований здесь еще более сложна. Но тем не менее и в этом случае, как и в примере α -частиц, речь идет о констатации факта, т.е. о существовании объекта, но факта несравненно более сложного по его логической струк-

¹ См., например, Ю. Кахк. Нужна ли новая историческая наука. — «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 44-48.

² См.: Н. Ф. Овчинников. Методологическая функция философии в естествознании. — В сб. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук», стр. 11; И. Т. Фролов. Генетика и диалектика. — «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 67.

(С. 142) туре, логическим (а не только физическим) способам установления. Сложность подобных фактов, фиксирующих результаты косвенного наблюдения, еще и в том, что «видимое» и «невидимое» в них не разделены в самой констатации.

3. Моментом, сопутствующим и росту точности факта, и расширению его логической структуры, является развитие понятийного аппарата и в отношении к эмпирическому ее базису науки. Хотя и сейчас научное описание отличается рядом особенностей его выражения в языке науки, поскольку здесь необходимо «сказать другим, что мы сделали и что узнали»¹, однако и в самом описании, а тем более в осуществлении всей совокупности актов познавательной деятельности используется несравненно более широкая система понятий языка наблюдения и теоретического языка, операциональных определений и т. д. Этот момент, имеющий самостоятельное значение и потому выделенный нами, непосредственно примыкает к предыдущим характеристикам, поскольку говорит о росте опосредованности факта, а также о возрастании его гносеологической сложности.

4. Рост сложности знания, а также исчезновение наглядности, затрагивающие, разумеется, не только уровень объяснения, но и описание, приводят к развитию здесь новых познавательных средств и методов. Так, неизмеримо возрастает роль моделирования уже в самом фактуальном знании. Эмпирическое знание связано с созданием модели и как материально-конструированной и как мысленно-представляемой системы. Модель может выполнять здесь ряд функций. Таковы, в частности, как подчеркивает В. А. Штофф, функции модели: в осуществлении модельного эксперимента (особенно тогда, когда прямой эксперимент затруднен); в осуществлении эмпирической интерпретации теорий; в качестве средства «онаглядывания» теории; в качестве средства изображения объекта, не воспроизводимого наглядно (модели-аналоги и знаковые модели)².

5. Развитие науки предполагает не просто более высокий уровень описания явлений и его связь с объяснением, не про-

¹ Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание, стр. 101.

² См.: В. А. Штофф. Моделирование как гносеологическая проблема. — В сб. «Диалектика и логика научного познания». М., «Наука», 1966, стр. 388-389. Моделирование в эмпирическом знании дополняется рядом других явлений, тесно связанных и с особенностями мыслительного процесса, и с особенностями материала современной науки. Таково, в частности, возрастание роли творческого воображения, представляющего «пре-образование наглядного опыта, осуществляемое при ведущей роли мышления, результатом которого является формирование чувственных образов частично или полностью не наблюдавшихся ранее явлений» (см.: А. М. Коршунов, Б. И. Пружинин. Активность субъекта и отражение. — «Философские науки», 1971, № 4).

(С. 143) сто усиление связи эмпирического с теоретическим, но все более высокую направляющую роль последнего и более сложное их взаимодействие. Все большее место в развитии теоретических и фундаментальных наук играет гипотетико-дедуктивная теория, выдвигающая систему организующих знание принципов, из которых выводятся эмпирически проверяемые следствия и предсказываются факты¹. И хотя такого рода идеи и принципы выдвигались наукой и прежде (например, классическая механика Ньютона,

электромагнитная теория поля Максвелла), они не играли такой роли в развитии науки в целом и не были преобладающими в ней.²

6. Развитие фактуального знания (это следует из его отмеченных выше особенностей идет по линии возрастания активной роли субъекта во всем ходе движения научного познания (подготовление и проведение наблюдения и эксперимента, последующая систематизация и различные средства обработки материала, предшествующая установлению факта гипотеза и т. д.). Возросшая степень активности субъекта ни в какой мере не означает потерю или уменьшение степени объективности научного знания в целом и его фактов — в частности. Более того, происходит именно возрастание объективности знания за счет большей глубины анализа объекта познающим субъектом.

Идеалистическое истолкование указанных моментов приводит к противоположному утверждению. В. Гейзенберг, отмечая «возрастание вклада идущих от субъекта элементов», делает вывод, что «квантовая теория уже не допускает вполне объективного описания природы»³.

Флек, автор упомянутой нами выше монографии о развитии научного факта, выводит последний из стиля мышления в науке, сам же этот последний рассматривается им как нечто самостоятельно развивающееся или вытекающее лишь из условий духовной жизни общества. Безусловно, подход к фактам, пути их отыскания и установления, а также их теоретическое осмысление связаны со стилем мышления. Очевидно также, что существует и определенная зависимость его от внутренних закономерностей движения науки и духовной жизни общества. Однако в конечном счете и сами они, а с ними и «стиль мышления» являются сложным результатом взаимодействия науки, общественно-производствен-

¹ См., например, Г. И. Рузавин. Роль гипотетико-дедуктивного метода в построении физической теории. — «Вопросы философии», 1968, № 7.

² См.: М. Э. Омеляновский. Диалектический материализм — методологическая основа современной физики. — «Философские науки», 1965, № 1, стр. 9-10.

³ В. Гейзенберг. Физика и философия. М., ИЛ, 1963, стр. 81.

(С. 144) ной практики, общественных отношений и складывающегося на этой основе мировоззрения ученого, который, живя в обществе, не может быть свободен от общества.

Углубление и развитие знания о факте, все более развернутые и точные характеристики «фрагментов реальности», как и все большее число таких «фрагментов», включенных в сферу познавательной деятельности человека, представляют собою несомненный факт современного знания. Это результат более широкого социального заказа, который предъявляется науке, расширения материальной базы науки, объема деятельности и в то же время это и результат развития познавательной активности субъекта, направляемой развитием практики, новым ее уровнем, новыми возможностями.

Развитие фактуального знания, усложнение характеристик факта снова и снова ставит нас перед проблемой диалектики объективной, относительной и абсолютной истины. Развитие фактуального знания означает и рост его объективности, и ядра абсолютного в нем, но одновременно делает более сложным, подвижным соотношение абсолютного и относительного, проявлений последнего, требует более глубокого, тщательного анализа, отбора и сопоставления данных. Возрастание активности субъекта должно, таким образом, осуществляться и в данном отношении.

Развитие понятия «факт». В заключение следует сказать и о развитии самого понятия «факт».

В ходе анализа становления проблемы в истории философии мы могли убедиться в том, что и оно не остается неизменным. Оно уточняется, углубляется, развивается соответственно развитию философского знания и осмыслению его внутреннего содержания.

Но говоря о развитии понятия «факт», нельзя не видеть (это происходит, разумеется, и с другими категориями) и тех изменений, которые накладываются на него развитием ха-

рактистик и особенностей самого научного знания. Таково, например, определение факта как статистического резюме первоначальных данных.

Можно не соглашаться с А. И. Ракиным в том, что все факты науки следует рассматривать как такое статистическое резюме. Но уже определение факта как резюме данных, а с другой стороны, признание того, что в значительной своей части факты естествознания и даже обществознания являются таким статистическим резюме, являются определением факта, свидетельствующим о развитии фактуального знания, о более высокой, чем прежде, степени его обобщенности как «норме» науки.

Это особенно отчетливо прослеживается в социологии. Утверждая статус социологии как науки, О. Конт в качестве

(С. 145) социологических фактов рассматривал конкретные индивидуальные явления общественной жизни. Позднее Дюркгейм, которому принадлежит известное определение социального факта как специфических образов мыслей, действий и чувствований, стремился изучать статистику социальных явлений. Но в определении факта этого момента он не включил: статистическая характеристика не стала существенным признаком и методологическим требованием социальной науки.

«На современном уровне развития методов эмпирического знания понятие "научный факт", — говорит В. А. Ядов, — приближается к понятию "статистический факт"»¹. Таким образом, понятие факта связывается с определенным уровнем его познания. Вспомним слова Локка: «Факт всегда выражает что-то единичное», и очевидность изменений становится еще большей.

Об этом же свидетельствует и другое определение статистического факта. В. С. Немчинов рассматривает статистические факты как «типические сводные числовые характеристики, основанные на специально организованном массовом наблюдении социальных явлений»². Вряд ли нужно говорить о том, что специально организованное массовое наблюдение — определенный продукт и этап развития социального знания и не относится к любому факту социального знания на любом этапе развития социологических воззрений.

О связи определения, понимания исторического факта с уровнем исторической науки говорит А. Я. Гуревич. Соответственно изменению исторического знания на каждом его этапе «вырабатывается особое понимание факта, соответствующее общему состоянию исторической науки и методологии в целом»³. Определения факта развиваются и соответственно углублению различных аспектов философского знания, в частности логико-методологических аспектов. Таково, например, определение факта как упорядоченного научного описания явлений, факта как отражения "эмпирического объекта и т. д.

Сказанное, разумеется, не означает, что все определения факта должны рассматриваться только как «этапные» его характеристики, соответствующие уровню развития знания, и что к каждому мы должны относиться именно так. Определение В. И. Лениным социального факта как общественных

¹ В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5.

² В. С. Немчинов. Социология и статистика. — «Социология в СССР», т. 1, стр. 331.

³ А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт. — В сб. «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М., «Наука», 1970, стр. 78.

(С. 146) действий личностей, рассмотрение Ф. Энгельсом фактов естествознания как предметных форм материи — это определения, схватывающие онтологическую и гносеологическую специфику факта. Эти определения сохраняются в ходе движения науки как выделение ядра факта: объекта фактуального знания. Но рядом с ними должны существовать и те характеристики, которые дополняют данные, подчеркивая особенности 'выявления объектов, и тех методов, которыми осуществляется их изучение, и т. д. И эти характеристики, их движение и изменение являются показателями изменений и развития

фактуального знания. Те и другие должны существовать в единстве и тесной связи. Но при этом основой являются общие гносеологические характеристики, вскрывающие сущность, природу, специфику факта, — характеристики, которые могут быть отнесены к разным формам знания, к разным его проявлениям — к знанию вообще¹.

Факт и теория в современном знании. Мы уже сказали, что актуальной, привлекающей к себе внимание проблемой является соотношение фактов и теории на современном ее уровне — теории, отличающейся высокой степенью обобщенности, сложностью языка, высоким уровнем абстрактности и относительной самостоятельности. Каковы же основные линии ее связи с фактами, изменились ли решающие принципы и основы этой связи? Остается ли факт необходимым условием и фундаментом построения современного теоретического знания?

Как отмечается в уже упомянутой нами статье «Теория» («Филос. энцикл.»), среди многообразных типов теории выделяются:

1) описательные (эмпирические теории), непосредственно охватывающие группу объектов и процессов (теории Дарвина, И. П. Павлова, психологические и т. д.). Их задача — упорядочение, систематизация фактов, обнаружение связывающих их законов. Формулируются они в терминах, обычных для естественных языков, правила использованной здесь логики специально не проверяются;

2) математизированные теории, весьма специфичные для современного знания. Ядром их являются принципы и правила математического вывода, как правило, интерпретированного на различных объектах. Широкая формализация

¹ К названным общим определениям факта можно было бы отнести и то, которое сформулировано Юмом («факт есть существование объекта или же его свойств». — Соч. т. 1, стр. 192), однако, хотя здесь есть довольно точное выделение ядра фактуального знания (существование объекта и его свойств), здесь нет другого чрезвычайно важного момента: нет раскрытия природы объекта, т.е. отнесенности факта к реальному миру и к его познанию, которое необходимо для философского определения.

(С. 147) дает простор для разных вариантов интерпретации, используемой и в естественнонаучном и социальном знании (например, конкретная экономика);

3) дедуктивные теоретические системы, к которым относятся аксиоматические (например, «Начала» Эвклида), конструктивные и гипотетико-дедуктивные теории.

Именно этим последним посвящается большая литература, очень много места им отводит современный позитивизм, и анализ проблемы факта в современном знании идет так или иначе через призму положений о гипотетико-дедуктивной теории. Коснувшись их, мы сумеем ответить и на интересующий нас вопрос о соотношении здесь теории и факта, отметив одновременно, в чем заключается идеалистическая позитивистская абсолютизация одной из сторон этого взаимоотношения. Однако скажем сначала о других типах теории.

Описательные и дедуктивные теории существенно отличаются по своим формальным характеристикам. Напомним, что, как уже отмечалось выше, «в теориях дедуктивных основной упор делается на правила вывода, факты играют здесь роль вспомогательную, в теориях недедуктивных правила логики выделяются в качестве условия, фигурируя как бы в подтексте теории, составляя ее фон, центр тяжести же переносится на упорядочение хода наблюдения и эксперимента»¹. Поэтому, не развертывая характеристик описательных теорий, где место и значение фактов сомнения не вызывает, тем более, что их задача и состоит в упорядочении обширного базиса относящихся к ней фактов, остановимся подробнее на особенностях математических и дедуктивных теорий.

Применение математических теорий осуществляется в различных отраслях науки; в наибольшей мере распространены они в физике.

Развитие и совершенствование аппарата математики идет здесь непрерывно. Если в науке прошлых столетий роль математики сводилась к установлению связей между физическими величинами и сокращенной записи результатов опыта, то конец XIX и XX век

поставил перед математикой новые задачи. Они вытекали из сложности эксперимента, требующего предварительного предсказания качеств прибора и теории ожидаемого явления. Они вытекали из отсутствия наглядности, восполняемой математической моделью; иногда эти математические решения могли заменить собою эксперимент. Наконец, существуют такие объекты, которые вообще невозможно зафиксировать, судить о них можно по косвен-

¹ См.: А. А. Зиновьев. О структуре научного знания в диалектике и формальной логике. — В сб. «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962.

(С. 148) ным данным, подсказанным математическими расчетами. Так, например, расчеты показали, что некоторые частицы, время жизни которых необычайно мало (10^{22} - 10^{23} сек) должны изменить картину движения других, более устойчивых микрочастиц. Их след должен был проявляться в образовании специфических «пиков» на экспериментальных кривых. Эти «пики» действительно были зафиксированы, а тем самым доказано существование особых микрообъектов — «резонансов»¹.

Важно отметить, что без математических теорий случайный поиск не мог бы привести к таким результатам. Ведь даже вероятность случайного экспериментального обнаружения электромагнитных волн, предсказанных Максвеллом на основании систем уравнений электродинамики, была, как считают специалисты-физики, чрезвычайно малой.

Однако как ни велика здесь роль математики, нелепым было бы представление о том, что здесь работает чистая математическая схема, вне связи с эмпирическим материалом физики.

Ведь в любом из названных выше примеров фигурируют опытные данные; резонансные частицы сопоставляются с более стабильными, учитывается их взаимодействие. Что касается открытия Максвелла, то известно, что последний опирался на результаты опытов Фарадея, Кулона, Эрстеда и систематизировал их на языке математики. Другое дело, что подобное обобщение открывает чрезвычайно широкие возможности расширения пределов теории, ее развертывания как «открытой» системы (авторы упомянутой выше статьи называют такое расширение возможностей физики принципом «гносеологического продолжения», подчеркивая непрерывное его расширение как закономерность развития науки). То же относится и к другим, распространеннейшим классическим примерам эвристической ценности математики.

Так, пример открытия позитрона Дираком на основе математического предсказания, который обычно приводят как подтверждение выдвинутого выше тезиса (мы возьмем именно классические примеры), говорит не только об эвристической роли математики. Дирак выводил уравнение электрона, опираясь на уравнения Шредингера. Последние содержали обобщение громадного эмпирического материала, устанавливающего различные спектры значений энергии атома (на основе их сопоставления Шредингер и пришел к выводу о возможности сформулировать соответствующее дифференциальное уравнение, спектр собственных значений которого соответствовал этому спектру значений энергии). Более того,

¹ См. подробнее: Ю. Б. Румер, М. С. Рывкин. Роль математических методов в физике. — «Вопросы философии», 1967, № 5.

(С. 149) когда на основе этих уравнений электрона Дирак предсказал существование соответствующей ему античастицы, он считал этой античастицей протон. И именно опыт направил и определил иное решение проблемы¹.

Сказанное относится не только к Дираку и Шредингеру, а к любому физику-теоретику. Характерно, что В. Гейзенберг, который видит в математике основу науки и, более того,

системы самой реальности, характеризуя творческий метод Н. Бора, отмечал, что он исходил «не из математического анализа положенных в основу теории предположений, а из интенсивного изучения самих явлений, что позволяло ему чувствовать взаимосвязи скорее интуитивно, нежели выводить их формально»².

Определенных, более специальных разъяснений требует понятие гипотетико-дедуктивной теории, тем более, что современный позитивизм часто говорит о ней как об идеале знания, доказывающем возможность аксиоматического построения знания без апелляции к фактам.

В основе гипотетико-дедуктивной теории лежат определенные принципы или постулаты. Все ее следствия вытекают из этих постулатов и проверяются опытными данными, с ними же связаны и введенные в систему науки теоретические понятия, которые объясняются и эмпирически интерпретируются. Итак, очевиден и дедуктивный характер этой системы: все выводится из исходных принципов и лишь затем подтверждается опытом. Гипотетичность теории понимается в том смысле, что эта система вследствие неограниченной общности ее положений развертывается непрерывно, из нее выводятся новые следствия и выдвигаются новые опытные подтверждения этих следствий³.

Неопозитивисты, ссылаясь на гипотетико-дедуктивную систему, говорят о вторичности опыта, а значит о роли факта лишь как основы интерпретации теории, но не ее возникновения.

Попытаемся разобраться в том, меняется ли в принципе связь фактов и теории в указанном типе теоретической конструкции.

¹ См. об этом подробнее: В. А. Амбарцумян. Современное естествознание и философия. — В кн. «Философия и современность», стр. 246-247.

² В сб.: «Нильс Бор. Жизнь и творчество». М., «Наука», 1967, стр. 6.

³ См.: В. С. Швырев. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966, стр. 114-116.

Г. Фейгл говорит о будущем гипотетико-дедуктивной теории как самой строгой теории естественнонаучного знания, но считает, что это именно естественнонаучная теория; К. Поппер в заключительной части «Нищеты историзма» говорит, что это и система теорий социального знания, хотя почти не обосновывает этого положения.

(С. 150) Примерами гипотетико-дедуктивных систем могут служить ньютоновские «Математические начала натуральной философии», в основе которых лежат три закона механики; частная теория относительности: 1) принцип постоянства скорости света, 2) принцип инвариантности, 3) общая теория относительности: принцип эквивалентности массы и гравитации.

Откуда же черпает наука эти принципы?

Анализ построения физического знания методом принципов наряду с методом модельных гипотез и математических гипотез был проведен С. И. Вавиловым. Метод принципов означает выдвижение обобщающих постулатов и законов, объединяющих широкий круг явлений (без выдвижения гипотез о внутренних механизмах изучаемых явлений). Он непосредственно опирается на факты: причем в принцип возводится общий факт, достаточно твердо установленный и подтвержденный: «... обобщение выражается только в распространении найденного опытного факта на более широкую группу явлений». При этом «в конкретной формулировке принципа содержится только констатирование опыта в адекватной математической форме»¹. Эта связь с опытом, говорит С. И. Вавилов, и создает прочность достигнутых результатов: «... принципы могут обобщаться, несколько изменяться, дополняться, но рушиться они не могут, поскольку они суть выражения прямого опыта»².

С. И. Вавилов говорит о достоинствах и об ограниченности метода принципов (т. е. гипотетико-дедуктивной теории в его современном обозначении). Ограниченность в том, что она не проникает в глубь процессов, давая скорее функциональную их характеристи-

ку, что чрезвычайное расширение сферы опытных данных как бы «спрямляет», упрощает принцип, снимает ряд весьма важных его аспектов и характеристик³.

Об ограниченности ГДТ говорит и Г. И. Рузавин. Он отмечает следующие моменты: а) она отвлекается от изменений, происходящих в исследуемых объектах, рассматривая их как статичные; б) общие принципы представляют упрощенные представления, идеализации; в) соответствующая принципам известной теоремы Геделя внутренняя ограниченность. Поэтому автор считает, что здесь скорее могут быть рассмотрены эмпирические зависимости, чем механизм исследуемых

¹ С. И. Вавилов. Собр. соч., т. III. М., АН СССР, 1956, стр. 156.

² Там же, стр. 385.

³ Анализ указанных положений см.: «Философия естествознания». М., 1966, стр. 92-96. Л. Б. Баженов считает, что, в частности, одной из причин энергетизма явилась чрезмерная экстраполяция метода принципов в изучении термодинамических явлений.

(С. 151) явлений¹. Недостатки ГДТ отнюдь не снимают ее достоинств и значения. Известно, сколь важны широкие фундаментальные принципы, объединяющие едиными законами широкий круг явлений. Да и вообще, нуждаются ли в рекомендациях принципы классической механики Ньютона или теория относительности Эйнштейна? Поиски фундаментальных идей естественны для всякой науки, и их обнаружение — крупнейшее событие в ней. Но факты, не очевидно выступающие здесь, в аппарате самой теории, лежат в основе ее возникновения. Об этом говорят и сами ученые. Так, Эйнштейн пишет о Ньюtone: «Ньютон не только создал отдельные гениальные ведущие методы, он в совершенстве владел всем известным в его время эмпирическим материалом и был исключительно изобретателем в нахождении математических и физических доказательств»².

Или: теория относительности, говорит он, возникла из невозможности «объяснить опытный факт равенства тяжелой и инертной масс», «обнаружить движение Земли относительно светонесущей среды». В то же время она опирается «на все опытные данные, подтверждающие... теорию электромагнитных явлений». Или еще более категорически: теория относительности «... возникла не умозрительным путем, а в результате стремления как можно лучше удовлетворить данным опыта»³.

Итак, связь с опытом, апелляция к нему в гипотетико-дедуктивной теории несомненны. Очевидно также, что в силу ограниченности ее объяснительных возможностей вся система знания не может быть сведена к гипотетико-дедуктивному знанию и не может быть им исчерпана, хотя несомненны и весьма привлекательные качества теории: ее упорядоченность, широта, непрерывный процесс эмпирического подтверждения. Но мы говорили и о том, что широкие, фундаментальные теории нуждаются не в меньшей мере в теориях среднего ранга. А эти последние не просто выводятся из более общей теории и опираются на нее, они в то же время опираются на факты, эмпирические зависимости, вне которых было бы невозможно их появление. Таким образом, систематизация знания — сложный процесс, не поддающийся единому строю и ранжиру.

Выдвижение принципов гипотетико-дедуктивной теории

¹ Г. И. Рузавин. Роль гипотетико-дедуктивного метода... — «Вопросы философии», 1968, № 7, стр. 66.

² А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. III. М., «Наука», 1965, стр. 109.

³ Там же, стр. 7, 385.

(С. 152) (правильнее было бы отнести это к теоретическому знанию вообще) поставило логику науки и перед следующим вопросом. Выдвижение научных принципов, а также обоснование теоретических законов, научные открытия вообще нельзя рассматривать как прямой индуктивный вывод из опытных данных. Здесь осуществляется качественный ска-

чок, перерыв постепенности, не укладывающийся в рамки логических систем, выдвинутых неопозитивизмом в качестве систем организации «готового знания», не укладывающийся в рамки сложившихся логических представлений вообще. Эти процессы недостаточно освоены и осмыслены. Наука о творческом мышлении, о его логике, об интуиции, являющейся важным, специфическим творческим актом, делает еще первые шаги, хотя и опирается на весьма значительный материал фактов интуиции и на еще большее количество ее определений и предположений.

Однако нет оснований считать все эти творческие процессы некими мистическими отступлениями от той реальной базы, на которую опирается наука. Ведь и интуитивное постижение явления всегда имело в качестве своей предпосылки богатейшую фактическую информацию и долгую предшествующую работу мысли. Но здесь ход мысли оказывается свернутым, результат как бы предваряет ход доказательства. Гаусс, например, писал: «Мои результаты мне давно известны, я только не знаю, как я к ним приду».

Эти явления получают довольно причудливое освещение в философии неопозитивизма, причем очень часто именно в связи с проблемой гипотетико-дедуктивной теории.

К. Поппер в «Логике научного открытия» пишет, что, поскольку новое неожиданное открытие не укладывается в рамки существующих и сформулированных логических методов, «...каждое открытие заключает в себе иррациональный элемент или творческую интуицию в том смысле, как ее понимал Бергсон»¹.

Несколько иное решение выдвигает Маргенау. Исходные положения дедуктивных схем в физике априорны (хотя, в отличие от Канта, Маргенау не считает все теоретическое знание априорным). Они (исходные положения) не имеют никакой связи с фактами опыта, вернее — опытного наблюдения (*empirical observation*) и потому в науку «вписывается» даже понятие бога².

Известно, что позитивизм стремится по возможности избегать крайностей. Такие сущности, как бог, это тоже «метафизика». Но Маргенау не смог избежать подобного решения

¹ К. Поппер. *The Logic of Scientific Discovery*, p. 32.

² See: H. Margenau. *Does Physical Knowledge Require A'Priori?* — In: «*The Nature of Physical Knowledge*». 1960, p. 67-68.

(С. 153) именно из-за того, что исходит из установки об априорном характере принципов, об отрыве знания от опыта.

Нельзя не отметить, что далеко не во всех случаях мы встречаем такие крайние решения. Но какими бы они ни были, скачок мысли, разрыв постепенности в ее движении получают в конечном счете «внеэмпирическое» обоснование.

Рейхенбах, который не хочет принять иррационалистического обоснования этого перехода, категорически разделяет логическое обоснование вывода и научное открытие. Последнее вообще должно быть исключено из логики, а значит и из философии науки, ибо философский анализ, по его мнению, не может быть никаким другим, 1 кроме анализа в рамках традиционной логики. Таким образом, Рейхенбах избегает иррационализма, но он не может уйти от позитивизма.

И даже Эйнштейн переход от накопления опыта к принципам теории рассматривает как свободную игру понятий².

Вернемся к исходному материалу. Анализ гипотетико-дедуктивной теории говорит о несомненности научного прогресса по пути более широкого развития фундаментальных идей, объединенных в строгую логическую дедуктивную систему, и в то же время о том, что, входя более сложными путями в систему знания, подвергаясь здесь более сложным преобразованиям, факты науки продолжают быть основой и ее возникновения, и построения, и проверки. ГДТ свидетельствует о том, что в переходе от фактов к принципам теории осуществляется «своеобразный перерыв непрерывности..., диалектический скачок, в основе которого накопление опыта»³. Это же в несколько иной форме относится и к математическим теориям. Если исходить из идеалистического истолкования теорий мате-

матики как формальных систем, которые «... ничего не говорят нам о мире», а «... просто устанавливают отношения, которые имеются между некоторыми понятиями не потому, что мир обладает такой-то структурой, а только потому, что эти понятия определены соответствующим образом»⁴, то действительно можно думать, что открытия в науке — результат логического вывода крупного ученого. Однако анализ любого научного открытия, произведенного на основе тех методов, которые С. И. Вавилов назвал методом «математических гипотез», опять-таки доказывает, что теории эмпирических наук исходят из опыта не «в конечном счете», а именно в своей основе. Та или другая математи-

¹ See: H. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy. N. Y., 1969, p. 230-231.

² См.: А. Эйнштейн. Физика и реальность, стр. 133.

³ Т. И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки, стр. 107.

⁴ Р. Карнап. Философские основания физики, стр. 47.

(С. 154) чская теория вводится в науку потому, что ее логика соответствует логике рассматриваемых здесь процессов.

Итак, какие бы аспекты теории мы ни рассматривали, мы видим факт в качестве другого ее полюса и необходимого компонента. То же относится и к факту. Их отношение становится все более сложным и многогранным, но оно остается решающим и неизменным. Соотносительность факта и закона как выражение онтологических и гносеологических характеристик действительности и ее познания дополняется в гносеологическом аспекте отношением «факт — теория», которое означает вместе с тем единство фактов и раскрытых в ходе познания теоретических законов, представляющих обнаружение внутренней объективной основы фактов, их объяснение на уровне сущности разных порядков. Углубление теории создает основу для более широкого развертывания фактов, но не снимает необходимости фактического обоснования и подтверждения теории, а также закономерностей развития теории, под влиянием, новых, революционизирующих, ее фактов.

(С. 155) ТЕМА 5. ФАКТ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Лекция 11. Факты в развитии общественного сознания. Место факта в идеологическом и социально-психологическом отражении

Общественное сознание в любом из своих срезов и уровней оказывается теснейшим образом связанным с фактом. Незавершенность проблемы факта является одним из главных обстоятельств, объясняющих, почему при всей важности и несомненности этой связи о ней, по существу, не говорят. Правда, не став еще предметом строгого анализа в нашей литературе, этот тезис «работает» и реализуется практически, а кроме того, все более определенно выдвигается в ходе анализа развития форм общественного сознания. Об этом, например, свидетельствуют обсуждения вопросов о месте факта и документа в искусстве, анализ форм и методов политической пропаганды.

О некоторых моментах этой связи мы уже говорили, когда отмечали все более активное развертывание апелляции к факту в различных формах общественного сознания. Однако и этот вопрос нуждается в дальнейшем обосновании и конкретизации, а тем более нуждаются в дополнительном исследовании вопросы, касающиеся роли факта в социально-психологическом отражении, в распространении и усвоении идей, в формировании знания, т.е. проблемы факта, повернутые к человеку, воспринимающему и усваивающему систему общественных идей сквозь призму и на основе фактов его индивидуального и общественного опыта.

Факты в развитии общественного сознания. Сообразно своим специфическим особенностям разные формы общественного сознания, опираясь на факты действительности,

по-разному фиксируют, сохраняют и перерабатывают их.

Теснейшим образом с фактами действительности, их отражением связаны политические идеи. Здесь обобщение мате-

(С. 156) риала жизни наиболее быстро и решительно идет по «горячим следам» явлений и событий. У ученого и политика очень много общего: необходимость точно фиксировать факты, обобщать их, уловить тенденцию их развития и объединяющую их закономерность. Но между ними есть и существенные различия. Ученый, исходя из реальных фактов, выявляет в наиболее чистом виде тенденции социальных процессов, создает их общие модели. Политик же сталкивается с «неочищенной эмпирией», с непрерывно меняющимися фактами, сплетающимися в разных комбинациях.

Различие между политиком и ученым и в том, что необходимость быстрой оценки и столь же быстрого принятия решения для первого затрудняется неупорядоченностью фактов, тогда как ученый может их отобрать, классифицировать, подтвердить, сопоставить, воспроизвести экспериментально или, в крайнем случае, подождать их уточнения, искать более четких и обобщенных фактов, например статистических, тогда как политик не может ждать. «Ясной картины экономической истории какого-либо периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, когда собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает»¹. И потому лишь немногие, действительно великие деятели, могли соединять в себе качества ученого и политика. Энгельс отмечает удивительное умение Маркса «... дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с до сих пор непревзойденным совершенством». Такие же качества, которые усиливались задачей непосредственно руководить событиями и направлять их, отличают В. И. Ленина.

Мы уже говорили об особенностях отражения фактов в философии (лекция 1). Философия опирается чаще всего на обобщенные факты, что связано с особенностями ее предмета и метода. Развитие науки создает базу для использования более строгих и точных, более репрезентативных фактов. Она продолжает оставаться обобщением всей системы практической деятельности человека, включая и его обыденный опыт. Философия опирается на факты даже и тогда, когда исходит из принципов, противоречащих их природе. Можно ли считать случайным, что в самой абстрактной части философской системы Гегеля — «Науке логики» — дана масса интереснейшего конкретного материала, отражающего опыт науки начала XIX в? И в самом деле, «мышление основывается на

¹К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I. М., 1948, стр. 91-92.

(С. 157) эмпирических данных даже тогда, когда вступает в противоречие с ними»¹.

Способность использовать факты, их объем, глубина и точность, особенности их оценки и обобщения, эвристическая ценность этого обобщения, а также теоретически осмысленное отношение к фактам науки и действительности, сформулированное в данном философском учении, — важные показатели уровня и характера различных философских течений.

Факты жизни, действительности являются основой и такой формы сознания, как искусство. Известно, что здесь факты отражаются в специфической форме, поскольку художественное освоение мира предполагает самый широкий размах художественного вымысла, творческой фантазии и инициативы художника, поскольку индивидуальность художника проявляется не просто в осмыслении факта и достаточно широких выводах из него, а в непосредственном воплощении идеи через факты, которые созданы воображением художника, но служат для того, чтобы глубже и полнее была понята и осмыслена реальная жизнь (мы говорим здесь прежде всего о литературе, кино, драматургии). Но каким бы широким ни был простор для деятельности художника, правда жизни является условием сохранения художественной правды, сохранения смысла, содержания, возможностей

существования данного произведения как произведения искусства. Мало одного таланта, нужно глубокое знание жизни и наблюдение за ее фактами.

Жизненная правда, давление ее фактов и тенденций могут поднять художника над его же собственными политическими и другими оценками. Широко известны слова Энгельса о творчестве Бальзака, Ленина — о Толстом. Однако нам хотелось бы обратить внимание еще на одну интереснейшую и гораздо реже освещаемую мысль Ленина: если художник выступает даже с позиций реакционных, но знает и использует факты жизни, его произведения могут быть по крайней мере интересным художественным свидетельством оценки этих фактов с позиций тех сил, идеалы которых воплощены в его творчестве. Если же он этих фактов не знает, то ничего заслуживающего внимания создать не может. Об этом Ленин говорит в небольшой статье по поводу книги А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Ленин отмечает здесь, что «дошедшая до кипения ненависть» определила особенности этой книги, отдельные места которой «ярки до поразительности», потому что «большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал».

¹ Т. И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки, стр. 99.

(С. 158) Подобное освещение революции глазами «представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, обьевшей и объедавшейся России» интересно и чрезвычайно показательно для нас.

Но вот, пишет Ленин, когда Аверченко посвящает часть книги теме, ему неизвестной (он изображает Ленина в домашней жизни), «выходит нехудожественно.... Злобы много, но только непохоже...». Аверченко не знает действительных фактов и заменяет их вымыслом. Между тем, чтобы «...талантливо написать, надо их знать...»¹. Таким образом, без знания фактов писатель ничего создать не может — такова главная мысль Ленина.

Мы не можем рассматривать здесь все формы сознания, поэтому не останавливаемся, в частности, на правосознании и морали, хотя очевидно, что здесь факты действительности, а также их отражение в политическом, художественном сознании, в науке, философии играют чрезвычайно большую роль.

Итак, факты, их система — эмпирическое знание составляют важный момент и одну из исходных основ формирования идей, отражающих общественную жизнь в богатстве и разнообразии различных форм. «Никакое творчество невозможно без открытия, без предвидения или, говоря общо, без познания объективно-реальных фактов...»².

«Фактичность» — условие реализации общественной идеи. Сказанное выше не исчерпывает значения факта. Он является не только основой фиксирования действительности в данной форме сознания: он выступает так же, как условие выражения идеи.

Так, очевидно, что никакая четкая политическая идея и программа не может быть сформулирована в виде одних лишь общих формул. Эти последние без фактического их обоснования В. И. Ленин называл «политической трескотней»³.

Вне фактов науки и практики нельзя сформулировать и философские идеи. Приведенный выше пример использования фактов в «Логике» Гегеля объясняется также и тем обстоятельством, что рассматриваемые им категории не могли бы быть развернуты вне апелляции к фактам, хотя нет понятий более общих, а значит и наименее «привязанных» к конкретным фактам, чем философские категории.

Эти же положения относятся и к другим формам сознания. Так, литература и искусство не только вырастают из фактов, а оказываются связанными с фактом во всем их со-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 249.

² Ленинская теория отражения и современность. Гл. ред. Т. Павлов. София, «Наука и искусство», 1969,

(С. 159) держании и воплощении: через факты реализуется идея, заложенная в художественном произведении, через факты раскрываются все основные характеристики героев, их действия, их отношения. Факты в произведении искусства могут быть и прямым, непосредственным воспроизведением фактов действительности, могут быть весьма удалены от них, но тем не менее «фактичность» как способ организации материала и реализации идеи будет сохранена и здесь. Нельзя забывать и о том, что особенности способов воспроизведения фактов тоже не могут считаться чем-то произвольным. Они диктуются не просто волею художника и особенностями его таланта, а в значительной мере «навязываются» ему характером действительности, задачами, которые ставит перед собою художник, требованиями, которые предъявляются эпохой. Так, отнюдь не случайно столь широко распространился в наши дни документальный жанр — воспроизведение строго документированных, реальных фактов.

Множество сильных и глубоких, составивших эпоху в советском искусстве документальных произведений появилось непосредственно после Великой Октябрьской революции и особенно широко в искусстве 20-х годов. Началом этого жанра были «Десять дней, которые потрясли мир» Д. Рида. Документальные произведения были ведущим жанром и в киноискусстве.

В годы первых пятилеток необычайно широко распространился жанр художественного очерка. «Широкий поток очерков, — писал А. М. Горький, — явление, какого еще не было в нашей литературе. Никогда и нигде важнейшее дело познания свой страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас...»¹.

Произведения, очень разные по форме, по художественной манере, по размаху и охвату материала, но сближающиеся по общему стилю документа — репортажа — очерка, по публицистической направленности, дала Великая Отечественная война.

Это сопоставление показывает, что существеннейшей особенностью документального искусства является его распространение в периоды, отличающиеся очень большой общественной активностью², насыщенностью событий, их напряженностью, динамизмом. События эти поистине драматичны и в то же время настолько поразительны, что, воспроизведен-

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 25. М., Гослитиздат, 1953, стр. 257.

² Напомним, что социальные факты, как определяет их В. И. Ленин, — это общественные действия личностей (см.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 423-424). Периоды крупных революционных сдвигов рождают именно эти общественные действия, которые как конкретные проявления массового героизма и фиксирует документальная литература.

(С. 160) ные не в документальной, а в какой-либо другой художественной манере, они кажутся неправдоподобными. Так, например, неправдоподобным показался бы роман о безном летчике.

Нельзя не видеть, что эта убедительность реального факта и документа становится не менее сильным психологическим фактором, когда речь идет не только о положительных явлениях, но и о явлениях отрицательных, выступающих как показатель кризисных моментов, моментов глубочайших провалов сил реакции. И здесь язык фактов убеждает в наибольшей мере. Поэтому и о зверствах фашизма, о глубине его политического и нравственного падения, о нравственной нищете его вождей лучше всего свидетельствуют документальные повести.

Любопытно следующее обстоятельство. Известный французский писатель Р. Мерль по материалам Нюрнбергского процесса написал роман «Смерть — мое ремесло». Эта книга о коменданте Освенцима Гессе. Желая показать, что образ носит обобщенный характер,

он дал ему взамен действительного другое, вымышленное имя (Ланге). Позднее в предисловии к своей книге «Разумное животное» Р. Мерль писал, что жалеет об этом, так как замена имени снизила убедительность образа.

Особенная сила воздействия отрицательного факта, резко отрицательное не только рациональное, но и эмоциональное отношение к нему создаются тогда, когда мы знаем, что за ним стоит фиксация реального события, представляющего нечто достаточно массовидное. Именно обычное, «будничное», массовидное выделяет художник, когда выбирает документальные факты, которые он использует как орудие обличения. «Обыкновенный фашизм» — назвал свой фильм М. Ромм. И точно так же — «Обыкновенное убийство» — называет известную документальную повесть Трумэн Капоте, и действительно рассказывает об одном из тех обыкновенных убийств, о которых ежедневно сообщают американские газеты. Но именно эта «обыкновенность» убийства и убийц, которую Капоте передает необычайно убедительно, потрясает с особенной силой.

«Я всегда чувствовал, что если соединить искусство романиста с техникой репортера, художественное мастерство с точными фактами, — можно добиться особенной глубины и особенного впечатления», — пишет Капоте¹.

Итак, форма документального произведения диктуется остротой и напряженностью событий эпохи и, соответственно, остротой ее восприятия художником, диктуется его актив-

¹ «Иностранная литература», 1966, № 4, стр. 261.

(С. 161) ным, деятельным и действенным отношением к действительности. Объектом, который воспроизводится художником, могут быть и современность, и события прошлого. Но стремление к их документальному воспроизведению связано прежде всего с условиями современности.

Наиболее широкий круг произведений документальной литературы об Отечественной войне в самых разных ее формах был создан в течение последнего десятилетия. Причины этого известны. Преодоление культа личности, рост политической активности общества, развертывание богатства его духовной жизни, развитие общественного самосознания, а с ними и более углубленное осознание действительности и общественного долга обусловили и более глубокое мироощущение и активность как самого художника, так и его читателя.

Таким образом, факты — это и условие существования и реализации идеи. Мера «фактичности» определяется особенностями формы сознания и специфическими условиями ее функционирования в обществе. Пример документалистики говорит об этом достаточно красноречиво.

Факт в социально-психологическом отражении. Мы выделяли и подчеркивали идеологические характеристики общественного сознания. Но факт не менее связан и с социально-психологическим уровнем общественного сознания. Это относится к самым различным моментам, — мы перечислим их, остановившись более специально лишь на некоторых.

Известно, что общественная психология предшествует созданию идеологии. Не систематизированное до уровня теории общественное сознание опирается на факты индивидуального и общественного опыта и обобщает их, складываясь «под влиянием непосредственных условий существования всех социальных групп и каждого человека в отдельности»¹. С проблемой социально-психологического уровня отражения действительности и отношения к ней связаны опирающиеся на факты повседневного опыта «здоровый смысл», «наивный реализм». Хорошо известны положения Энгельса о корнях идеализма, связанных с эмпирическим опытом людей, которые, наблюдая удивительные проявления активности психики, могли объяснить их только существованием особой, оторванной от тела души.

Изучение социально-психологического «среза» общественного сознания в разных его аспектах тем более необходимо, что сознание масс далеко не сразу оформляется в виде развитой концептуальной системы мировоззрения. Такого мировоззрения не могло быть у масс ни в рабовладельческом, ни

¹ Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории. М., «Мысль», 1971, стр. 68.

(С. 162) в феодальном, ни даже в буржуазном обществе. Стройная и последовательная система научного мировоззрения масс складывается с возникновением марксизма, но первоначально овладевает ею лишь авангард пролетариата. Условия для овладения богатством знания в системе научного мировоззрения создает для масс лишь социализм. Но даже и здесь гармоническое развитие сознания у всех членов общества представляет собой процесс, осуществляющийся в ходе построения социализма и осуществления перехода к коммунизму.

Социально-психологическое выступает не только тогда, когда идеологическое неразвито. Оно всегда составляет момент, сторону, аспект отражения мира в сознании. Эта сторона восприятия проявляется в создании соответствующего данной идее строя чувств, настроений, эмоций, установок. Рациональное и эмоциональное в общественном сознании связаны самым тесным образом. Даже самые «рационалистические» формы сознания — философия и наука — не существуют вне эмоциональных моментов (без эмоций нет человеческого искания истины, говорил В. И. Ленин). Тем более очевидно существование социально-психологических моментов в политической идеологии, морали, искусстве, религии.

В формировании психологических отношения, настроения, оценки факты участвуют наиболее непосредственно. Непосредственность, данность фактов, их связь с практикой, их конкретность и индивидуальность, а также связанные со всеми этими моментами их наглядность и достоверность, вытекающие из близости к непосредственному опыту, выступают как основа и предпосылка их психологической очевидности и психологического воздействия. Вот почему так действуют на человека произведения искусства, создающие возможность самого близкого «сопереживания», соприкосновения с действительностью.

Не случайно и столь сильное психологическое воздействие документа.

Соприкосновение с документом, с реальным фактом действительно таит в себе необычайно глубокий психологический заряд. «... Спустя двадцать лет мне удалось встретиться в архивах с этими документами, уже пожелтевшими от времени. И то, что я снова их увидела и свою подпись переводчика под многими из них, было для меня потрясением.

... Извлеченные из залежей, наслоений лет, документы звучат иногда убедительнее обстоятельных рассуждений, приоткрывают характер и природу явлений, черты ушедшего времени и его действующих лиц»¹. Так пишет Е. Ржевская

¹ Е. Ржевская. Берлин, май, 1945. М., «Советский писатель», 1970, стр. 42.

(С. 163) о материалах последних дней войны, с которыми ей пришлось столкнуться сначала непосредственно, на фронте, где она была военным переводчиком, а потом и много лет спустя. Но для сохранения этого психологического заряда факты нужно суметь воспроизвести, создав эффект присутствия, соприкосновения с фактом, ничего не потеряв в этой передаче. Нужно суметь воспроизвести ту реальную конкретную ситуацию, чтобы сохранились ее острота, непосредственность, в то же время передать ее объемность, чтобы поновому можно было увидеть и узнать не только то, что было неизвестным или недостаточно известным, но и то, что было уже дано человеку в его опыте. Поэтому даже воспроизведение каждого отдельного факта, а тем более их сочетания, суммы, совокупности предполагает наличие большого художественного мастерства, художественной тонкости

восприятия, авторского почерка.

Психологическое воздействие факта пронизывает разные этапы становления сознания личности. Факт — основа возникновения знания, предшествующего обобщению. Факт — необходимое условие развертывания знания для индивида, активно осознающего мир и активно к нему относящегося. Рост творческой активности личности и общества означает усиление требовательности к фактической, достоверной информации.

Характерно, что обращение к документу, вытеснившее многие другие виды художественной и политической информации, распространилось в странах, где раньше господствовал фашизм. Широко распространены произведения документального жанра (Tatsachenbericht) в ФРГ.

«Западным немцам надоели мифы, пропаганда, ложь. Они жаждут новых фактов, документов, правды»¹. То же характерно для Италии, особенно для круга читательской молодежи².

Весьма интересно и примечательно, что тема гражданской войны в ее прямом документальном воспроизведении — одна из тех тем, которые в наибольшей степени интересуют серьезного читателя в Испании. «Через 30 лет после официального конца конфликта, расколовшего испанцев на два лагеря, книги, посвященные событиям, предшествующим войне и самим ее превратностям, — будь то испанские или иностранные названия, — все еще захватывают огромное число читателей»³.

¹ Л. Черная. Три биографии Вернера фон Брауна. — «Новый мир», 1970, № 9, стр. 188.

² См.: «Италия, молодежь, движение протеста». — «Иностранная литература», 1969, № 9, стр. 223.

³ Хосе Доминго. Книги и цифры. Письмо из Мадрида. — «Иностранная литература», 1970, № 11, стр. 216.

(С. 164) Психологическое воздействие факта затрагивает такой срез общественного сознания, как соотношение индивидуального и общественного сознания. Сознание различных эпох и периодов, различных классов и общественных групп формируется не только системой идей. Здесь в качестве активной самостоятельной силы выступает и сам факт.

Расстрел 9 января 1905 г. и Ленский расстрел, Хиросима и Нагасаки, нападение германского фашизма и победа советского народа в Отечественной войне, как и раньше победа Великой Октябрьской революции, — факты, направлявшие и формировавшие сознание разных классов общества. И тогда, когда процесс развертывания идей идет достаточно быстро и явно, подобные факты необычайно его активизируют и ускоряют. Более того, эти факты могут стать толчком для возникновения новых чувств и умонастроений, для пробуждения активности тех, кто до сих пор стоял в стороне от проблем, волновавших общество, его прогрессивные слои.

Приведенные нами факты — это события, затрагивающие формирование мыслей и чувств (но начинается здесь все именно с чувств) громадной массы людей, а значит и общественное сознание и сознание индивидуальное.

Своя «Хиросима» может быть и у каждого отдельного человека. Речь идет о фактах общезначимых, но для данного человека сыгравших особую роль, например смертный приговор, замененный каторгой, для Достоевского, казнь брата для Владимира Ульянова.

Но кроме общезначимых фактов основой поворотных моментов в самосознании личности могут быть и факты, в достаточной мере индивидуальные. Сомерсет Моэм рассказывает, как он разуверился в религии. Моэм в детстве заикался и очень страдал от этого. Воспитанный на убеждении, что бог, если его хорошо попросить о чем-то, всегда поможет человеку, он, принеся самую горячую молитву, стал ждать чуда. Чуда не произошло, и Моэм, не избавившись от своего недостатка, избавился зато от веры во всемогущество бога.

Факты в формировании знания и убеждения. Единство социально-психологического и идеологического, чувств и разума, эмпирического и теоретического

характеризует процесс становления знания и формирования убеждения.

Здесь нужно исходить, прежде всего, из следующего чрезвычайно важного момента: творческим процессом является не только открытие новых явлений, процессов, обоснование новых идей и принципов ученым, философом, политиком, художником. Открытие для себя каждым индивидом данной идеи, ее активное восприятие, ставшее моментом становления личности, частью ее мировоззрения, расширившей восприятие мира, — тоже акт духовного творчества. Подобно влия-

(С. 165) нию научного открытия на другие разделы и области знания, все то, что творчески осмыслено сознанием, не может просто стать рядом с другими идеями, оно затрагивает их, поднимая на новый уровень освоения мира. Поэтому факты и их система, являясь исходным базисом построения теории, играют ту же роль и в творческом мышлении личности: оно становится основой и условием подхода к теоретическому, базой для его понимания и освоения.

Таким образом, факты — не только «воздух» ученого. Это и условие движения мысли, постигающей открытия ученого. Факты — условие знания и понимания действительности, ее сущности, ее смысла, тенденций ее развития. Вот почему всегда, когда речь идет о действительном знании, о подлинном его усвоении, подчеркивается необходимость знания фактов.

Известный тезис Ленина о том, что всякая наука остается бесплодной, «пока не умели приняться за изучение фактов», прямо переплетается с его словами о путях усвоения научного знания, путях усвоения самой марксистской науки. Обращаясь к молодежи на III съезде РКСМ, Ленин говорил: «Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно»¹.

Ознакомившись с «Русской историей в самом сжатом очерке», Ленин просил ее автора М. Н. Покровского дополнить ее хронологическим указателем и соответственно дать строго последовательное изложение фактов.

«Учащиеся должны знать **и** Вашу книгу, **и** указатель, чтобы не было *верхоглядства*, чтобы **знали факты**».²

Задачу овладения фактами выдвигают всегда, когда речь идет о необходимости понять явления жизни, их глубокие сущность и смысл.

«О героической обороне Ленинграда написано много, — говорил маршал Г. К. Жуков. — И все-таки, мне кажется, о Ленинграде в годы войны, так же, как и о всех городах-героях, следовало бы создать специальную серию книг-эпопей..., построенных прежде всего на фактологическом, документальном материале, написанных искренне и правдиво».

И дальше: «Это стоило бы сделать, пока живы очевидцы и участники тех героических событий, пока все под рукой. И если верно, что нужно как можно скорее стирать с лица

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 305-306.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 52, стр. 24.

(С. 166) земли следы войны и разрушений, не омрачать ими жизнь живущих, то так же необходимо передавать поколениям облик и дух нашего героического времени»¹.

Итак, чтобы передать «облик и дух нашего героического времени», передать так, чтобы они были усвоены и восприняты поколениями, нужны прежде всего факты и документы.

При этом речь идет не просто о приобретении знаний, или, как говорят сейчас, о накоплении информации. Знание является подлинным знанием, когда оно становится убеждением.

Может быть, и можно запомнить, в чем суть материалистического понимания истории и исходных принципов коммунизма. Но чтобы их понять, усвоить, сделать частью активного восприятия мира и, тем более, основой деятельности, — одних этих общих положений совершенно недостаточно.

Точно так же, как и ранее, говоря об убеждении, мы сразу же обращаемся к психологическим и социально-психологическим особенностям этого процесса. Усвоение идеи, превращение знания в убеждение тем более предполагает определенное эмоциональное отношение к нему. Это доступный, осязаемый образ, затрагивающий воображение, чувства, вызывающий интерес и доверие. Эмоциональное же не может складываться без эмпирического знания потому, что именно это последнее имеет чувственную основу, что оно в той или иной мере непосредственно, наглядно и ярко. Более того, эмпирические факты, поскольку они непосредственно связаны с практикой, затрагивают, кроме общего, сферу индивидуального опыта индивида. Поэтому оно не просто ближе, понятнее, не только воспринимается, но и переживается и сопереживается субъектом и тем самым осмысливается на ином уровне. Формирование убеждения — процесс, относящийся не только к «рационалистическим» формам сознания, он идет и там, где на первый план выдвигается и фактор эмоциональный, но при том условии, чтобы за эмоциональным стояло соответствующее ему идейное обоснование и чтобы эмоциональный образ действительности переплетался и соприкасался с живым, реальным воплощением последней в опыте субъекта. Когда «опыт писателя сталкивается с опытом читателя, — говорит М. Горький, — ... только тогда и получается художественная правда — та особая убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей»².

Очевидно, что от личного опыта, складывающегося из

¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., изд-во АПН, 1969, стр. 343.

² М. Горький. О литературе. М., «Советский писатель», 1953, стр. 373.

(С. 167) круга индивидуальной и социальной практики индивида, — опыта, соединенного с суммой его знаний, от направленности интересов личности в целом зависят глубина, особенности, направление и характер этого творческого момента в познании. При этом, когда речь идет о наиболее высоком уровне творческого усвоения идей, эмоционально-эмпирическое в виде системы чувств и конкретных образов неизбежно сохраняется, дополняя и усиливая его логически-рациональное усвоение.

Лекция 12. Факты в формировании мировоззрения масс

Основоположники марксизма-ленинизма о месте фактов в пропаганде общественных идей. Положения о месте факта в формировании и развертывании общественного сознания являются теоретическим обоснованием принципов их пропаганды. В этой связи особенно важно, прежде всего, выделить и проанализировать положения основоположников марксизма-ленинизма, которые раскрыли не только важнейшие теоретические аспекты факта, но и принципы развертывания пропаганды, подкрепленные их опытом выдающихся пропагандистов и агитаторов.

Положение о необходимости пропаганды, опирающейся на знание фактов, тесно связанных с жизнью масс, с их интересами и опытом, о необходимости сложнейшей работы в этом направлении всегда подчеркивалось основоположниками марксизма-ленинизма как один из важнейших принципов агитационной работы среди масс. Это положение относится в равной мере и к пропаганде общих принципов мировоззрения трудящихся и отдельных частных его положений.

Так, обращаясь к членам Генерального Совета Международного товарищества рабочих в связи с проблемой заработной платы и требованием ее повышения, подвергавшимся критике, Маркс говорил: «Вы... должны иметь по этому вопросу твердо сложившиеся

убеждения. Поэтому я считаю своей обязанностью рассмотреть вопрос основательно, даже рискуя подвергнуть ваше терпение суровому испытанию». Этими словами начинается работа «Заработная плата, цена и прибыль», содержащая громадный фактический материал¹. В рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» Ленин, высоко оценивая ряд ее положительных качеств, в то же время отмечает как существенный недостаток «... отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам... подобные примеры... были бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 103.

(С. 168) очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров»¹. И там же: «Политическую экономию нельзя изучать так себе, *mir nichts, dir nichts*, без всяких предварительных познаний, без ознакомления с весьма многими и весьма важными вопросами истории, статистики и пр.»².

Эти же задачи строгого фактического обоснования Ленин формулирует, говоря о задачах политического воспитания масс.

«Поближе к жизни, — требует Ленин, — побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое*...»³.

Если политические идеи и идеалы формируются как абстрактные схемы, они не могут быть приняты и поняты массами не могут поднять их на борьбу. Их нужно облечь в плоть и кровь, учит Ленин. «Если не свести..., идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление»⁴.

То обстоятельство, что факты выступают как чрезвычайно важная основа усвоения идей, всегда учитывалось и в пропаганде реакционной идеологии. Так, реакционные политические идеи, распространяемые среди масс, всегда облачаются в форму фактов. При этом, как можно видеть в современной антикоммунистической пропаганде, используются приемы либо вырывания отдельных фактов, односторонне поданных и еще более односторонне интерпретированных, либо фальсификации фактов и, наконец, создания мифов, не имеющих ничего общего с действительностью, но тем не менее выдаваемых за реальные факты (например, миф «о красной опасности», миф о «национальной исключительности» и др.)⁵.

Стремление облечь свои идеи в форму якобы достоверного факта присуще и религии. Религиозные «чудеса», рассказы об удивительных событиях из жизни святых, об их поразительных деяниях создавались как средство психологического воздействия, которого не может оказать сама система

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 4, стр. 43.

² Там же, стр. 40.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 91.

⁴ См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 43.

⁵ Правда, использование объективных фактов возможно и здесь, но это делается, как правило, для создания атмосферы психологического доверия. «В подобных случаях, представляющих собой исключение из... обычной пропагандистской методики..., пропагандист должен стремиться таким путем завоевать доверие, чтобы подготовить свою аудиторию к дальнейшему восприятию «большой» лжи». Так объясняется суть этого приема буржуазной пропаганды в книге М. Чукаса (M. Choucas. Propaganda comes of Age. Wash., 1965, p. 116).

(С. 169) религиозных идей в чистом виде. В то же время то обстоятельство, что идеи религии стоят дальше всего от практики действительной жизни и противоречат ей (вместе с недостаточностью апелляции к факту), заставляло искать и другие средства идеологического и психологического воздействия. Отсюда столь развитая изощренность церковных

обрядов, отсюда и другие попытки приспособиться к идеологии и психологии верующих, по мере их изменения¹.

Борясь против реакционных идей, прогрессивные силы общества не могут не учитывать этих моментов. Противопоставляя идеям реакции идеи прогресса, нельзя забывать о том, что эти последние всегда должны быть строго, четко и в то же время достаточно ярко фактически обоснованы. При этом лживые, извращенные факты и мифы должны быть опровергнуты объективными, достоверными фактами. И эти все моменты подчеркнуты и разработаны в трудах основоположников марксизма. Особенно много и часто говорил об этом Ленин, формулируя задачи революционного воспитания масс.

В статье «Нечто об итогах и фактах» Ленин пишет: «Рабочие не могут строить *своей* партии, не борясь беспощадно со всякой ложью относительно нее. А чтобы разоблачить ложь, надо искать *точных* фактов, проверять их и обдумывать значение того, что проверено»².

Ленин говорит о необходимости живой, яркой, убедительной, доходчивой пропаганды: «Было бы величайшей ошибкой... думать, что многомиллионные народные... массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни...»³. Здесь же Ленин критикует работы по атеистической пропаганде того периода именно за то, что они представляют собой сухие пересказы, «... не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами...»⁴.

Ленин говорит, что наша пропаганда должна быть гибкой, развернутой, разносторонней; нужно подойти к массам

¹ Характерно, что в самое последнее время теологи идут по пути «демифологизации» христианства именно для того, чтобы библейская мифологическая картина, которая не согласуется со «здравым смыслом» современного человека, не подорвала его веры в принципы религии (см.: «Наука и теология в XX веке». М., «Мысль», 1972, стр. 7-11).

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 102.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 26.

⁴ Там же.

(С. 170) «... и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»¹.

Мы видим, что принципы фактического обоснования идей соответствуют характеристике фактуального, эмпирического знания: связь с практикой как источником возникновения и основой проверки, данность объектов в их конкретности и многообразии, богатстве проявлений и т. д. Но эмпирическое знание, подчеркивали мы выше, при всей его специфичности, относительной самостоятельности, несмотря на «упрямство» факта или вопреки ему, может быть подлинным знанием лишь тогда, когда оно соединено с *теоретическим*.

И это требование связи с теорией, пронизывания теорией, недопустимости изложения фактов в виде лишь сырого материала всегда настоятельно подчеркивал марксизм. Только «... верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации»², — говорил В. И. Ленин на II съезде РСДРП. Более того, Ленин, которому как вождю революции больше всего приходилось иметь дело с постановкой задач пропаганды и ее непосредственно осуществлять, всегда предостерегал от упрощенного представления действительности на азбучном уровне, ради ее простоты и доступности. В статье «О смешении политики с педагогикой» он говорил о том, что ради сегодняшнего успеха у массы, ради агитационного, эффекта нельзя принижать теорию до ее элементарного уровня. Простота объяснения по форме не должна означать «простоту» теоретическую. Известно, каким блестящим

оратором был Ленин, как слушали и понимали его массы. Но это достигалось умением привести факты, близкие и доступные людям, умением смотреть правде в глаза, какой бы жестокой и малопривлекательной она ни была, и в то же время умением все эти факты связать, объяснить причины трудностей и найти пути их преодоления, обрисовать задачи и перспективы — и все это прямо, просто и в то же время исключительно глубоко.

Ленин «... убеждает и этим увлекает, — пишет Клара Цеткин, — не при помощи звонких, красивых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой вскрывает то, что есть»³.

Эмпирический базис современного знания и его освоение. Расширение эмпирического базиса современного знания во

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 26.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 7, стр. 281.

³ Цит. по кн.: «Ленин — мастер революционной пропаганды». М., Политиздат, 1965, стр. 276.

(С. 171) всей его совокупности — закономерность бесспорная и очевидная.

Существование этой закономерности предполагает постановку ряда проблем, которые трудно решать только конкретно-практически, полагаясь на интуицию. Так, очевидно, что особенности современной эпохи и масса фактов, вызванных ею к жизни, многообразие фактов социального опыта..., богатство науки и практики не могут быть учтены каждым отдельным человеком самостоятельно, без использования различных каналов информации, которая при этом должна быть соответствующим образом обработана, упорядочена, осмыслена. И если раньше, при неразвитых средствах информации и менее широких социальных связях, человек в основном опирался на материал индивидуального опыта, выбирая общественный в той мере, в которой он так или иначе вплетался в этот его индивидуальный опыт, сфера сознания современного человека оказывается бесконечно более широкой.

Все это ставит нас перед множеством самых различных проблем. Это и проблемы объективности информации, проблемы широты ее охвата и необходимость выделения наиболее существенных явлений и т. д. Это и вопрос об единстве непосредственного и опосредованного, индивидуального и социального в опыте современной личности, — опыте, где они не отделены, а напротив, тесно переплетаются, тем более, что такие средства информации, как кино, особенно телевидение, создают «эффект присутствия» и «сопереживания».

Таким образом, факты общественной практики, дополненные колоссальным богатством фактического материала различных наук, требуют весьма продуманных форм не только их обобщения и интерпретации, но и любой предварительной информации о них.

Факты — условие всякого знания. Поэтому развитие нашего общества, рост сознательности и образованности самых различных слоев населения не снимают тех задач, которые: ставились перед пропагандой раньше. Нельзя думать, что ленинское требование ведения яркой и доходчивой пропаганды, необходимой для того, чтобы «пробудить» и «встряхнуть» массы, теряет свою актуальность в тех условиях, когда они (массы) в несравненно большей степени развиты и подготовлены к усвоению и восприятию идей, входящих в систему научного знания, научного мировоззрения. Напротив, растущий уровень масс предполагает и рост требования к работе по формированию все более углубленного и развитого знания.

Неизбежно встают и требуют своего решения вопросы о соотношении фактов непосредственного опыта, фактов донаучных и фактов, включенных в систему научного знания; о сложности факта и, тем не менее, необходимости воспроиз-

(С. 172) ведения его образа; об утрате наглядности при изучении явлений, выходящих за

пределы макромира, и необходимости создания определенной степени наглядности для усвоения и осмысления этих данных. Необходим анализ специфики фактического, эмпирического обоснования и подтверждения идей, затрагивающих разные сферы действительности, различные конкретные науки, а также проблемы морали, атеистической пропаганды, распространение философских знаний и т. д.

Все эти многообразные факты должны при этом излагаться с максимальной простотой и доступностью. Условия этой простоты при сохранении высокого уровня пропаганды — тоже важная и сложная задача¹.

Везде здесь так или иначе выступают вопросы, требующие и социально-психологического анализа: соотношение несистематизированного и научно упорядоченного знания, эмоционального и рационального, условия доказательности идей, специфика их обоснования и т. д.

Цели и задачи пропагандистской работы требуют и постановки собственно социально-психологических проблем.

Так, если усвоение идей зависит от особенностей индивидуального опыта личности, необходимо учитывать профессиональные, возрастные особенности аудитории, среди которой ведется разъяснение тех или иных идей, нужно учитывать особенности опыта и интересов, направленности деятельности различных социальных групп.

Социально-психологической является и проблема особенностей психологического воздействия различных фактов (играющих, например, роль положительного и отрицательного примера), анализ того, какой должна быть степень эмоциональной нагрузки, вызывающей ожидаемый эффект, мера дидактичности в подаче фактов и др. Известен так называемый «эффект бумеранга» — реакция, противоположная ожидаемой и выражающаяся в стремлении воспроизвести сообщенные слушателю (или зрителю) отрицательные факты.

Богатство фактов действительности, отраженных и зафиксированных в ходе общественного познания, предполагает также рост требования к теории, их обобщающей, непрерывное ее развитие. Соответственно этому возникают и определенные задачи, связанные с ее распространением и усвоением.

В наши дни задача соединения фактов с теорией выдвигается с не меньшей, а во многих отношениях, быть может, даже со все большей остротой, хотя специфика проблемы стала несколько иной.

¹ См.: «Слово лектора». Передовая статья газ. «Правда», 29 сентября 1970 г.

(С. 173) Ленин должен был специально разъяснять тезис о необходимости сохранения строгости и четкости теории в условиях, когда последнюю нужно было пропагандировать среди масс, ранее обреченных на «темноту, невежество и предрассудки». Понятно, какие трудности, связанные с усвоением теории, возникали для людей, впервые приобщавшихся к серьезному и глубокому знанию.

Изменения, принесенные социализмом, духовное раскрепощение масс сняли проблему и опасность азбучно-упрощенного изложения и восприятия теории. Но задача теоретического освоения богатства явлений действительности не упростилась, а наоборот, стала сложнее.

Важность более глубокого усвоения теории, теоретического анализа фактов связана с рядом обстоятельств, упирающихся в главное: для движения к коммунизму необходим рост коммунистической сознательности каждого члена общества. Это означает требование более глубокого освоения мира, важность которого усиливается тем, что сложнее становятся действительность, ее связи и отношения.

Рост коммунистической сознательности предполагает, далее, преодоление неравномерности в формировании различных сторон мировоззрения масс. Этот тезис нуждается в

некотором разъяснении. Формирование подлинно научного мировоззрения масс предполагает развитие политических, философских, эстетических и других воззрений; овладение системой знаний о природе, обществе, сознании, разрабатываемых наукой и философией; развитие атеистического мирозерцания и, более того, взаимопроникновение этих воззрений, создание их подлинного единства, определяющего цельный и гармоничный духовный мир личности. Такой уровень развития мировоззрения может быть результатом длительного развития личности, тем более сложным, что эти воззрения развиваются неравномерно: формирование одних сторон мировоззрения предшествует другим. Так, политические идеи.] более непосредственно связанные с базисом, с обоснованием экономических задач общества, а также со всей совокупностью внутри- и внешнеполитических событий, формируются быстрее. Идеи эстетические, философские, этические (если иметь в виду не просто элементарные правила общежития) для своего формирования требуют определенного уровня культуры и образованности членов общества, и сами потребности в овладении ими создаются по мере развития материальных и духовных условий общественной жизни¹. Формиро-

¹ См. сб.: «Проблемы развития коммунистического сознания». М., «Мысль», 1965, стр. 88-89.

(С. 174) вание цельного мировоззрения, охватывающего всю систему форм общественного сознания продолжает оставаться важной задачей воспитания масс.

Значение дальнейшего, все более глубокого теоретического анализа фактов обусловлено ростом научного знания, особенно усиливающегося по мере развертывания научно-технической революции, более широким проникновением науки во все сферы жизни общества. И дело здесь, с одной стороны, в необходимости глубоких и прочных знаний и, с другой — в необычайно широком потоке информации, которую по разным каналам получает каждый человек.

Разобраться в массе фактов, связанных со «взрывом» информации, тем более трудно, что многие из них «диковинны», не укладываются в рамки «здравого смысла», что по мере расширения знания и социального опыта субъекту приходится сталкиваться с противоречивыми, порой исключаящими друг друга фактами, что все более сложными становятся и сами факты и способы их фиксирования.

Наконец, усвоение теории и крепкая идейно-теоретическая закалка необходимы потому, что ввиду сложности и противоречивости фактов при все обостряющейся борьбе сил социализма и капитализма буржуазная идеология стремится воздействовать на сознание и осуществлять идеологическое наступление, используя известное оружие социальной демагогии: фальсифицированные или односторонне освещенные факты, вырванные из общей связи событий. В условиях распространения чрезвычайно широких и все более совершенных технических средств связи различные каналы враждебной нам информации практически нельзя уничтожить, но можно и нужно им противостоять. Средствами идеологической борьбы являются идеологическое наступление на капиталистическую, антикоммунистическую идеологию, высокий теоретический уровень пропаганды и широкая информация, предполагающая, таким образом, и широкое знание фактов, и глубокий и тонкий их анализ.

Важным условием преодоления влияния реакционной буржуазной пропаганды является также широкое ознакомление с ее методами и механизмами.

Мы уже говорили, что современный уровень информации, сложность ее содержания и целей требуют активного отношения к задаче ее распространения. Это значит, что нельзя идти на ощупь, полагаясь на стихийный опыт и интуицию. Нельзя полагаться лишь на эмпирический опыт и в отношении к принципам, механизму, методам буржуазной пропаганды. Тем более, что наши противники разрабатывают их весьма тщательно: «В наше время пропагандист не представляет никакой ценности, если он не способен построить

свою работу на

(С. 175) основах, заложенных социологией, психологией, социальной психологией», — пишет американский социолог М. Чукас, который, как мы уже указывали, специально занимается вопросами обоснования пропаганды.

Разоблачая принципы буржуазной пропаганды, важно показать, насколько далека она от объективного отражения реальности уже в самом обосновании и задачах. Современная пропаганда называется пропагандой фактов, но эти последние изначально рассматриваются не как условие объективности, а как способ достижения пропагандистской цели. Факты в буржуазной пропаганде выступают как видимость объективности, отделяющая в то же время эмпирическое отражение действительности от научного ее обобщения.

Идеалом буржуазной пропаганды является создание «массового сознания», основанного на упрощенных, стандартизированных представлениях людей об основных явлениях общественной жизни. Факты, вся совокупность информации, сталкиваясь со стереотипом (например, «красный», «ниггер», «красная опасность» и т. д.), получают соответствующее освещение, воспринимаются стандартным образом и под соответствующим углом зрения. Стереотипы, пишет о них У. Липшман, «это предвзятые мнения, которые управляют решительно всеми процессами восприятия». Таким образом, психологическое выступает здесь отнюдь не как средство углубления рационального, а эмпирическое — не как путь к его обоснованию. Напротив, они должны создать заслон против рационального, теоретического.

Не менее примечательны и способы «организации» фактов. Так, выдвигается ряд приемов подачи фактов. Мы назовем некоторые из них, и уже сами «официальные» названия говорят о многом. Таковы, например, «усеченная правда», «блеф», «слухи», «потухший вулкан», «чучело». Два последних нуждаются в пояснении. «Чучело» означает искусственно раздутую проблему, к которой привлекается внимание общества, чтобы отвлечь его от проблем более значительных и серьезных. «Потухший вулкан» — незначительная проблема, вокруг которой создана пропагандистская шумиха, и когда проблема успешно разрешена, этот «успех» подается как значительное и серьезное достижение общества.

Даже из этого, весьма беглого обращения к некоторым моментам, характеризующим особенности деятельности буржуазной пропаганды, можно видеть, насколько решительно противостоят им марксистско-ленинские принципы пропагандистской деятельности среди масс, основанные на требовании следовать точным фактам в их целом, и их связи, в их богатстве и в то же время теоретическом осмыслении и обосновании. Очевидно, что соединение объективной, глубоко постав-

(С. 176) ленной информации, учитывающей все компоненты, из которых складывается активное познание действительности человеком и активное отношение к ней, с критическим анализом методов деятельности противника, который ни в коем случае не должен недооцениваться или оставаться неразоблаченным, — сложная задача, требующая большой и серьезной работы философов, социальных психологов, социологов. Не менее важными являются проблемы анализа современного знания и путей его освоения, которые могут быть решены лишь совместными усилиями представителей специальных наук" философов, психологов, педагогов.

Особо важная роль в этом процессе теоретического анализа и обобщения знания принадлежит философии. Она вытекает прежде всего из существа философии как теории более высокого уровня, помогающей осмыслить и оценить материал знания. Роль философии как теоретической основы научного мировоззрения определяется и важностью оценки различных фактов, необычайно сложных, порою даже странных для здравого смысла. Но ведь и «здравый смысл» не есть нечто раз и навсегда данное. Развивается и он. Расширению его рамок, включению в его круг явлений, ранее ему недоступных, и должна

способствовать философия. Она же развивает способность абстрактного мышления, а с ним и более глубокого теоретического проникновения в действительность, создавая условия для переплетения в их единстве, а не в отрыве социально-психологического и идеологического уровней отражения. Марксистская философия как мировоззрение, ставящее перед каждым членом общества задачу активного изменения мира, формирует активное, деятельное отношение к накапливаемым знаниям. Наконец, она является средством идейной закалки, необходимой и для того, чтобы противостоять буржуазным идеям и идеалам, чтобы усваивать и перерабатывать подлинно новое в науке, чтобы не только мешать проникновению реакционных идей, извращенной интерпретации фактов, но и критически преодолевать эти идеи, осуществляя не оборону, а наступление.

Систематизация, упорядоченность, углубление теоретического уровня знания ни в какой мере не снимает социально-психологических аспектов его усвоения. Напротив, необходимы более активная постановка и решение этих проблем. В самом деле, развитие знания вширь и вглубь требует и более глубокого отношения к нему, делает сложной проблему его оценки, включения в единую и гармоничную систему мировоззрения и мироощущения, единства рационального и эмоционального, единства индивидуального и социального опыта. Расширение знания, его теоретического оформления, углубление общественного сознания и самосознания тесно

(С. 177) связаны не только с прогрессом форм знания, но и с социальным прогрессом и социальным освобождением. Если уже капитализм, в отличие от предшествующих формаций, нуждается в рабочем, обладающем определенной суммой знаний, а не просто эмпирических навыков, то эти требования к накоплению знаний весьма противоречивы и ограничены. Не случайно рядом с наукой в буржуазном обществе продолжают существовать идеализм, иррационализм и религия; росту политического сознания масс противостоит социальная демагогия, и господствующий реакционный класс стремится в человеке развивать не разум в единстве с высокими чувствами и идеалами созидания, а иррационализм, дополненный низменными чувствами и инстинктами разрушения.

Гармоническое развитие знания трудящихся в подлинном единстве его эмпирического и теоретического уровней в осознании мира и во всех видах деятельности может стать реальностью лишь в социалистическом сознании и может быть осуществлено лишь в ходе борьбы за победу социализма, в ходе строительства коммунистического общества.

(С. 178) ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ФАКТ – КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА. ФАКТЫ НАУКИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Подведем некоторые итоги.

Факт — специфическая категория научного познания. Факт выступает как основа построения и развертывания знания, движение от факта к его обобщению выражает закономерности не только становления науки, но и знания, рассматриваемого более широко, включающего в себя обобщение практического опыта человека и общества и в индивидуальном сознании и в разных формах общественного сознания.

Эту роль основы построения знания, необходимой для того, чтобы «эмпирически начать понимание», факт выполняет потому, что в нем фиксируются отдельные, конкретные, индивидуализированные проявления действительности, «непосредственная действительность», описание которой необходимо для обнаружения общего, момент, сторона которого и выражена в факте.

В работе выделены специфические особенности факта науки по его содержанию, т.е. по характеру отраженной в нем действительности, по особенностям его связи с практикой (непосредственная ее действительность), по способам установления

(наблюдение, эксперимент). Показано при этом, что факт выступает как резюме опытных данных и, в значительной мере, как их статистическое резюме. Совокупность указанных характеристик факта науки является основой рассмотрения его как отражения эмпирического объекта. По отношению к уровню знания факт — элемент эмпирического знания, по гносеологической функции — научное описание. При этом факт знания Φ_2 соответствует факту действительности Φ_1 . Отражение Φ_1 в Φ_2 является диалектическим процессом, а истина факта, выступая как специфическая форма достоверного знания (эмпирическая достоверность), представляет сложное ди-

(С. 179) диалектическое единство абсолютного и относительного знания.

Вся совокупность указанных моментов составляет специфические особенности факта, которые выступают в тесном единстве. Нельзя отказаться ни от одной из них, не затронув всех остальных, ибо они вытекают одна из другой. Так, стоит снять рассмотрение факта как элемента эмпирического знания, связанного с опытом, практикой, как исчезнет его «данность», непосредственность, связь с чувственным познанием. Если мы снимем такую характеристику факта как его рассмотрение в функции научного описания, исчезнет опять-таки «данность» факта, его рассмотрение как исходного материала науки. Если мы откажемся от рассмотрения факта как отражения эмпирического объекта, — исчезает и непосредственная данность и индивидуализация факта, и его конкретность, и непосредственная связь с практикой. Снимем момент эмпирической достоверности факта — исчезнут все названные его характеристики, — все то, что позволяет на основе фактов «эмпирически начать понимание».

Эти цельность и последовательность исчезают, если факт рассматривается как более широкое понятие и, в частности, просто как достоверное высказывание, независимо от объема и логической природы заключенного здесь знания.

Подобное рассмотрение факта является прямым продолжением и в то же время диалектико-материалистическим развитием идей домарксистской философии, подходившей к факту как специфическому элементу знания, выражающему единичное, непосредственное, случайное. Эта специфика, указанная и выделенная в гносеологии, была вместе с тем недостаточно обоснована в силу метафизического подхода к факту и процессу познания в целом, в силу ограниченности крайностей или эмпирического или рационалистического подхода к познанию, — ограниченности, тем более неизбежной, когда метафизика соединялась с идеализмом.

Раскрытие природы и сущности факта, его функции и структуры, а также принципов его использования было осуществлено в марксистской философии. Его основой явилась теория диалектического материализма. Эта проблема была решена на новом уровне именно в марксистской философии и потому, что ее основоположники в своей теоретической деятельности показали новые образцы анализа и обобщения фактов науки, по-новому используя богатство фактов научного знания в построении и создании теории.

Факт — специфическая философская категория. Специфичность факта как элемента знания дополняется и усиливается его специфичностью как философской категории, поскольку значение различных категорий, наиболее тесно примыкающих к факту и связанных с ним («предмет», «объект»),

(С. 180) «явление») не совпадает со значением категории «факт». Последняя имеет, таким образом, свое специфическое содержание и онтологическое, и гносеологическое, и логическое, свои отличительные черты.

Широта охвата отношений бытия и познания, при несомненной специфичности факта дает ему все права на то, чтобы быть отнесенным к числу категорий диалектического материализма. Мы доказывали, что понятие «факт» охватывает специфические отношения реальной действительности и познания. В таком его качестве факт приобретает особенно широкий категориальный статус (тот же, что и закон).

Рассмотрение факта действительности тем объективным референтом, которому соответствует факт науки, не является общепринятым. Эта точка зрения имеет достаточно много противников. И хотя необходимость признания факта действительности представляется нам несомненной, следует заметить, что и несогласие с этой точкой зрения ничего не меняет в категориальном статусе факта (разумеется, если считать, что факт является отражением связей, отношений, объектов реальной действительности).

Факт и в этом случае должен рассматриваться как категория потому, что он является той «клеточкой», неотъемлемым элементом эмпирического знания, без которых последнее не могло бы существовать в качестве системы, составляющей фундамент знания теоретического. Философское значение факта как категории усиливается тем обстоятельством, что он является не только элементом знания научного. Ведь факт связан со всей системой общественного сознания в целом, а также со всей системой знания о мире (и, в частности, знания индивидуального).

Более того, критерием для включения факта в систему категорий служат и следующие соображения. Право категории считаться философской определяется также ее местом и значением в системе научного и философского знания на том или ином этапе развития последнего. Так, например, ставит вопрос П. В. Копнин. Философскими категориями, пишет он, «являются те понятия, которые вырабатываются для решения проблем, составляющих предмет философии на данном уровне развития научного знания»¹.

Проблемы уровней знания, движения научного познания в системе не только методологии науки, но и гносеологии, вопросы, касающиеся специфики самого философского знания, с необходимостью опирающегося на факты, более широкий анализ структуры и функционирования современной на-

¹ П. В. К о п н и н . Развитие познания как изменение категорий. — «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 45.

(С. 181) уки — все это составляет существенную проблематику философии. А это значит, что факт, который и раньше так или иначе «захватывался» философией, должен войти в число ее категорий и занять там достаточно заметное место. Важность этой задачи вытекает и из необходимости критики современной буржуазной философии и ее попыток монополизировать проблематику факта.

Факт и закон — парные диалектические категории. Подчеркивая специфику факта, мы показали, что он выступает в науке как индивидуализированное, непосредственное, данное в опыте, практике, проявление закона, являющегося его внутренней основой.

Положения о диалектике факта и закона являются продолжением вопроса о сущности факта как философской категории и о том месте, которое в системе категорий должен занять факт.

Признание соотносительности факта и закона углубляет диалектико-материалистическое понимание факта. Одновременно оно затрагивает и рассмотрение закона как категории. Ибо нельзя считать правомерным, что, раскрывая случайное, единичное, явление и т. д. в единстве с их «парами» — необходимостью, общим, сущностью, мы рассматриваем закон вне тех единичных, непосредственных связей, через которые он проявляется. При этом очевидно, что поиски «пары» закону направляются не отвлеченными соображениями симметрии, а анализом его содержания и сущности, общими принципами диалектико-материалистического подхода к взаимоотношению отдельного и общего, внешнего и внутреннего, опосредствованного и непосредственного в объективной действительности и в процессе ее познания. Разные стороны этих диалектических отношений и синтезируются в таких сложных интегрирующих категориях, какими и являются соответственно факт и закон.

* * *

Мы показали, что развитие фактуальной основы знания, ее развертывание, рост значимости фактов науки и глубины их теоретического обобщения являются показателем прогресса науки и "социального прогресса в целом. Неотъемлемой характеристикой последнего является и характер, уровень, особенности использования фактов во всей системе общественного сознания, уровень информированности общества о различных сторонах и проявлениях общественной жизни, о достижениях науки, о развертывании практики. Показателем уровня данного общества и особенностей его развития является также и теоретическое отношение к факту, уровень обоснования его значимости, философского осмысления его сущности и значения.

(С. 182) Мы видели, что в ходе развития познания судьба факта была различной. Характер его использования в современном обществе является достаточно ярким свидетельством особенностей этого общества и зависит от них.

Капитализм, вызвавший к жизни бурный рост науки и развитие ее эмпирического базиса, не может по самой своей природе создать единства в познании, обобщении, использовании и теоретическом истолковании фактов. Неизбежной и здесь ссылкой на факт противостоит отказ от его обобщения, особенно очевидный в социальном знании. Апелляция к факту соединяется с категорическим отказом от него там, где знание фактов позволяет судить о чем-то большем, чем это хотелось бы правящим кругам общества. (Как совместить якобы «культ» факта с тайнами комиссии Уоррена и другими подобными «тайнами»?) Широкой информации о факте науки мешает также то, что значительнейшие исследования в науке ведутся на войну, следовательно скрыты даже от большинства ученых. Обращение к факту и ссылка на него соединяются вместе с тем с дискредитацией факта в ходе теоретического его осмысления в философии. Дискредитация факта проявляется в стремлении подчинить науку и философию религиозной идеологии. Таковы неизбежные противоречия факта в условиях капиталистического общества, «разорванному» бытию которого соответствует и «разорванное» сознание.

Специфическими для социалистического общества являются закономерности последовательного расширения фактуального знания, его использования в различных формах сознания, единство всех форм сознания в использовании ими факта и в его обобщении. Этому уровню познания и использования факта должны соответствовать и особенности пропаганды и распространения знания, уровень информации и, с другой стороны, уровень теоретического обобщения фактов, и философский анализ процесса познания.

Соответствие всех указанных моментов вытекает из особенностей социалистического общественного сознания и общественного бытия, и все более полный их анализ является нашей теоретической и практической задачей.

(С. 183) ЛИТЕРАТУРА

- Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7.
Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22.
К. Маркс. Предисловие к первому немецкому изданию первого тома «Капитала». Послесловие ко второму изданию. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.
Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Поли. собр. соч., т. 1.
В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве. — Поли. собр. соч., т. 1.
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Поли. собр. соч., т. 3.
В. И. Ленин. Рецензия. А. Богданов. Краткий курс экономической науки. — Поли. собр. соч., т. 4.

- В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. — Поли. собр. соч., т. 18.
- В. И. Ленин. Нечто об итогах и фактах. — Поли. собр. соч., т. 23.
- В. И. Ленин. Объективные данные о силе разных течений. — Поли. собр. соч., т. 25.
- В. И. Ленин. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Поли. собр. соч., т. 27.
- В. И. Ленин. Философские тетради. — Поли. собр. соч., т. 29.
- В. И. Ленин. Статистика и социология. — Поли. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. О характере наших газет. — Поли. собр. соч., т. 37.
- В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. — Поли. собр. соч., т. 45.
- В. И. Ленин. Письмо М. Н. Покровскому. — Поли. собр. соч., т. 52.
- В. И. Ленин. Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода». — Ленинский сборник. XI.
- Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Проблемы методологии естественнонаучного поиска. — «Вопросы философии», 1971, № 2.
- Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. Критический очерк. «Мысль», М., 1965.
- Андреева Г. М., Никитин Е. П. Метод объяснения в социологии. — «Социология в СССР», т. 1. «Мысль», М., 1964.
- (С. 184) Библиер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности (логические заметки). — «Источниковедение». «Наука», М., 1969.
- Больцман Л. Очерки методологии физики. М., 1929.
- Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. ИЛ, М., 1961.
- Бродский И. Н. Отрицательные высказывания и отрицательные факты. — «Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования». Вып. 2, ЛГУ, 1970.
- Бунге М. Интуиция и наука. «Прогресс», М., 1967.
- Бунге М. Причинность. ИЛ, М., 1962.
- Вайнштейн О. Л. Марксизм-ленинизм об историческом факте. — «В. И. Ленин и проблемы истории». «Наука», Л., 1970.
- Вейс П. Заметки о документальном театре. — «Иностранная литература», 1968, № 7.
- Вигнер Е. События, законы природы, принципы инвариантности. — «Успехи физических наук», т. 85, 1965.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. ИЛ, М., 1959.
- Вольтер. Философия истории. СПб., 1868.
- Гегель. Энциклопедия философских наук, т. I.
- Гегель. Философия истории, т. VIII.
- Герцен А. И. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. — Избр. филос. произв., т. 1. М., 1946.
- Гулыга А. В. История как наука. — «Философские проблемы исторической науки». «Наука», М., 1969.
- Гуревич Я. А. Что такое исторический факт. — «Источниковедение». «Наука», М., 1969.
- Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. «Прогресс», М., 1967.
- Дидро Д. Избранные философские произведения. ОГИЗ, М., 1941.
- Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. «Образование», СПб., 1910.
- Дюркгейм Э. Метод в социологии. Киев — Харьков, 1900.
- Жданов Г. Б. Эксперимент и теория в современном естествознании. — «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968.
- Жизненный материал и художественное обобщение. (Ответы на анкету о документальном жанре). — «Вопросы литературы», 1966, № 9.
- Зиновьев А. А. Логика науки. «Мысль», М., 1971.
- Зиновьев А. А. Два уровня в научном исследовании. — «Проблемы научного метода». «Наука», М., 1964.
- Иванов Г. М. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. — «Вопросы истории», 1969, № 2.
- Казакевич Т. П. К вопросу о социальном факте в ленинской методологии. — Ученые записки МЗГПИ. Вып. 25, М., 1969.
- Капица П. Л. Теория, эксперимент, практика. «Знание», М., 1966.
- Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. «Прогресс», М., 1971.
- Карпинская Р. С. О соотношении эксперимента и теории в исследовании эволюции. — «Методологические проблемы современной биологии». Киев, 1970.
- Какх Ю. Нужна ли новая историческая наука? — «Вопросы истории», 1969, № 3.
- Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. Госполитиздат, М., 1963.
- Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- Кон И. С. Позитивизм в социологии. М., 1964.

- Конт О. Курс положительной философии, тт. 1, 2. «Посредник», СПб., 1899.
- (С. 185) Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. «Наука», М., 1969.
- Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966.
- Копнин П. В., Вильницкий М. Соотношение объективного и субъективного в развитии естественнонаучного знания. — «Диалектика в науках о неживой природе». М., 1965.
- Косолапов В. В. Гносеологічна природа наукового факту. «Наукова думка», Київ, 1964.
- Косолапов В. В. Фактическое знание как основание теории социального процесса. — «Социальные исследования. Теория и метод». Вып. 5. «Наука», М., 1970.
- Косолапов В. В. Информационно-логический анализ научного исследования. Киев, 1968.
- Кэндзуро Янагида. Философия истории. «Прогресс», М., 1969.
- Ледников Е. А. Проблемы конструкторов в анализе научных теорий. «Наукова думка», Київ, 1969.
- Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. «Высшая школа», М., 1965.
- Лекторский В. А. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. — «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода». «Наука», М., 1964.
- Ленгмюр И. Наука о явлениях, которых на самом деле нет. — «Наука и жизнь», 1968, № 12; 1969, № 2.
- В. И. Ленин и современная статистика. «Статистика», М., 1970.
- Литература, документ, факт. — «Иностранная литература», 1966, № 8.
- Логика научного исследования. «Наука», М., 1965.
- Маркс — историк. «Наука», М., 1968.
- Маслов П. П. Социология и статистика. Статиздат, М., 1967.
- Мерзон Л. С. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки. — «Философские науки», 1971, № 2.
- Мерзон Л. С. Социальные условия развития науки и отношение к ее фактам. — «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Вып. IV. Материалы I Всесоюзн. конф. Л., 1971.
- Мерзон Л. С., Парыгин Б. Д. В. И. Ленин о социально-психологических аспектах формирования мировоззрения ученых. — «Вопросы философии и социологии». — Ученые записки ЛГПИ, т. 406, 1970.
- Мерзон Л. С. В. И. Ленин о сущности и роли фактов науки. — «В. И. Ленин и вопросы философской науки». ЛГУ, 1970.
- Мерзон Л. С. Факт и закон. — «Философские и социологические исследования». — Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. ЛГУ, 1969, вып. X.
- Милль Д. С. Система логики. СПб., 1914.
- Моргенштерн О. О точности экономико-статистических наблюдений. «Статистика», М., 1968.
- Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. «Наука», М., 1969.
- Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. «Наука», М., 1970.
- Орлов В. Н. Роль научного описания в историческом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 1.
- Палиевский П. В. Роль документа в организации художественного целого. — «Проблемы художественной формы социалистического реализма». М., 1972.
- Пирсон К. Грамматика науки. Изд-во «Шиповник», СПб.
- Права и обязанности документалиста (дискуссия). — «Вопросы литературы», 1971, № 6.
- Противоречия в развитии естествознания. «Наука», М., 1965.
- Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. «Высшая школа», М., 1970.
- Ракитов А. И. Факт. — Философская энциклопедия, т. 5, 1970.
- (С. 186) Ракитов А. И. О природе эмпирического знания. — «Логическая структура научного знания». М., 1965.
- Рассел Б. Человеческое познание. ИЛ, М., 1958.
- Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1908.
- Рубина М. С. Понятие факта в структуре физической теории. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Рубинов И. Г. Факты и понятия в системе естественнонаучного знания. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1968.
- Рубинов И. Г. Понятие факта в логике научного исследования. — «Вопросы истории и методологии науки». Сб. кафедр общественных наук, т. 129. Омск, 1971.
- Румшинский Л. З. Математическая обработка результатов эксперимента. «Наука», М., 1971.
- Садовский Г. И. Ленинская концепция понятия и эволюция понятия «вид». — «Наука и техника», Минск, 1970.
- Смирнова Е. Д. К проблеме аналитического и синтетического. — «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962.
- Уваров А. И. Структура теории в исторической науке. — «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 3. Томск, 1965.
- Устинов В. А. Применение вычислительных машин в исторической науке. «Мысль», М., 1964.

- Уэвэлл В. История индуктивных наук от древности до настоящего времени. СПб., 1869.
 Философия и современность. «Наука», М., 1971.
 Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. «Прогресс», М., 1966.
 Швырев В. С. Логико-методологические проблемы эмпирической проверяемости научных теорий. — «Современные проблемы диалектического материализма», т. II. М., 1970.
 Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. «Наука», М., 1966.
 Шептулин А. П. Разработка В. И. Лениным учения о категориях диалектики и проблема их взаимосвязи. — «Философские науки», 1971, №2.
 Шептулин А. П. Категории материалистической диалектики. «Наука», М., 1970.
 Штофф В. А. Рецензия на кн. «Логика научного исследования». — «Философские науки», 1966, № 5.
 Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Гарту, 1968.
 Ядов В. А. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5.
 Яхот О. О. Социологические исследования и некоторые теоретические вопросы статистики. — «Вопросы философии», 1963, № 5.
 Austin I. L. Unfair to Fact — «Philos. Papers». Oxford, 1951.
 Bagly W. Fact and how to find them. L., 1954.
 Begriff und Funktion der Tatsache in der Wissenschaftlichen Forschung. — «Rostocker Philosophische Manuscripte». Heft 6. Univ. Rostock, 1969.
 Bekker K. What Are Historical Facts? — «The Western Political Quarterly», vol. VIII, № 3, Sept., 1955.
 Bunge M. The Myth of Simplicity. Problems of Scientific Philosophy. Prent.-Hall, 1963.
 Carnap R. Über Protokolsätze. — «Erkenntnis», Bd. 3. H. 2-3, 1932/33.
 Carnap R. Formal and Factual Science — «Erkenntnis», 5, 1934. «Reading in the Philosophy of Science». N. Y., 1953.
 Caulbach F. Philosophy der Beschreibung. Köln, 1968.
 (C. 187) Coles N. Fact. — «Ratio», vol. VII, Dec. 1965, № 2.
 Description, Analytizität und Existenz. Internationale Forschungszentrum für Grundlagen der Wissenschaft. Drittes und viertes Forschungsgespräch. Salzb., Munch., 1966.
 Evans B. The Natural History of Nonsense. L., 1947.
 Fact and Theory in Social Science. Ed E. W. Court, G. T. Bowles. N. Y., 1964.
 Feuerabend P. Realism and Instrumentalism: Comment of the Logic of Factual Support? — «Critical Approach to the Philos. of Science». N. Y., 1969.
 Fischer D. Z. Historians Fallacies. Toward a Logic of Historical Thought, N. Y., Evanston, L., 1971.
 Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer Wissenschaftlichen Tatsache. Basel, 1935.
 Goodmen N. Fakt, Fiction and Forecast. L., 1954.
 Goodmen P. The Facts of Life. N. Y., 1945.
 Handbuch der Empirischen Socialforschung, Hrg von R. König. Stuttg., 1962.
 Harré R. An Introduction to the Logic of Sciences. L., 1960.
 Martin R. Facts: what they are and what they are not. — «American Philos., Quarterly», vol. IV, № 4, Oct. 1967.
 Merton R. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1955.
 Nagel E. The Structure of Science. N. Y., 1961.
 O'Neil W. M. Fact and Theory. An aspect of the Philosophy of Science. Sydney, 1969.
 Parain V. I. La nature du fait dans les science humaines. Paris, 1966.
 Popper K. The Logic of Scientific Discovery. N. Y., 1959.
 Russell B. Logic and Knowledge, Essay 1901-1950. The Philosophy of Logical Atomism; Logical Atomism, Logical Positivism u. a. L., 1956.
 Strawson R. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. L., 1961.
 Symposium Truth. — Aristotelian Society Supplementary Volume, XXIV, 1950.
 Tillman L. A. Facts, Events and True Statements. — «Theoria», Vol. XXX, part 2, 1966.
 Wartofsky M. Conceptual Foundations of Scientific Thought. An Introduction to the Philosophy of Science. N. Y., 1968.
 Der Wörterbuch Marxistisch-Leninistischen Soziologie. Berlin, 1969.

Т е м а 1 . Анализ факта как философская проблема.....	3
<i>Лекция 1.</i> Значение философского анализа факта и основные его аспекты.....	3
<i>Лекция 2.</i> Условия и основные тенденции в развертывании анализа факта в истории философии. Марксистско-ленинская философия — основа научной разработки проблематики факта.....	14
Т е м а 2 . Гносеологическая природа и специфика факта. Факт — непосредственная действительность.....	30
<i>Лекция 3.</i> Понятие факта и его основные характеристики. Факты науки и факты действительности.....	30
<i>Лекция 4.</i> Факты науки — эмпирическое знание.....	48
Т е м а 3 . Структура и гносеологические функции факта науки. Факт в системе научного знания.....	65
<i>Лекция 5.</i> Факт в системе эмпирического базиса науки. Описание — функция фактуального знания.....	65
<i>Лекции 6-7.</i> Факт и закон. Факт и научная теория.....	84
<i>Лекция 8.</i> Факт и мировоззрение.....	107
Т е м а 4 . Развитие науки и диалектика факта. Факт в современной науке.....	123
<i>Лекция 9.</i> Диалектика истины факта.....	123
<i>Лекция 10.</i> Развитие факта. Научно-техническая революция и особенности эмпирического базиса современного знания.....	134
Т е м а 5 . Факт в структуре общественного сознания.....	155
<i>Лекция 11.</i> Факты в развитии общественного сознания. Место факта в идеологическом и социально-психологическом отражении.....	155
<i>Лекция 12.</i> Факты в формировании мировоззрения масс.....	167
Заключение. Факт — категория диалектического материализма. Факты науки и социальный прогресс.....	178
Литература.....	183